

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА»

А. Г. Айрапетов

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ СТРАН ЕВРОПЫ
И АМЕРИКИ В XX ВЕКЕ
(либерализм, консерватизм, фашизм)**

Допущено Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов выс-
ших учебных заведений, обучающихся по специ-
альности 030401 «История» направления подго-
товки 030400 «История»

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Тамбов 2010

УДК 363(075.8)
ББК 63.3 я73
А37

*Рекомендовано к печати Редакционно-
издательским советом ТГУ имени
Г. Р. Державина*

Рецензент:

заведующий кафедрой международных отношений и политологии
ТГУ имени Г. Р. Державина, доктор исторических наук, профессор
В. В. Романов

Айрапетов А. Г.

А37

Общественно-политическая мысль стран Европы и Америки в XX веке (либерализм, консерватизм, фашизм) : учеб. пособие / А. Г. Айрапетов ; Федеральное агентство по образованию, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина». Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. 163 с.

ISBN 978-5-89016-555-8

В учебном пособии рассматриваются влиятельные политические теории XX в., ориентированные на модернизацию классической модели парламентской демократии, анализируются фашистские доктрины тоталитарного государства и концепции «открытого» демократического общества.

**УДК 363(075.8)
ББК 63.3 я73**

ISBN 978-5-89016-555-8

© Айрапетов А. Г., 2010

© ГОУВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2010

**FEDERAL EDUCATIONAL AGENCY
STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF
HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
«TAMBOV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER G. R. DERZHAVIN»**

A. G. Airapetov

**SOCIO-POLITICAL THOUGHT OF
THE COUNTRIES OF EUROPE
AND AMERICA IN XX CENTURY
(liberalism, conservatism, fascism)**

Permitted by the Training-Methodic Association in
classical university education as a study guide for
students of higher educational institutions, training for
the specialty 030401 «History» of the area training
030400 «History»

Tambov 2010

Recommended for Publishing by the Editorial-Publishing Board of TSU named after G. R. Derzhavin

Reviewer:

Head of the Department of International Relations and Political Science of TSU named after G. R. Derzhavin, Doctor of Historical Sciences, Professor
V. V. Romanov

Airapetov A. G.

Socio-Political Thought of the countries of Europe and America in XX century (Liberalism, Conservatism, Fascism) : Study Guide / A. G. Airapetov ; Federal Educational Agency, SEIHPE «TSU named after G. R. Derzhavin». Tambov : The Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2010. 163 pp.

ISBN 978-5-89016-555-8

The study guide considers authoritative political theories of XX century, oriented to modernization of the classical model of parliamentary democracy, analyzes the fascist doctrines of a totalitarian state and conception of the «open» democratic society.

© Airapetov A. G., 2010

ISBN 978-5-89016-555-8

© SEIHPE «Tambov State University
named after G. R. Derzhavin», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Программа курса	7
Введение. Общественно-политическая мысль стран Европы и Америки в XX в. (общая характеристика)	9
1. Политическая мысль конца XIX – начала XX в.	13
1.1. М. Вебер	14
1.2. Г. Моска. В. Парето. Р. Михельс	19
2. Общественно-политические теории 1920-1940-х гг.	29
2.1. Политическая идеология фашизма	29
2.2. Обновление либеральной политической доктрины	35
3. Социально-политические идеи 1940-1990-х гг.	44
3.1. Критика тоталитаризма	44
3.2. Общественно-политические концепции позднего индустриального общества (1950-1960-е гг.)	53
3.3. Политические теории постиндустриального общества (1960-1990-е гг.)	66
Вопросы для обсуждения и самоконтроля	79
Темы рефератов	82
Список источников и литературы	83
Приложение	86
<i>Вебер М.</i> Основные социологические понятия	86
<i>Вебер М.</i> Политика как призвание и профессия	88
<i>Моска Г.</i> Правящий класс	94
<i>Парето В.</i> Компендиум по общей социологии	97
<i>Михельс Р.</i> Социология политической партии в условиях демократии	99
<i>Муссолини Б.</i> Доктрина фашизма	103
<i>Шумпетер Й.</i> Капитализм, социализм и демократия	108
<i>Мунье Э.</i> Персонализм	110
<i>Поппер К.</i> Открытое общество и его враги	113
<i>Хайек Ф.</i> Дорога к рабству	117
<i>Арендт Х.</i> Начала тоталитаризма	121
<i>Джилас М.</i> Новый класс	125
<i>Арон Р.</i> Демократия и тоталитаризм	129
<i>Миллс Р.</i> Властвующая элита	138
<i>Маркузе Г.</i> Одномерный человек	141
<i>Гэлбрейт Дж.</i> Новое индустриальное общество	143
<i>Тоффлер О.</i> Эра смещения власти	147
<i>Турен А.</i> Что означает демократия сегодня?	150
<i>Фукуяма Ф.</i> Конец истории?	153
<i>Сорос Дж.</i> Кризис мирового капитализма	158

CONTENTS

Course curriculum.....	7
Introduction. Socio-political thought of the countries of Europe and America in XX century (general characteristics)	9
1. Political thought of late XIX – early XX centuries	13
1.1. M. Weber	14
1.2. G. Mosca. V. Pareto. R. Michels	19
2. Socio-political theories of the 1920-1940s.....	29
2.1. Political ideology of fascism.....	29
2.2. Renovation of the liberal political doctrine.....	35
3. Socio-political ideas of the 1940-1990s.....	44
3.1. Criticism of totalitarianism	44
3.2. Socio-political conceptions of late industrial society (the 1950-1960s)	53
3.3. Political theories of post-industrial society (the 1960-1990s) ...	66
Questions for discussion and self-control.....	79
Topics of reports.....	82
List of sources and literature.....	83
Appendix	86
<i>Weber M.</i> Basic Sociological Concepts.....	86
<i>Weber M.</i> Politics as a Vocation and Profession.....	88
<i>Mosca G.</i> The Ruling Class	94
<i>Pareto V.</i> Compendium in General Sociology.....	97
<i>Michels R.</i> Sociology of the Political Party in Conditions of Democracy	99
<i>Mussolini B.</i> Doctrine of Fascism	103
<i>Schumpeter J.</i> Capitalism, Socialism and Democracy.....	108
<i>Mounier E.</i> Personalism	110
<i>Popper K.</i> Open Society and its Enemies	113
<i>Hayek F.</i> Way to Slavery	117
<i>Arendt Kh.</i> Principles of Totalitarianism	121
<i>Djilas M.</i> A New Class.....	125
<i>Aron R.</i> Democracy and Totalitarianism	129
<i>Mills R.</i> Power Elite	138
<i>Marcuse G.</i> One-Dimensional Man	141
<i>Galbraith J.</i> A New Industrial Society	143
<i>Toffler O.</i> The Era of Power Shift	147
<i>Touraine A.</i> What Does Democracy Mean Today?	150
<i>Fukuyama F.</i> The End of History?	153
<i>Soros J.</i> The Crisis of Global Capitalism	158

ПРОГРАММА КУРСА

Общественно-политическая мысль стран Европы и Америки в XX в. (общая характеристика). Цель, задачи, структура курса.

Политическая мысль конца XIX – начала XX в.

Классическая модель парламентской демократии и западное общество на рубеже XIX-XX вв. М. Вебер. Политика в жизни и научном творчестве германского интеллектуала. Типология легитимного господства. Концепция плебисцитарной демократии. Роль политических партий.

Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс. Консервативная альтернатива теории народного суверенитета и представительной демократии. Концепции элит. Влияние идей Н. Макиавелли. Политическая и научная деятельность Г. Моски. Концепция «политического (правящего) класса». Парадоксы жизни В. Парето. Социология человеческих поступков. Теория смены элит. Р. Михельс: интеллектуал и рабочее движение. Исследование массовых организаций. «Железный» закон олигархии и средства его «смягчения».

Общественно-политические теории 1920-1940-х гг.

Политическая идеология фашизма. Политические и социально-психологические предпосылки европейского фашизма. Идейные истоки фашистской политической доктрины. Проект тоталитарного государства.

Обновление либеральной политической доктрины.

И. Шумпетер. Демократия и политическая борьба в век масс. Взгляды Шумпетера на капитализм и социализм. Э. Мунье. Персоналистская теория власти. Э. Бенеш. Перспективы развития восточноевропейской демократии. Новый тип политика. Облик политических партий и бюрократии.

Социально-политические идеи 1940-1990-х гг.

Критика тоталитаризма. Понятие тоталитаризма. Ф. Хайек. Правовое и тоталитарное государство. К. Поппер об «открытом» и «закрытом» обществах. Логика научного знания и принципы функционирования демократического государства. Х. Арендт. Социальные, психологические и идеологические основы тотали-

тарных движений и режимов. М. Джилас. Критика коммунистического тоталитаризма «изнутри». «Новый правящий класс».

Общественно-политические концепции позднего индустриального общества (1950-1960-е гг.) НТР и «государство благоденствия». Теории модернизации, индустриального общества и конвергенции. Р. Арон. Компаративистский анализ западных конституционно-плюралистических режимов и политического строя СССР. У. Ростоу об индустриальном обществе как историческом этапе в модернизационной эволюции человечества. Дж. Гэлбрейт. Трактровка конвергенции. Ч. Р. Миллс. Концепция «властвующей элиты». Идеология «новых левых». Г. Маркузе. Западное общество – «мир тотального администрирования». Программа гуманного социализма.

Политические теории постиндустриального общества (1960-1990-е гг.)

Апологетическое направление в концепциях западных интеллектуалов. Д. Белл о социально-политической структуре постиндустриального общества. З. Бжезинский об особенностях перехода к «технотронному» обществу в капиталистических и социалистических странах. Ф. Фукуяма. Философия истории. Классификация политических режимов по степени укорененности в обществе доверия между людьми. С. Хантингтон. «Столкновение цивилизаций». Пять моделей и пять причин перехода от авторитаризма к демократии в конце XX в. Э. Тоффлер. Три цивилизационные волны. Смена представительной демократии «мозаичной».

Критическое направление в общественно-политической мысли постиндустриальной цивилизации. Уязвимость универсалистских теорий модернизации. Л. Туроу о многополюсном мире. А. Турен. Достижения и пределы развития постиндустриального («программируемого») общества. Политическая власть и свобода личности. К. Поппер и его проект «улучшения» западного «открытого общества». Дж. Сорос. Миф о саморегулируемом «открытом обществе».

ВВЕДЕНИЕ

Общественно-политическая мысль стран Европы и Америки в XX в. (общая характеристика)

Политика касается практически всех сфер действительности, она затрагивает судьбу каждого человека. В знаниях о политике, ее влиянии на жизнь общества можно выделить несколько уровней: научно-теоретический (концепции социальных мыслителей, политологов, правоведов), конкретно-практический (политические взгляды государственных и общественных деятелей), обыденный (массовое политическое сознание). Цель курса рассмотреть научно-теоретический и конкретно-практический аспекты развития общественно-политической мысли зарубежной Европы и США в XX в.

В задачи курса входит: а) анализ политических концепций первой половины XX в., направленных на модернизацию классической модели парламентской демократии; б) изучение фашистской доктрины тоталитарного государства и концепций его идейных противников; в) раскрытие характерных черт влиятельных политических проектов второй половины XX в., времени позднего индустриального и постиндустриального обществ.

В созданном учебном пособии преимущественное внимание уделяется эволюции концепций либерализма и консерватизма. В XX в. они видоизменялись, подвергая критике доктрины и практику левого и правого тоталитаризма – сталинизма и фашизма.

Вместе с тем на вызовы времени общественно-политическая мысль XX в. ответила появлением новых течений в марксизме, ставшем влиятельной идеологической доктриной и оказавшем влияние на трансформацию либерализма и консерватизма. В Западной Европе возникли теории демократического социализма, неомарксизма и «еврокоммунизма», в Юго-Западной Европе и на американском континенте своих многочисленных сторонников имел троцкизм, в восточноевропейских странах социализма в течение нескольких десятилетий господствующей

идеологией был марксизм-ленинизм (в сталинской и постсталинской «версии»), в Китае – маоизм.

Истоки доктрины демократического социализма восходят к идеям теоретика германской социал-демократии Эдуарда Бернштейна. Ученик К. Маркса и Ф. Энгельса, он отказался от их идеи революционной диктатуры пролетариата и обосновал необходимость перехода социал-демократии «на почву парламентской деятельности, народного представительства и народного законодательства». Как идеология западноевропейской социал-демократии второй половины XX в. демократический социализм нацелен на совершенствование строя «плюралистической, смешанной демократии» и социально ориентированного рыночного хозяйства. «Созданное народом и для народа» правительство призвано обеспечить всем людям право на личную жизнь, гражданские свободы, управление большинства при уважении прав меньшинства, независимую юридическую систему.

В 1920-х гг. идеолог венгерской коммунистической партии Дьердь (Георг) Лукач и теоретик германской коммунистической партии Карл Корш сформулировали основные установки неомарксизма. Они интерпретировали марксизм как теорию, раскрывающую не просто механизм капиталистической эксплуатации, но экзистенциальные закономерности отчуждения человека. Это открыло перспективу известной «деполитизации» марксизма, выведения его за рамки одной лишь идеологии рабочего класса. Такой подход привлек к себе внимание идеологов западной либеральной и радикальной политической мысли 1920-1960-х гг. (Франкфуртская школа социальных исследований, «новые левые»).

В 1970-х гг. в международном коммунистическом движении шли оживленные дискуссии о путях преобразования капиталистического общества, а также об отношении к «реальному социализму» в восточноевропейских странах. Идеологи Испанской коммунистической партии (С. Каррильо), Итальянской коммунистической партии (Э. Берлингуэр), ряда других компартий выступили с открытой критикой КПСС и компартий других социалистических стран, обвинив их в догматизме, ограничении

демократии, подавлении инакомыслия и в стремлении к гегемонии в международном коммунистическом движении. «Неореви-зионисты» призвали к поиску нового, «европейского» пути к социализму на основе проведения социальных реформ и расширения демократии, без радикального революционного ниспровержения капитализма. Эта концепция получила название «еврокоммунизма».

Предлагаемый курс отличается от курсов истории политических и правовых учений или политической философии тем, что в нем акцентируется связь общественно-политической мысли с конкретно-историческими условиями ее развития и идейно-психологической атмосферой времени. Студент имеет возможность ознакомиться с основными событиями жизни и деятельности политических мыслителей, сопрягая эти сведения с особенностями общественно-политических проектов. При этом объектом и предметом изучения являются не только «сияющие вершины», но и менее известные феномены политико-интеллектуальной жизни XX в.

В ходе исследования общественно-политической мысли внимание концентрируется на интерпретации представлений о государстве и гражданском обществе, институтах власти, партийно-политической системе, взаимоотношениях личности и власти. Прослеживаются изменения во взглядах на такие фундаментальные понятия и явления, как политика, демократия, парламентаризм, тоталитаризм, «открытое общество» и др.

Общественно-политическая мысль тесно соприкасается с политической идеологией, полностью, правда, не совпадая с ней. Поэтому ее сложно интерпретировать в понятиях гносеологии (истинное – неистинное). Важнее оценивать ее через призму отражения в ней социальных вызовов времени, интересов общественных групп. Следует также иметь в виду, что социальные мыслители были движимы не только стремлением «распутать узлы» общественно-политических противоречий. Задача не ограничивалась теоретическим поиском, но заключалась также в выработке практических рекомендаций по революционной или, напротив, реформистской модернизации существующих режи-

мов. Авторы проектов прилагали усилия повлиять на массовое и государственное политико-правовое сознание общества.

Проблема преодоления политического отчуждения составляет основное содержание истории общественно-политической мысли. Политическим отчуждением называется превращение государства в нечто независимое от общества и господствующее над ним. Авторы идей и теорий, оправдывающих политическое отчуждение, стремятся обосновать ничтожность личности и народа перед государством, неограниченность государственной власти, необязательность для нее нравственных норм, строят модели идеального авторитарного или тоталитарного государства. Сторонники идеи преодоления политического отчуждения, отстаивая права человека, защищая личность и общество от произвола государства, выступают за подчинение властных структур закону. Исторический опыт XX века свидетельствует, что степень демократизма общественно-политических проектов определяется местом, которое занимают в них гуманистические начала, общечеловеческие ценности.

Курс охватывает три блока тем: 1. Политическая мысль конца XIX – начала XX в.; 2. Общественно-политические теории 1920-1940-х гг.; 3. Социально-политические идеи 1940-1990-х гг. Предлагаемое пособие могло иметь больший объем, но автор сознательно старался написать о самом существенном, отсылая читателя к источникам и литературе для самостоятельной дополнительной работы по рассматриваемым проблемам. Учебное пособие включает в себя программу курса, материалы лекций, вопросы для обсуждения и самоконтроля, тематику рефератов, список основных источников и литературы, приложение, составленное из сочинений социальных и политических мыслителей.

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

К концу XIX в. в странах Западной Европы и США сложилась политическая система парламентской демократии. В той или иной степени она включала в себя совокупность прав и свобод граждан, механизм разделения властей, принцип состязательности и смены у власти политических партий, разветвленный государственный аппарат. Политика к тому времени выделялась в самостоятельную сферу общественной жизни со своей логикой, своими правилами и приемами. Она стала профессией, которая при внешне кажущейся простоте и доступности обрела черты сложной науки, оставаясь вместе с тем тонким искусством.

Между тем парламентская демократия, выросшая на ценностях либерализма, не стала реальной демократией, одинаково гарантировавшей права и свободы всем гражданам. Симптомы кризиса либеральной парламентской демократии обнаруживались в растущих притязаниях финансовой олигархии, не склонной соблюдать «правила свободной конкуренции» и нормы правового государства, в радикальных оппозиционных настроениях по-прежнему отверженного пролетариата, в особых интересах государственной бюрократии, нередко не совпадавших с потребностями общества, на службу которому она была поставлена.

Осмысление кризиса и поиск путей выхода из него вели к переоценке классической теории западной демократии. Такого рода пересмотр связан с именами представителей западной политической мысли конца XIX – начала XX в.: Макса Вебера, Газтано Моски, Вильфредо Парето, Роберта Михельса. В их лице академическая интеллигенция либеральной и консервативной ориентации предложила варианты реформирования системы парламентской демократии.

1.1. М. Вебер

В духовно-интеллектуальной жизни Германии начала XX в. с новаторскими подходами к исследованию политических процессов выступил М. Вебер.

Макс Вебер родился 21 апреля 1864 г. в Эрфурте в семье юриста. В Гейдельбергском, Берлинском, Геттингенском университетах он изучал юриспруденцию, политическую экономию, экономическую историю. Уже в студенческие годы Вебер прослыл человеком независимых убеждений и строгих идеалов. По своей политической ориентации он был либералом с национально-патриотической окраской. В 1889 г. защитил в Берлине диссертацию на тему «К истории торговых обществ в средние века». Преподавал во Фрайбургском (1893-1896), Гейдельбергском (1896-1898, 1902-1919) и Мюнхенском (1919-1920) университетах. В 1904 г. Вебер был приглашен в Сент-Луис (США) для участия в конгрессе социальных наук и чтения лекций. С 1904 г. он вместе с В. Зомбартом и Э. Яффе становится редактором немецкого социологического журнала «Архив социальной науки и социальной политики», в котором выходят его наиболее важные сочинения: «Протестантская этика и дух капитализма», «О некоторых категориях понимающей социологии», «Политика как призвание и профессия», «Наука как призвание и профессия», «Хозяйственная этика мировых религий». После окончания Первой мировой войны Вебер – эксперт германской делегации на Парижской мирной конференции, затем – член комиссии по подготовке проекта Веймарской конституции. Макс Вебер скончался 14 июня 1920 г. в Мюнхене.

Вебер осознавал необходимость модернизации политического строя Германии, отягощенного сословно-абсолютистскими структурами. В своих научных исследованиях он пытался дать ответ на вопрос, каким образом возможно либерализовать политическую систему Германии по английскому образцу. Это позволило бы устранить засилье в политической жизни юнкерства и связанной с ним бюрократии, нейтрализовать растущее влияние социал-демократии и содействовать последовательному осуществлению «державной» мировой политики.

Типология легитимного господства

Магистральный путь модернизации политической системы, по Веберу, – это реформирование механизма легитимного господства. Он определяет государство как «отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (правомерное в глазах масс, фактически значимое) насилие». Вебер различает три типа легитимного господства сообразно трем характерным мотивам поведения людей.

Первый – «легальный» тип имеет в качестве мотива интерес и в его основе лежит целерациональное действие. К такому типу господства относятся политические режимы Великобритании, Франции, США. В этих государствах верховенствует формально-правовое начало, управляемые и управляющие подчиняются установленным законам.

Главная фигура легального типа государственного управления – бюрократ. Помимо юридического образования, считал Вебер, чиновник-бюрократ должен иметь специальное образование, что обеспечивает его компетентность. Бюрократов объединяет ряд общих признаков. Они: 1) лично свободны и подчиняются только служебному долгу; 2) имеют устойчивую служебную иерархию и связаны единой дисциплиной и системой контроля; 3) имеют твердо определенный круг обязанностей; 4) назначают и работают в силу контракта, получая вознаграждение в виде фиксированного денежного оклада; 5) рассматривают свою службу как единственную или главную профессию; 6) предвидят свою карьеру, которая зависит от служебного стажа, профессиональных заслуг. Вебер констатировал факт превращения современного ему чиновничества в слой высококвалифицированных работников умственного труда, вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой корпоративной честью. Без этих качеств возникла бы опасность чудовищной коррупции и падения технической эффективности государственного аппарата.

Второй тип легитимного господства, согласно классификации Вебера, – традиционный – имеет в качестве мотива нравы, привычку к определенному поведению. Традиционный тип гос-

подства основан на вере в священность, а потому и законность, издревле существующих порядков и власти. Аппарат управления здесь состоит из лично зависимых от правителя чиновников (родственников, друзей, верных ему вассалов). Во всех случаях не служебная дисциплина и не деловая компетентность, а личная верность служит основанием для продвижения чиновника по иерархической лестнице. Поскольку верховенствует не закон, а произвольное решение правителя, постольку рационально обоснованная система вознаграждения за труд подменяется льготами и привилегиями чиновников. К традиционному типу легитимного господства Вебер относит феодальные государства Западной Европы, Византию.

Третий тип легитимного господства представлен у Вебера харизматическими режимами. Харизма (греч. – божественный дар, благодать) есть некая незаурядная способность, выделяющая индивида среди остальных. Она не столько приобретена им, сколько дарована ему – природой, богом, судьбой. К харизматическим качествам Вебер относит пророческий дар, выдающуюся силу духа, магическое воздействие слова. Харизмой обладают герои, основатели мировых религий, великие полководцы, пророки, гениальные художники, крупные политики – Будда, Иисус Христос, Магомет, Солон, Александр Македонский, Цезарь, Наполеон. Харизматические качества «подтверждаются» чудесами, победами, благополучием тех, кто подчиняется харизматическому лидеру.

Харизматический тип основывается на субъективно-психологическом свойстве человека к подчинению господину. Харизматическое господство опирается на нечто необычное, никогда ранее не признававшееся. Не случайно, замечает Вебер, для пророка характерен такой оборот: «Сказано..., а я говорю вам...». Источником повиновения харизматическому правителю является не традиция и не признание его формального права, а эмоционально окрашенная преданность ему и вера в его харизму. Рациональная категория «компетентность», так же как и сословно-традиционное понятие «привилегия» в этом типе легитимного господства отсутствуют. Здесь нет установленных (ра-

ционально или по традиции) правил: решения по всем вопросам выносятся иррационально, на основании «откровения или личного примера, от случая к случаю». По существу, авторитет харизматика базируется на его силе – только не на грубой, физической (что, впрочем, отнюдь не исключено), а на силе его дара.

Концепция плебисцитарной демократии

Типология политических режимов понадобилась Веберу для осмысления противоречий между классической теорией либеральной демократии и ее реальной практикой. Вебер указывал, что а) принцип равенства означает только отсутствие формальных различий между отдельными социальными группами в правах; б) принцип выборности ведет к возрастанию элементов харизмы в политической жизни; в) принцип свободы теряет свое практическое значение ввиду тотальной бюрократизации государственного правления. Парламент, признаваемый классическим либерализмом единственным легитимным законодательным органом, терял в глазах масс легитимирующую силу. Поэтому он должен быть дополнен, считал Вебер, институтом наследственной монархии (ограниченной, разумеется, конституцией) либо плебисцитарно (всенародно) избираемого главы государства. В первом случае легитимность легального господства становится достаточной в массовом сознании посредством традиции, во втором – благодаря харизме лидера. Сам Вебер склонялся к варианту плебисцитарно избираемого президента. В качестве общенационального лидера должен выступать деятель, избираемый не парламентом, а непосредственно всем народом и имеющий право обращаться к народу через голову парламента. Только плебисцит, по мнению Вебера, может придать политическому лидеру ту силу легитимности, которая позволит ему поставить государственно-бюрократическую машину на службу общенациональным ценностям. Центральное значение плебисцита для Вебера заключалось в том, что он порождает харизматическую власть. Система плебисцитарной демократии наделяла парламент контрольно-критическими функциями как по отно-

шению к всенародно избранному главе государства, так и в отношении аппарата управления.

Функционирование механизма плебисцитарной демократии в наиболее чистом виде Вебер обнаруживает в США, где он начал складываться в период президентства Эндрю Джексона (1829-1837). Опираясь на политическую практику Великобритании, Вебер выводит универсальные критерии отбора лидеров: а) воля; б) магия демагогической речи, в) работа будущего лидера в комитетах парламента, являющихся школой воспитания политиков.

В целом Веберу представлялось оптимальным наличие трех взаимодополняющих институтов государственного управления: 1) бюрократического аппарата («машины») как рационального средства отправления власти; 2) общепризнанного главы государства; 3) парламента.

О политических партиях

Одним из мотивов, побудивших Вебера особо подчеркивать значение плебисцита, было стремление ответить на вопрос, как умерить всевозрастающее влияние на государственные дела аппарата политических партий. В политической теории немецкого социолога партия наряду с классом и статусом выступает фактором распределения власти. Он обстоятельно разбирает механизм функционирования партий и фигуру партийного чиновника. Партийных (как и государственных) функционеров Вебер делит на две категории: чиновников-специалистов и «политических» чиновников. Последние, или профессиональные политики, формируются в ходе закономерного, объективного разделения граждан с избирательным правом на политически активных и политически пассивных.

Современные формы партийной организации продиктованы, считал Вебер, необходимостью создания массового избирательного корпуса (электората) партий. Руководство этими партиями берут в свои руки политики «по основной профессии», действующие вне парламентов. На фоне широкой демократизации партийной жизни, отмечал Вебер, «фактически власть нахо-

дится в руках тех, кто непрерывно ведет работу внутри партийного предприятия, или же тех, от кого его функционирование находится в финансовой либо личной зависимости, например, меценатов или руководителей могущественных клубов политических претендентов» (Таммани-холл в Демократической партии США и т. п.). Лидером партии становится лишь тот, кому подчиняется аппарат. Вождь партии, в случае победы на парламентских или президентских выборах, занимает высший государственный пост. В итоге, по мнению Вебера, механизм плебисцитарной демократии включает в себя в качестве необходимого звена работу партийного аппарата, который продвигает вождей на высшие государственные должности.

Однако такое новое «сито», как партийный аппарат, не стало гарантом профессионализма и компетентности в государственном управлении. Власть аппарата, по наблюдениям Вебера, превращает политические партии в беспринципные, карьеристские организации, открывающие возможность для продвижения «наверх» дилетантов. В этой связи Вебер подчеркивал необходимость создания материальных и иных условий для занятия государственных должностей университетски образованными функционерами. Впрочем, в полной мере решить эту проблему немецкому ученому, по его справедливому признанию, не удалось.

Таким образом, Макс Вебер, отталкиваясь от разработанной им типологии политических режимов, предложил в качестве средства модернизации парламентской демократии концепцию плебисцитарной демократии. Политическая социология Вебера оказала существенное влияние на западную социологическую и политическую мысль XX в. (Р. Михельс, И. Шумпетер, Ф. Хайек и др.).

1.2. Г. Моска. В. Парето. Р. Михельс

Консервативной альтернативой теории народного суверенитета и представительной демократии явились на рубеже XIX – XX вв. концепции элиты (фр. *élite* – лучшее, отборное, избран-

ное). Заметный вклад в их разработку внесли Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс. На их политическую философию значительное влияние оказали идеи Никколо Макиавелли. Это влияние можно представить в виде следующих положений:

1. Признание элитарности любого общества, его разделения на властвующее творческое меньшинство и пассивное нетворческое большинство. Такая дифференциация вытекает из естественной природы человека.

2. Принадлежность к элите обуславливается природными дарованиями и воспитанием, что, в свою очередь, предопределяет особые психологические качества «избранных».

3. Элита представляет собой корпоративную группу, объединяемую не только общностью профессионального статуса и социального положения, но и элитарным самосознанием, восприятием себя особым слоем, призванным руководить обществом.

4. Легитимность элиты, то есть более или менее широкое признание массами ее права на политическое руководство.

5. Постоянство властных функций элиты. Персональный состав элиты изменяется, но отношения господства между ней и массами сохраняются.

6. Господствующее положение стремятся занять многие люди, обладающие высокими личными и социальными качествами. Однако никто не хочет добровольно уступать свои посты и положение. Поэтому скрытая или явная борьба за место в элите неизбежна.

Гаэтано Моска

Итальянский политолог **Гаэтано Моска** родился 1 апреля 1858 г. в Палермо. Окончил юридический факультет местного университета, где и преподавал. Занимал также профессорскую должность в Туринском и Римском университетах. В 1887-1899, 1908-1919 гг. избирался депутатом итальянского парламента, с 1919 г. – сенатор. В 1925 г. выступил в Сенате с речью против фашизации политического строя Италии. Гаэтано Моска скончался в Риме 8 ноября 1941 г.

Концепция «политического класса»

Моска расценивал идею народовластия как утопию, не совместимую с законами общества и противную алчной и эгоистичной природе человека. Он считал, что власть может быть властью от народа, для народа, но не может быть властью самого народа. Он с предубеждением относился к требованию всеобщего избирательного права. Народные выборы, утверждал он, обычно не являются выражением воли большинства. По отношению к власти, утверждал Моска, любое общество делится на два класса: управляющий, «политический», и управляемый.

«Политический класс» берет на себя государственные функции и пользуется определенными привилегиями. Однако привилегии правящей элиты в буржуазном обществе не носят сословного характера. «Политический класс» властвует благодаря обладанию рядом качеств, которые меняются в зависимости от времени и обстоятельств (военное могущество, богатство, личные достоинства, владение искусством управления), а также вследствие его организованности.

Фактическое господство «политического класса» осуществляется посредством достаточно сложной системы, соединяющей в себе «профессиональные бюрократические элементы» с институтами конституционализма и политического представительства. С ее помощью обеспечивается возможность своевременного обновления «политического класса», поддерживается его компетентность, способность вести за собой управляемое большинство, вовремя проводя необходимые реформы, гарантировать законность и порядок.

«Политический класс» оправдывает свое господство, используя «политическую формулу», под которой Моска имеет в виду идеологические мифы о народном представительстве, суверенитете, эгалитаризме и т. п. Все это инструменты, с помощью которых «политический класс» стремится «придать своей власти моральную, а также юридическую санкцию, представив ее как неизбежное следствие из учений и верований, общепризнанных и общепринятых в руководимом им обществе».

Понятие «политический класс», как отмечали критики Моски, весьма неопределенное: не ясны критерии его выделения, генезис, состав. Со временем, пытаясь дополнить свою концепцию, итальянский политолог стал говорить о более многочисленном «правлящем классе». В него входит и верхушка общества, складывающаяся в экономической, военной, интеллектуальной сферах, в церковной иерархии и т. д.

Моска доказывал, что без обновления элиты невозможна социальная стабильность в обществе. Всякая элита имеет тенденцию (если не де-юре, то де-факто) к превращению в замкнутую группу, что ведет к ее вырождению. Предотвратить это может свобода критики, которая вынуждает «политический класс» в необходимой степени обновляться. В обществе имеются силы, готовые заменить старое правящее меньшинство более способными членами из состава «управляемого большинства». Способы закрепления и обновления «политического класса» – наследование, выборы, кооптация. Моска допускал три варианта динамики «политического класса»: «увечковечение» (крайне медленное обновление элиты), «увечковечение» с обновлением (оптимальный, по мнению Моски, вариант «смешанного режима») и «чистое» обновление (радикальная смена политической элиты во время революций). Сочетание этих вариантов с двумя формами государственного правления – автократической (власть передается сверху – вниз) и либеральной (власть передается снизу – вверх) – дает четыре возможных типа политических режимов: аристократическо-автократический, аристократическо-либеральный, демократическо-автократический и демократическо-либеральный.

Идеи Моски, изложенные в его главном сочинении «Элементы политической науки» (1896, перераб. изд., 1939), оказали заметное влияние на формирование и развитие теории политического элитизма в англосаксонских странах, особенно в США.

Вильфредо Парето

Вильфредо Парето родился 15 июля 1848 г. в Париже в семье итальянского маркиза, женатого на француженке. Окончил Туринский политехнический университет. В 1869 г. защитил диссертацию «Основные принципы равновесия твердых тел». В 1874-1892 гг. служил инженером на железных дорогах, а затем главным управляющим металлургических заводов Италии. Неравнодушный к политике, он пытался стать, но безуспешно, депутатом парламента. Парето остро критиковал протекционистскую и милитаристскую политику итальянского правительства и коррумпированность чиновников.

В 1890 г., получив значительное наследство, Парето оставил службу и обратился к любимым занятиям. Его интересы были весьма разносторонними: от древней истории, философии, социологии до математики и экономики. В 1893 г. Парето переехал в Швейцарию, где занял место профессора политической экономии Лозаннского университета. Научное мировоззрение Парето сформировалось под влиянием идей И. Бентама, Дж. Милля, Г. Спенсера, О. Конта, Ф. Ницше, швейцарского экономиста Л. Вальраса. В начале 1900-х годов во взглядах Парето произошел перелом, связанный с крушением прежних либеральных представлений. Идеиная эволюция Парето происходила не без влияния концепций теоретика французского анархо-синдикализма Ж. Сореля и Г. Моски. Обновленные общественно-политические взгляды Парето нашли отражение в книге «Социалистические системы» (1902). Сердечное заболевание вынудило Парето в 1906 г. выйти в отставку. В 1912 г. он закончил работу над главным трудом – «Трактатом по общей социологии». Пришедший в Италии к власти Муссолини назначил в 1923 г. Парето сенатором. В конце 1922 г. Парето выступил за то, чтобы правительство Муссолини было представлено в Лиге Наций. Но он не был ярым приверженцем фашистской доктрины. Его политические симпатии были на стороне режима одновременно авторитарного и умеренного. Вильфредо Парето умер в своем имении Селиньи на берегу Женевского озера 20 августа 1923 г.

Социология человеческих поступков

В «Трактате по общей социологии» Парето считал отличительной чертой современных ему демократических государств

связь между политическим классом, или элитой^{*}, и руководящими кадрами промышленности.

Исходным пунктом социально-политической теории Парето была концепция нелогического поведения людей. По его наблюдениям, рациональные экономические теории, подкрепленные математическими доказательствами, далеко не всегда подтверждаются на практике. Следовательно, заключал он, в общественной жизни есть нечто, не сводимое к разуму. Предвззсудки и верования людей рассматривались Парето в качестве основных движущих мотивов человеческих поступков, в том числе действий политиков. Он сгруппировал эти мотивы в две символические категории, заимствовав для их обозначения метафоры Макиавелли – «лисица» и «лев». В трактате «Государь» итальянский гуманист советовал правителям уподобиться двум зверям: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Если «лисицы», писал Парето, делают ставку на хитрость и маневрирование, то «львы» предпочитают идти напролом. Если «лисиц» сковывает все развьедающий скепсис, то «львы» преисполнены веры и решимости – качеств, необходимых для спасения существующих порядков.

Теория смены элит

Из инстинктивных начал человеческого поведения Парето выстраивает свою теорию смены элит. У него есть два определения элиты: широкое, охватывающее всю общественную элиту, и узкое, касающееся правящей элиты. Согласно широкому толкованию элиты, к ней относятся те лица, кто преуспел в своей области деятельности и занял высшую ступеньку профессиональной иерархии. «Мы выделим тех, – указывал Парето, – кто прямо или косвенно играет заметную роль в правительстве: они составляют правящую элиту. Остальные образуют неправящую элиту... Таким образом, мы располагаем двумя слоями населения: 1. Нижний слой, класс, не причастный к элите... 2. Высший

^{*} Именно Парето ввел в политическую науку термин «элита».

слой, элита, делящаяся надвое: а) правящая элита; б) неправящая элита».

Суть теории циркуляции правящей элиты сводится у Парето к следующему. Когда власть принадлежит политикам с выраженными качествами «лисицы», их действия диктуются текущими задачами. Со временем, однако, управляющие ими инстинкты притупляются, что ведет к социальной нестабильности. Лидеры, наделенные качествами «львов», вступают в борьбу за власть, и свергают плутократию «лисиц». Циркуляция внутри элиты общества дополняется еще одним течением. Наиболее одаренные представители низов «поднимаются вверх», пополняя ряды правящей элиты, члены которой, в свою очередь, деградируя, «опускаются вниз», в массы.

Итак, для Парето, борьба и смена элит – ось исторического развития. Новые группировки элиты предпочтительнее старых, так как они более энергичные и сильные. Если правящая элита своевременно не обновляется путем кооптации новых членов, то происходит социальная революция. Ее действительный смысл Парето усматривал в обновлении персонального состава правящей элиты.

В западной политологии была воспринята теория элит Парето, равно как и его концепция идеологий. В идеологиях он видел теоретические построения, призванные маскировать эмоции и предрассудки.

Роберт Михельс

По происхождению немец **Роберт Михельс** родился 9 января 1876 г. в Кельне в состоятельной купеческой семье. Впоследствии, в 1926 г., Михельс, разделяя идеологию фашизма, принял итальянское гражданство и имя Роберто. Высшее образование получил в Сорбонне и германских университетах. Мировоззрение и научная методология Михельса сложились под влиянием идей Ж. Сореля, В. Парето, Г. Моски, М. Вебера, с которым его связывали близкие личные отношения. Михельс занимал профессорские должности в университетах Парижа, Турина, Базеля, Перуджи. В 1911 г. был опубликован его главный труд «Социология политической партии в условиях совре-

менной демократии. Исследование олигархических тенденций в жизни группы». Роберт Михельс умер 3 мая 1936 г. в Риме.

«Железный» закон олигархии»

Демократия немыслима без организации, любая организация иерархична по своей природе и требует оперативного управления, осуществляемого немногими. Это и есть в сжатом виде так называемый «железный» закон олигархии», открытие которого принадлежит Роберту Михельсу. Отметив в первое десятилетие XX в. актуальность критики системы представительной демократии, Михельс занялся социологическим изучением такого института демократии, как политические партии. Он хорошо представлял себе внутреннюю жизнь германской социал-демократической и итальянской социалистической партий, с которыми сотрудничал.

Михельс указывал на олигархическую тенденцию в исторической эволюции демократии: от форм непосредственного волеизъявления народа (древнегреческое народное собрание) до современной ему парламентско-представительной системы управления. Схожую олигархическую тенденцию он отметил и в развитии политических партий. Реальным отражением этой тенденции была возрастающая роль бюрократии. Процесс ограничения демократии Михельс считал неизбежным, поскольку «прямое господство масс стало технически невозможным». Усложнились задачи управления, которые требуют индивидуального умения, ораторского таланта, обширных специальных знаний, отнюдь не свойственных каждому члену организации. В партиях и других массовых организациях формируется аппарат оплачиваемых работников, призванных выполнять функции управления. Михельс отмечал, что у аппарата, как у любого другого органа социума, складывается собственный интерес.

Диалектика внутрипартийной демократии заключалась в том, что по мере кристаллизации организационной структуры партий изменялись взаимоотношения руководства и рядовых членов. Михельс показывал, как внутри партии образуется ведущее меньшинство и ведомое большинство, как растет власть

вождей. Эта социологическая закономерность усиливается под воздействием коренных психологических свойств личности: стремления к господству, властолюбия, мании величия. Сознание собственной ценности и понимание потребности масс в вожде, приводят к тому, что он стремится к увековечению своего положения. Вождь и его ближайшее окружение в руководстве партии становятся все более изолированной и замкнутой группой, превращающейся в часть правящей элиты общества. Михельс указывает на ряд преимуществ, которыми обладают лидеры массовых организаций по сравнению с рядовыми членами. Они имеют более широкий доступ к информации и манипулируют ею, контролируют весь аппарат, распоряжаются денежными фондами, обладают лучшей профессиональной подготовкой.

Средства «смягчения» «железного» закона олигархии

Неустранимость политической олигархии камуфлируется сменой элит. «Дополняя» марксистское понимание истории, Михельс считал, что «классовая борьба ведет к созданию новой олигархии, переплетающейся со старой». Первоначальная приверженность демократическому идеалу побуждала Михельса рассмотреть пути ослабления олигархических тенденций в деятельности партий. Это – референдум, хождение в народ (по опыту России), анархо-синдикалистское «прямое действие». Михельс полагал, что с улучшением материальных условий жизни и ростом образовательного уровня народных масс будет повышаться их «критическая способность» в отношении лидеров. Средством «смягчения» «железного закона» может стать также появление харизматических личностей. Такой личностью для Михельса был в 1920-е годы Муссолини.

И все же указанные средства не более чем паллиатив. Олигархия, по Михельсу, предустановленная форма жизни больших общественных организмов, и демократия всегда приобретает олигархическую форму, против которой борется. Эта закономерность первоначально рассматривалась Михельсом в пессимистическом ключе. В дальнейшем, однако, она стала тракто-

ваться им в позитивном духе как процесс, открывающий дорогу к правлению «лучших», избранных.

Резюме:

— М. Вебер выделил три типа организации легитимной власти: «легальный», традиционный, харизматический, которые соответственно основываются на компетентности бюрократии, произвольном решении правителя, откровении лидера-харизматика.

— Повышению роли главы государства как выразителя общенациональных ценностей и, следовательно, легитимности власти призван был служить предложенный Вебером механизм плебисцитарной демократии.

— «Политический класс» в концепции Г. Моски включал в себя профессиональных политиков и чиновников-бюрократов. Образуя правящую элиту, «политический класс» периодически обновляется. Моска устанавливает соответствие между тремя вариантами смены элиты, двумя формами государственного правления и четырьмя типами политических режимов.

— В. Парето видел в инстинктивных началах человеческого поведения основные движущие мотивы действий политиков. Он рассматривал два символических типа политиков: «лисиц» и «львов».

— Циркуляция правящей элиты заключается в борьбе за власть между политиками с психологией лисицы» и лидерами, отличающимися свойствами «льва».

— Р. Михельс доказывал, что демократия в рамках государства и внутри политических партий подчиняется закону олигархизации. В партиях при сохранении внешних атрибутов демократии растет власть вождей, которые становятся частью правящей элиты.

2. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ 1920-1940-х гг.

2.1. Политическая идеология фашизма

В период между Первой и Второй мировыми войнами, воспринимавшийся современниками как эпоха «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет), в ряде европейских стран (Италия, Германия, Испания, Франция и др.) формируются и приходят к власти (либо рвутся к ней) праворадикальные фашистские партии и организации. Массовое сознание, милитаризированное войной, испытало сильнейший стресс от инфляции 20-х годов и острейшего социально-экономического кризиса 30-х годов и оказалось весьма восприимчивым к антилиберальной и антикоммунистической фашистской доктрине. Фашистские партии получили значительную поддержку влиятельных кругов господствующих классов, стремившихся к установлению авторитарного режима.

Классическое выражение фашистская политическая доктрина получила в трудах вождей и идеологов итальянского фашизма – Бенито Муссолини «Доктрина фашизма» (1932) и германского нацизма – Адольфа Гитлера «Моя борьба» (1926), Альфреда Розенберга «Миф XX столетия» (1930).

Бенито Муссолини родился 29 июля 1883 г. в деревне Довиа (провинция Эмилия-Романья), в семье кузнеца. Его мать была школьной учительницей. Выпускные экзамены в школе он сдал экстерном. В начале 1900-х годов Муссолини, живя в Швейцарии, перепробовал профессии каменщика, кузнеца. В 1903 г. он стал членом Союза итальянских социалистов в Швейцарии. Вернувшись на родину, Муссолини занялся журналистикой и одновременно работал учителем. В 1912 г. его утверждают главным редактором печатного органа Итальянской социалистической партии – газеты «Аванти!». В октябре 1914 г. за пропаганду идеи участия Италии в Первой мировой войне Муссолини был исключен из Социалистической партии. В марте 1919 г. он организовал в Милане первую фашистскую организацию – «Боевой союз». 28 октября 1922 г. Муссолини, возглавив «поход на Рим», добился поста премьер-министра. В 1926 г. в Италии установилась фашистская диктатура. Муссолини – дуче (вождь) Национальной фашистской пар-

тии, председатель совета министров. 27 апреля 1945 г. скрывавшийся на севере Италии Муссолини был арестован партизанами и 28 апреля расстрелян.

Адольф Гитлер (Шикльгрубер) родился 20 апреля 1889 г. в австрийском городе Браунау. Не сумел сдать выпускные экзамены в реальной школе. В сентябре 1907 г. Гитлер перебрался в Вену, где дважды проваливался на вступительных экзаменах в Академию изобразительных искусств. В 1913 г. переехал в Мюнхен и с началом Первой мировой войны вступил добровольцем в германскую армию. Дослужился до звания ефрейтора, был дважды ранен, награжден «Железным крестом» второй и первой степени. В 1919 г. вступил в Мюнхене в Немецкую рабочую партию и через два года, став ее лидером, изменил название партии на Национал-социалистскую немецкую рабочую партию. 8 ноября 1923 г. в мюнхенском пивном зале «Бюргербройкеллер» Гитлер провозгласил «национальную революцию», но «пивной путч» провалился. Привлеченный к суду за государственную измену, Гитлер был приговорен к пяти годам лишения свободы, однако вышел из тюрьмы менее чем через год. В тюрьме написал книгу «Моя борьба» («Mein Kampf»). В середине 1920-х годов реорганизовал Национал-социалистскую партию и развернул кампанию по привлечению электората. 30 января 1933 г. Гитлер как лидер наиболее крупной политической партии назначается канцлером Германии. После 1 августа 1934 г. он единоличный руководитель страны – фюрер партии и нации, рейхсканцлер и рейхспрезидент. 30 апреля 1945 г. в обстановке военно-политического краха нацистской Германии Гитлер покончил с собой в бункере имперской канцелярии в Берлине.

Альфред Розенберг родился 12 января 1893 г. в Ревеле. Учился в Высших технических школах Ревеля, Риги и Москвы и в 1917 г. получил диплом архитектора. В конце 1918 г. переехал в Мюнхен, где сблизился с Гитлером. В 1920 г. вступил в НСДАП. В 1922 г. издал книгу «Природа, основные принципы и цели НСДАП». Участник «пивного путча» 1923 г. в Мюнхене. В центральном аппарате НСДАП был назначен начальником Управления внешней политики. В 1941 г. возглавил рейхсминистерство оккупированных восточных (в СССР) территорий. Одновременно был заместителем Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки членов нацистской партии». По приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге Розенберг был казнен 16 октября 1946 г.

Идейные истоки фашистской политической доктрины восходят к учению социал-дарвинизма и теории элит. В духе социал-дарвинизма Гитлер видел в государстве могучее орудие «великой борьбы рас за существование». Разделяя элитистский принцип государственного управления, Муссолини утверждал, что «масса не может управлять собою сама». Гитлер подчеркивал, что фашистское мировоззрение «все строит не на принципе большинства, а на роли личности». В противовес марксистской классовой идеологии Гитлер вычленил в мировоззрении своего движения два главных начала – расу и личность. В политическом словаре итальянского фашизма и германского нацизма понятие «революция» имело выраженную национальную окраску. Такие же понятия, как забастовка, классовая борьба, демократия, равенство, братство подавались в сугубо негативном смысле. В пропагандистском арсенале итальянских фашистов термины «хозяева», «крестьяне», «классовая борьба» соответственно были заменены понятиями «работодатели», «сельские жители», «борьба интересов».

Основополагающим принципом государственного устройства Гитлер провозгласил идею вождизма (фюрерства). Он лаконично сформулировал ее как «власть каждого руководителя сверху вниз и ответственность перед руководителем снизу вверх». Пирамида власти в фашистской Италии замыкалась на авторитет харизматической личности. «Все государственные министры... являются солдатами, – любил повторять Муссолини. – Они идут туда, куда их посылает Глава, и стоят там, где я приказываю им остановиться». Фашистское государство – это воплощенная воля к власти. Для него, по мнению Муссолини, характерен совершенно новый в истории институт – партия, которая всецело управляет нацией. Важнейшим элементом политической системы гитлеровской Германии была нацистская партия. По проекту Гитлера, «подлинно национальное германское государство должно быть создано боевой партией, которая не желает оставаться одной из партий среди других, но требует полного переустройства национальной жизни в соответствии со своими идеями».

Тоталитарное государство

В книге Гитлера государствоведческой проблематике отведено много места: обширная глава «Государство», дополненная главами «Подданный и гражданин», «Народническое государство и проблема личности», «Федерализм как маскировка».

Гитлер настойчиво проводит мысль, что важнейшая задача государства состоит в «сохранении и дальнейшем развитии коллектива одинаковых в физическом и моральном отношениях существ». Он имеет в виду прежде всего немцев – «ядро наиболее ценной расы», которым государство должно помочь сплотиться, «положив конец всякому дальнейшему смешению рас», и занять господствующее положение в обществе. Смысл рассуждений нацистского идеолога А. Розенберга также сводился к тому, что государство является воплощением общности расы, нации и крови. Цель государства – сохранение и укрепление этой общности. Народ не создает государство. Наоборот, государство, возникшее как результат предначертаний судьбы, выраженных в воле вождя, объединяет народ в нацию. В созданной Розенбергом схеме «исторические судьбы – партия – государство – народ – нация» нет места для свободной личности. Верность вождю, государству и нации превыше любых прав, свобод и благ отдельной личности.

Из общей стратегической задачи выводились конкретные функции «народнического» государства: регулирование брачных отношений и рождаемости, забота о детях и многодетных семьях, воспитание (прежде всего физическое) молодежи, «хотя бы ее образование и было недостаточно широким». Все это должно было служить делу «оздоровления» немецкой нации и арийской расы. Нацисты, навязывая свои принципы обществу, утверждали, что только они как правящая государственная партия способны взять на себя ответственность за судьбу народа и заново организовать всю его жизнь.

В книге Б. Муссолини «Доктрина фашизма», написанной с помощью философа, директора Института фашистской культуры Джованни Джентиле, подчеркивалось, что именно государ-

ство является «выразителем настоящей сущности индивида». Вне государства не существует ни человеческих, ни духовных ценностей либо они имеют ценность значительно меньшую». Курс на тотальное подчинение общества государству емко выражен в формуле Муссолини: «Все – в государстве, ничего – вне государства, ничего против государства». В комментарии к «Государю» Н. Макиавелли (написанном в 1924 г. в связи с присвоением степени почетного доктора университета в Болонье) дуче утверждает, что только государство способно контролировать «эгоистический атоизм» граждан, который поощряется и высвобождается либерализмом. Государство, по его убеждению, – «это сила, которая одна только может найти решение драматических противоречий капитализма и вывести из того состояния, которое мы называем кризисным». Из этого вполне определенно вытекало следующее заключение: или индивид становится на путь признания, подчинения и самоидентификации с государством, или он автоматически превращается в его противника. Так идейно обосновывалась созданная фашистскими режимами система государственного террора.

Как мы видели, на фашистское государство всецело возлагалась ответственность за судьбу нации и индивида. С тем чтобы эта ответственность не оказалась размытой, Гитлер категорически отвергал принцип коллективного принятия решений. В этом отчетливо проявлялся его антипарламентаризм. Он писал о функциях парламента в фашистском государстве: «Депутаты парламента станут советниками. Ответственность же будет нести только одно определенное лицо, которое и будет иметь власть и право приказывать». Функционеры НСДАП занимали одновременно ключевые посты в органах государственной власти. Германский нацизм, централизовав власть в стране, уничтожил федеративную систему государственного устройства Веймарской республики. Идеологи итальянского фашизма видели в парламентско-демократическом строе проявление утопического либерализма, поощряющего стремление к личному комфорту и распушенности. «Правда заключается в том, – писал Муссолини в 1923 г., – что люди устали от свободы. Для бес-

страшных молодых людей, представших на этой новой заре истории, существуют другие слова, которые волнуют их глубже, чем свобода. Это Порядок, Иерархия, Дисциплина. Работать, бороться, повиноваться – вот лозунги дня». В противоположность теории парламентской демократии Муссолини выдвинул концепцию «организованной, централизованной, авторитарной демократии».

Таким образом, этатизм, или абсолютизация централизованной государственной власти, наделенной необъятными полномочиями, составляет сердцевину тоталитарной идеологии и практики фашизма. Слово «тоталитаризм» происходит от латинского прилагательного *totus* – целый и наречия *totaliter* – целиком. 22 июня 1925 г. Муссолини выступил с речью, в которой прославлял тоталитарное государство как «воплощение нравственного духа народа». Фашистское государство через созданную им корпоративную систему распространяет свое влияние на все сферы национальной жизни, мобилизуя все политические, экономические и духовные силы нации.

Официозная фашистская профессура от юриспруденции насаждала идею о несвязанности партийно-государственного аппарата и судебной системы правом и законностью. Теоретик нацистского права Карл Шмитт в начале 1930-х годов доказывал, что если прежде, в относительно спокойные годы, государство базировалось на твердых правовых основах, то теперь, в эпоху «всемирной гражданской войны», решающим становится «принцип политического». Критерием «политического» служит способность распознавать друзей и врагов. Государство остается таковым, только сумев определить своего врага. Выше правовой нормы является неординарное решение, которое принимает верховный носитель власти – фюрер.

От судей в гитлеровской Германии требовалось быть «прежде всего политиками», «народно-политическими судьями», обладающими «практически здоровым разумом способного национал-социалиста» (§ 71 закона о чиновниках от 26 января 1937 г.). Судьи и административные работники должны были руководствоваться не принципом законности и соблюдения прав

человека, а фашистским мировоззрением. Они были призваны «создавать конкретный правопорядок» в соответствии с установками фюрера и партийной программой. На деле такая концепция оборачивалась правовым нигилизмом, попранием законности и прав личности.

Резюме:

– Идейные истоки политической доктрины фашизма восходят к концепциям социал-дарвинизма и теории элит.

– В основу властной иерархической пирамиды в фашистских государствах был положен принцип вождизма, диктовавший беспрекословное подчинение вышестоящему партийному, государственному, хозяйственному руководителю.

– Главная черта тоталитарного фашистского государства, в корне противоположного либеральной демократии, – регламентация всех сторон жизни человека и общества.

2.2. Обновление либеральной политической доктрины

В 1930-е годы в Германии и СССР утвердились тоталитарные режимы. Еще раньше тоталитарные порядки были установлены в Италии. Фашистские и профашистские силы пришли к власти в Португалии, Испании, ряде восточноевропейских стран. В то же время США, Великобритания, Франция, Чехословакия оставались странами плюралистической демократии. Политические деятели и социальные мыслители этих стран предприняли попытку выстроить обновленную рациональную модель демократии, противопоставив ее иррациональной концепции вождизма и общей воли.

Йосиф (Йозеф) Алоиз Шумпетер родился 8 февраля 1883 г. в г. Триш (Моравия), входившем в состав Австро-Венгрии, в семье фабриканта платками. В 1901 г. с медалью окончил гимназию и поступил на юридический факультет Венского университета, где наиболее заметное влияние на него оказал известный экономист Е. Бем-Баверк.

Получив диплом, Шумпетер преподавал политическую экономию в университете г. Граца. После образования Первой Австрийской республики, в 1918-1925 гг. он занимал посты министра финансов в социал-демократическом правительстве К. Реннера и директора Венского банка. В 1925 – 1932 гг. Шумпетер – профессор Боннского университета, с 1932 г. – профессор Гарвардского университета. В 1939 г. выходит в свет его двухтомное экономическое сочинение «Конъюнктурные циклы», а в 1942 г. он опубликовал свой главный труд «Капитализм, социализм и демократия». Иосиф Шумпетер скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг 8 января 1950 г. в Таконике (штат Коннектикут).

Демократия – это конкурентная борьба

Исходное положение шумпетеровской теории демократии – мысль о том, что общая воля, власть народа сами по себе невозможны. В политической сфере волеизъявление масс не соответствует требованиям рациональности, целесообразности, эффективности. В подтверждение своего тезиса Шумпетер ссылается на выводы Г. Лебона и других исследователей массового сознания и подчеркивает, что толпе присущи пониженное чувство ответственности и она восприимчива к нелогичным аргументам. Из этого следует, что «рядовой гражданин не знает и не может судить о внутри- и внешнеполитических проблемах».

Здесь встает вопрос об оценке всеобщих выборов, как известно, отражающих волю граждан (народа). По Шумпетеру, общая воля – это результат манипуляции мнением широких неподготовленных масс со стороны опытных профессионалов-политиков. Этот процесс в чем-то схож с действием коммерческой рекламы на рынке. Таким образом, реальным субъектом демократического процесса выступает не народ, а индивид – активная личность, политик. Сама же демократия, по определению Шумпетера, «это такое институциональное устройство, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей». Российский исследователь П. Ю. Рахшмир справедливо указывает на ярко выраженное у Шумпетера элитарное понимание демократии. Однако заметим, что австро-американский мыслитель не отри-

цает, что «у народа есть возможность принять или не принять тех или иных людей, которые должны им управлять». Шумпетер не отвергает также демократический принцип большинства и пропорционального представительства как противовес анархическому индивидуализму.

Принцип политической конкуренции реализуется в деятельности партий. Шумпетер сравнивает партийные программы с разнообразными товарами в универсаме, которые их составители (изготовители) стремятся сделать привлекательными. Он считает, что «психотехника управления партией, ее рекламная кампания, лозунги и марши – все это не украшения. Это – суть политики. Так же, как и политический лидер».

Под влиянием политической социологии М. Вебера Шумпетер выделяет четыре необходимых условия стабильного функционирования демократической системы. Первое из них – наличие слоя высокопрофессиональных политиков, избираемых либо назначаемых на государственные и партийные должности. Эта элита формируется в процессе жесткого отбора, и для нее политика – естественное занятие. Второе условие: власть должна принимать решения, которые народ в целом может понять и выразить свое отношение к ним. Далее необходима хорошо подготовленная бюрократия, дорожащая честью мундира. Шумпетер полагает, что она должна рекрутироваться из «среднего класса». Наконец, в качестве четвертого условия ученый называет демократический самоконтроль. Он определяет демократический самоконтроль как осознание того, что некоторое действие, вполне легальное и допустимое в данной конкретной ситуации, может не принести пользы общему делу. Такое происходит тогда, когда «правительственные меры проводятся без учета требований оппозиции и ситуации в стране». В свою очередь, оппозиции не следует нарушать правила политической игры и добиваться отставки правительства любой ценой. Это чревато поражением демократии. И правящая партия, и оппозиция превыше всего должны ставить национальные интересы, примерно одинаково их себе представляя. Таким образом, демо-

кратический самоконтроль формирует в обществе культуру «компромисса между интересами и идеалами».

Взгляды Шумпетера на капитализм и социализм

Шумпетер видел идеальную модель демократии в политических доктринах британского лейборизма и германской социал-демократии. Он писал: «Если люди поймут, что ни по пути большевизма, ни по пути фашизма им идти нельзя, они, вполне возможно, обратят свои взоры к самому очевидному из оставшихся вариантов, к социал-демократической республике».

Структурная трансформация капитализма в конце XIX – начале XX в. рассматривалась Шумпетером как процесс социализации. Он отмечал, что современная корпорация социализирует буржуазный ум, неуклонно сужая пространство капиталистической мотивации. Важнейшие экономические решения все чаще принимаются в сфере публичной власти, а не в секторе частной экономики. Подтверждение своим взглядам Шумпетер находил в «новом курсе» Ф. Рузвельта, видя в социально-экономической политике американского президента чуть ли не шаг к социализму.

Ключевой фигурой социализированной экономики становится менеджер, вышколенный капитализмом. Шумпетер возлагал большие надежды на европейских социал-демократов, которые, придя к власти, осуществят социализацию. В США это процесс натолкнется на более упорное, чем в Европе, сопротивление буржуазии. Из европейских стран он отдавал предпочтение Англии, где, по его мнению, практически все политические силы свыклись с мыслью о необходимости государственного регулирования экономики. Британские лейбористы обладают должным чувством ответственности. В стране действует «опытная бюрократия с безупречными культурными стандартами». Британский правящий класс отличается «непревзойденным умением присваивать не только политические программы своих оппонентов, но и их интеллектуальные способности». Шумпетер был убежден в возможности для капиталистических стран постепенной социализации «сверху».

Идеи Шумпетера во многом определили развитие теории демократии в американской политической науке конца XX века. Его влияние испытали такие крупные ученые, как Р. Даль, П. Бахрах, Р. Пэтнем, Дж. Сартори, Д. Элазар.

В октябре 1932 г. в Париже вышел первый номер журнала «Эспри» («Esprit»), редактором которого был французский философ Эммануэль Мунье, основатель персонализма.

Эммануэль Мунье родился 1 апреля 1905 г. в Гренобле в семье фармацевта. После окончания местного университета преподавал философию в лицеях Франции и Бельгии. В период оккупации Франции был участником движения Сопротивления. Умер от сердечного приступа 20 марта 1950 г.

Проблема личности – ключевая в философии Мунье. Христианское видение мира и человека получило в его работах «Персонализм» и др. нетрадиционную трактовку. Изучение проблем личности он ставил в тесную связь со злободневными вопросами общественного развития. Мунье мыслил себе новое поколение людей, готовых на личностный выбор и общественно значимую деятельность независимо от мировоззренческих позиций и конфессиональной принадлежности.

В книге французского философа вопросам государства и демократии посвящен «Очерк персоналистской теории власти». Обращение к этой проблематике обусловлено тем, что, по словам Мунье, «политика присутствует во всем». Сообразно духу либерализма Мунье требует юридического закрепления общественного статуса личности и конституционного ограничения власти государства.

Противник тоталитарного коллективизма и анархистского индивидуализма, он убежден, что «воля большинства» таит в себе такой же произвол, как и «добрая воля» одной личности. Поэтому народный суверенитет должен выражаться в «максимально... эффективном представительстве воли граждан». Длительное время эту задачу решали политические партии. Однако в новейшее время, по наблюдениям Мунье, партии, «погрязнув

в конформизме..., превращаются в некий механизм по обезличиванию своих приверженцев и избирателей» и поэтому, «повидимому, изживают себя». Мунье размышляет над новыми формами воспитания масс и политической деятельности. Он придает в этой связи особое значение мерам, направленным против огосударствления школы, которая призвана быть общенациональным институтом, неотъемлемой структурой гражданского общества.

Вместе с тем Мунье не отвергает исторический опыт прямого давления народа на власть (манифестация, митинг, забастовка, бойкот, восстание). Он замечает, что этим способом (пусть трудным, чреватым заблуждениями) «было добыто больше прав, чем всеми инициативами юристов и доброй волей власть имущих».

Принципиальным является следующее положение Мунье: «Права, которые дает гражданам либеральное государство, в значительной мере отчуждаются от них в социально-экономическом плане... Политическая демократия должна быть полностью реорганизована на основе действительной экономической демократии». Речь шла о реальном участии трудящихся в решении производственных и социальных вопросов.

В центре внимания Эдуарда Бенеша – кризис либеральной демократии, который привел ее к военно-политическому краху на европейском континенте в 1930-е годы, и пути ее обновления.

Эдуард Бенеш родился 28 мая 1884 г. в местечке Кожланы (близ города Пльзень) в семье крестьянина. В 1904 г. после окончания пражской гимназии поступил на философский факультет Карлова университета. В 1905-1908 гг. продолжил образование в Сорбонне и Свободной школе политических наук (Париж), а также в дижонском и берлинском университетах. Получив дипломы доктора права и доктора философии, он преподавал в Коммерческой академии в Праге. В дальнейшем он стал профессором социологии Карлова университета. Оксфордский, Парижский, Страсбургский университеты присвоили ему звание профессора «honoris causa». В годы Первой мировой войны Бе-

неш, последователь Т. Масарика, вошел в состав Чехословацкого национального совета в Париже. С октября 1918 г. и до избрания в 1935 г. президентом Чехословакии он занимал посты министра иностранных дел, а в 1921-1922 гг. – премьер-министра Чехословацкой республики. 5 октября 1938 г. после подписания Мюнхенского соглашения и оккупации Судетской области Бенеш был вынужден оставить пост президента и эмигрировать в Лондон. В 1945 г. он вновь стал президентом освобожденной от фашизма Чехословакии. Бенеш выдвинул модель «чехословацкого социализма». Во внешней политике он проводил курс, который выразил формулой: «Опирайтесь на 50 % на Восток и на 50 % на Запад». Однако как политик он потерпел фиаско. 9 мая 1948 г. находившийся под контролем коммунистов парламент принял новую Конституцию Чехословакии. 7 июня 1948 г. Бенеш ушел в отставку, в знак несогласия с Основным законом. Эдуард Бенеш умер 3 сентября 1948 г. в Сезимово Усти (в 90 км южнее Праги).

Новый тип политика

Достаточно полное представление о Бенеше как политическом мыслителе дает его книга «Демократия сегодня и завтра», опубликованная в Лондоне в 1942 г. Он мыслил послевоенный мир без фашистского и большевистского тоталитаризма, с «социализирующейся» либеральной демократией. В социально-экономической области, считал Бенеш, Запад должен заимствовать элементы советской социалистической системы (национализация в разумных масштабах, планирование). В свою очередь Советский Союз должен будет осуществить кардинальные меры по демократизации общественно-политической жизни.

Обновление либеральной демократии Бенеш связывал также с появлением нового типа политика. Нравственный императив ограждает такого политика от циничного подхалимства, легкомысленной азартности (авантюризма), популистской демагогии, беспринципности. Творческая натура, политик должен быть ученым, а также философом и психологом. Науку и политическую демократию роднит то, что они предполагают критику и дискуссии. Политика черпает от науки необходимые аргументы, факты, доказательства. Высокие нравственные качества политического лидера, научный склад ума должны дополняться

развитым чувством ответственности. Политик обязан учитывать общественное мнение и, следовательно, действовать с большой осмотрительностью. Но это может сделать его нерешительным и пассивным. Лишь интуиция и личная смелость помогут найти ему выход из сложной ситуации.

О политических партиях и бюрократии

Плюралистическая демократия предполагает организацию и деятельность политических партий. Бенеш разделяет выводы Р. Михельса о закономерности олигархизации внутрипартийной жизни. Инструментами «смягчения» «железного закона олигархии», по мнению чехословацкого политика, могут служить свобода критики, досрочные выборы, вотум доверия. Он усматривал слабость довоенной политической системы европейских стран в чрезмерно большом количестве партий и предложил в качестве оптимума двух-трехпартийную политическую систему: «левые», «правые», «центр». Оппозиционная партия выполняет критически-контрольные функции в отношении правящей партии и государственного аппарата и отстаивает политические свободы. «Центр» выступает оплотом демократии, препятствуя установлению диктатуры.

Бенеш, извлекая негативный урок из практики тоталитарных режимов, утверждал, что исполнительная власть функционирует эффективно в той степени, в какой она ограждена от давления политических партий. В этой связи интерес представляет взгляд Бенеша на «новую бюрократию». Он характеризует ее как «просвещенную..., безусловно, надпартийную..., совершенно лояльную к государству и всякому правительству, но способную различать между коренными интересами и задачами государства и преходящими потребностями временного режима.... Эта... бюрократия имеет характер, инициативна, берет на себя ответственность за принятие решений». Прогресс общества видится Бенешу прежде всего в совершенствовании личности. Это – магистральный путь «гуманной демократии».

Резюме:

– По Шумпетеру, волеизъявление народа – результат манипуляции мнением неподготовленных масс со стороны опытных политиков. Политическая борьба за голоса избирателей сродни конкурентной борьбе на рынке товаров.

– Демократия функционирует эффективно при четырех условиях: наличествует профессиональная политическая элита; решения, принимаемые властью, понятны народу; сформирована хорошо подготовленная бюрократия; действует механизм демократического самоконтроля.

– Социализация (расширение государственного регулирования экономики и социальных отношений) – ведущая тенденция эволюции западного капитализма.

– Мунье выступал за реформирование парламентской демократии путем расширения функций негосударственных, общественных, институтов. Демократия, по его мнению, неэффективна и недостаточна без сильной экономической и социальной компоненты.

– Модель гуманной и социализированной демократии Эдуарда Бенеша предусматривала двух-трехпартийную политическую систему, департизированную, высокопрофессиональную бюрократию, государственное регулирование экономики и социальных процессов.

3. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ 1940-1990-х гг.

3.1. Критика тоталитаризма

Крушение фашизма открыло перспективу обновления политических систем в странах зарубежной Европы. Этот процесс сопровождался осмыслением трагического опыта фашистского, а также коммунистического (сталинистского) тоталитаризма.

Понятие тоталитаризма

Тоталитаризм как научная категория появился в западной литературе в конце 1930-х годов. В последующие десятилетия в ходе анализа тоталитарных режимов были выделены их существенные признаки. Так, в книге американских политологов К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956, 2-ое изд. – 1965) отмечается, что тоталитарный режим характеризуется государственной идеологией, ядро которой составляет тезис о «совершенном обществе»; наличием массовой партии во главе с вождем; узаконенным террором; монополией на информацию; обладанием высокотехнологичными вооружениями; централизованно управляемой экономикой; административным контролем над правосудием; экспансионизмом во внешней политике. Другой ряд признаков, частично совпадающих с вышеперечисленными, приводится в «Международной энциклопедии социальных наук» (1968): приверженность граждан тоталитарного государства единой цели (например, создание тысячелетнего рейха или победа коммунизма во всем мире); непредсказуемость и неопределенность статуса личности (вчерашний герой сегодня может стать «врагом народа»); широкомасштабное использование организованного насилия военными или полувоенными формированиями и тайной полицией; преследование организаций и объединений, полностью не приверженных правящему режиму; вовлечение всего населения в организации, объединенные общей целью; стратегия реформ-

мирования всего остального мира (перевоспитания всего человечества) по образу тоталитарной системы. Современный российский исследователь К. С. Гаджиев рассматривает в качестве основных компонентов тоталитарной политической культуры разделение всего мира на два враждебных лагеря («мы» и «они», «друзья» и «враги»); эсхатологический подход в интерпретации общественно-исторических процессов; заговорщический комплекс; харизматику и вождизм; действительный и одновременно навязываемый сверху казенный оптимизм; чрезмерную идеологизацию государства; растворение индивида в массе; простоту и абсолютность окончательных истин.

Приведенные классификации признаков тоталитарных государств основываются на классических исследованиях тоталитаризма, авторами которых были Фридрих Хайек, Карл Поппер, Ханна Арендт, Милован Джилас.

Фридрих Август фон Хайек родился 8 мая 1899 г. в Вене. После окончания Венского университета получил степень доктора экономики. В 1920-1930-х гг. возглавлял Австрийский институт исследований конъюнктуры. В 1938 г. Хайек, не желавший оставаться в оккупированной Гитлером Австрии, получил британское гражданство. В 1929-1949 гг. он – профессор Лондонской школы экономики. Всемирную известность принес Хайеку курс лекций, прочитанный в Чикагском университете в 1950-е гг. В 1950-1962 гг. Хайек – профессор Чикагского университета, в 1963-1968 гг. – профессор Фрайбургского университета. В 1974 г. ученому была присуждена Нобелевская премия по экономике. Фридрих Хайек скончался 29 марта 1992 г. во Фрайбурге (ФРГ).

В 1944 г. Хайек опубликовал книгу «Дорога к рабству», посвященную критическому анализу тоталитарных режимов в нацистской Германии и Советском Союзе. Автор усматривал истоки тоталитаризма в социалистической идеологии и не случайно предварил свою книгу словами: «Социалистам всех партий».

Политико-правовые взгляды Хайека основаны на идее государства, в котором верховенствует закон. Законам подчиняются как управляемые, так и управляющие. В демократическом правовом государстве действуют «заранее установленные правила

игры». Они позволяют индивиду точно знать, что «разрешено, и что запрещено ему делать в тех или иных ситуациях». В тоталитарных государствах, напротив, люди действуют не по заранее установленным правилам, и «здесь правозаконность может быть с легкостью уничтожена». Нет минимума абсолютных прав и свобод. Неконтролируемый произвол бюрократии, управляющей посредством директив, постановлений, полномочий, подчиняет индивида так называемым интересам общества, которые «расписываются» самой же бюрократией.

Хайек уделяет особое внимание проблеме легитимности власти в тоталитарном государстве. Он пишет, что «в планируемом социалистическом обществе речь идет не о согласии большинства (воле народа. – А. А.), но лишь о согласованных действиях одной достаточно большой группы (правлящей коммунистической или фашистской партии. – А. А.), готовой управлять всеми делами». Партия отторгает наиболее образованных и интеллигентных людей, от которых трудно ждать безусловного одобрения всех ее решений. Предпочтение отдается послушным и легковерным. По наблюдениям Хайека, особенно ценятся люди прилежные, дисциплинированные, энергичные и беспощадные.

Тоталитарное государство, как в воздухе, нуждается в пропаганде, укрепляющей веру людей в общественный идеал. Однако главное назначение пропаганды заключается в том, что она должна служить постоянному самооправданию тоталитарного режима.

Хайек не отрицает, что тоталитарные государства заботятся о своих гражданах, но только о тех, чьи интересы и цели совпадают с целями режима. Такому тоталитарному патернализму Хайек предпочитает либеральный гуманизм. В странах плюралистической демократии люди объединяются в гражданское общество, которое сиюминутно «не опекается» государством.

Книгу Хайека пронизывает один лейтмотив: тоталитаризм уничтожает свободу. Альтернативу тоталитарному государству он видит в децентрализованном государственном управлении и рыночном хозяйстве. На его взгляд, это единственная общест-

венно-политическая и экономическая система, способная свести к минимуму власть человека над человеком.

Карл Раймунд Поппер родился 28 июня 1902 г. в Вене в семье видного юриста. В 1918 г. поступил в Венский университет, где изучал математику и теоретическую физику и самостоятельно читал труды по философии. В течение 1922 года занимался в классе композиции в Венской консерватории. В 1921-1924 гг. осваивал профессию краснодеревщика, занимался социальной работой. Окончив университет, Поппер до 1937 г. преподавал математику и физику в одной из венских гимназий. Защитил диссертацию по проблеме метода в психологии. В 1937-1945 гг. жил в Новой Зеландии. Преподавательскую деятельность в Кентербери-колледже он назвал своим «вкладом в военные действия». В 1946 г. по рекомендации Ф. Хайека Поппер стал профессором Лондонской школы экономики и политических наук. Карл Поппер умер 17 сентября 1994 г. в Кройдоне (Великобритания).

В книге К. Поппера «Открытое общество и его враги» (1945) изложены его взгляды на тоталитаризм. Понятие «открытого общества» используется для обозначения строя плюралистической демократии. «Открытое общество» противопоставляется обществам докапиталистической формации и социализму. Книга посвящена анализу социально-политических теорий Платона, Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых, по мнению Поппера, абсолютизируется роль государства в жизни общества. Такая модель политического устройства общества, воплощенная в жизнь в СССР, фашистских государствах, считается «закрытой» и обреченной на гибель. «Закрытым обществам» свойственны тоталитарность, дефицит личной ответственности, идейный догматизм, граничащий с нетерпимостью и фанатизмом. Эти признаки логически вытекают из так называемого историцистского подхода идеологов «закрытого общества» к пониманию социальной действительности. Суть этого подхода, заключается, по мнению Поппера, в следующем. Главная цель общественных наук – историческое предвидение, и она достигается путем обнаружения «законов» или «тенденций» исторической эволюции. Поппер сравнивает «закрытое общество» с организмом, а также со стадом или племенем, в котором люди объединены совместной жизнью, участием в общих делах, оди-

наковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами. Человек не сталкивается с необходимостью индивидуальных решений, собственного выбора.

Для «открытого общества» типична рационально-критическая установка, возможность постепенно трансформировать государственные институты сообразно реальным потребностям людей. Человек осознает свою автономность, он – не клеточка общественного организма, и ему приходится принимать самостоятельные решения.

Либерально-демократические взгляды Поппера органично слиты с его научной методологией, принципы которой обоснованы в книге «Логика научного открытия» (1934). Необходимым условием развития знания, без которого невозможен прогресс общества, является свободное обсуждение идей. Участвовать в свободных дискуссиях можно, располагая учреждениями и опираясь на традиции. И демократическое государство, и научное сообщество основываются в своей деятельности на общих для них принципах свободы и суверенности личности.

Поппер с большой долей скепсиса оценивал возможности достижения общественного идеала. Он отвергал идею планирования общественного устройства как целостности. Тяга к глобальным переменам чревата утопизмом, авторитаризмом и тоталитаризмом. Критикуя коммунистические и фашистские проекты совершенного социального строя, он утверждал, что научно доказать реальность такого мира невозможно. Люди идут путем проб и ошибок и, живя в свободной стране, могут с уверенностью смотреть в будущее. Сторонники же идеального, «совершенно другого, замкнутого в самом себе мира» приходят к диктатуре, в которой людей заставляют быть счастливыми.

Функции государства должны сводиться, по убеждению Поппера, к защите жизни, свободы, собственности от покушений со стороны частных лиц и органов власти, к устранению нужды и страданий и поддержанию определенного уровня общего благополучия. Поппер не абсолютизирует неприменение силы в политике. «Граждане имеют не просто право, это их долг сопротивляться антидемократическому правительству, и если необходимо, путем насилия».

Ханна Арендт родилась 14 октября 1906 г. в Ганновере. Изучала философию и теологию в Марбургском, Гейдельбергском и Фрайбургском университетах, где ее преподавателями были М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, К. Ясперс. В 1933 г. она, «неарийка», была вынуждена эмигрировать из Германии в Прагу, затем в Париж. С 1941 г. жила в Нью-Йорке и преподавала в университетах Чикаго и Нью-Йорка. Книга «Происхождение тоталитаризма» (1951) принесла ей всемирную известность. Ханна Арендт умерла 4 декабря 1975 г. в Нью-Йорке.

Арендт прослеживает эволюцию тоталитарной идеологии и системы господства от их истоков в европейской культуре XVIII-XIX вв. Согласно определению Арендт, тоталитарные движения объединяют «массовые организации предельно атомизированных, изолированных индивидов. Эти движения опираются на аполитичную массу, равнодушную к парламентским принципам». Речь идет о маргинальных группах, либо не ставших подлинными классами в условиях всеобщего огосударствления (СССР в 1930-е – 1940-е гг.), либо стремительно терявших социально-классовые признаки в обстановке экономического кризиса и нацистского государственного регулирования (Германия в 1929-1945 гг.). Принципу парламентского представительства массы предпочитают культ вождя, без которого они «превратились бы в аморфную орду. Правда, и вождь без масс – ничто».

Психологической основой тоталитарного движения является неограниченная, безусловная и неизменная верность партии и вождю со стороны каждого отдельного члена. Такой лояльности вполне можно ожидать, считает Арендт, от человека, утратившего социальные связи. Внешняя самоотверженность граждан тоталитарного государства (энтузиазм советских людей, фанатизм немцев в нацистской Германии) проистекала, по мнению Арендт, от недооценки человеком самого себя. Люди, строившие свободное общество, неосознанно бежали от свободы. Тоталитарный контроль над мыслями людей с утопической целью научить всех думать «правильно» отбрасывал идею личной свободы. По-философски глубоко Арендт замечает, что мир – это не сами люди, а пространство свободы между ними. Именно благодаря этому пространству человечество составляет множество индивидов, не повторяющих друг друга. Тоталитарное гос-

подство же стремится организовать человечество так, как будто оно есть один индивид.

Тоталитарная лояльность имеет не только социальную и психологическую основу. По словам Арендт, «вирус тоталитаризма несут в себе старательно насаждаемые властями идеологические установки». Иллюзорные представления, что вождь и партия обладают высшей истиной, в сочетании с идеологическим монополизмом поддерживают веру человека в абстрактный социальный идеал. Специфическая черта тоталитарной идеологии – ее неконкретный характер. Пропагандируются самые общие цели – мировая революция или мировое господство, коммунистическое общество или тысячелетний рейх. Они сродни социальным мифам и культивируют конформистское сознание. Одновременно тоталитарная идеология оправдывает репрессии в отношении инакомыслящих. Таким образом, человек оказывается психологически разорванным между стремлением быть угодным власти ради куска хлеба и мечтой, предстающей в облике «уверенности в завтрашнем дне».

Однако тоталитарные идеологии имеют свою логику развития. Цель не может бесконечно отодвигаться. Всякие же попытки конкретизировать ее ведут к эрозии и ослаблению тоталитарных режимов. Действительно, программа построения к 1980 г. коммунизма в СССР или концепция развитого социализма вызвали нарастающий скепсис в советском обществе и подтачивали изнутри тоталитарную систему. В конце XX в. в условиях компьютерной революции развитие средств тиражирования и передачи информации заставило правящие круги социалистических стран оставить надежду на эффективный контроль над мыслями людей и открыть «шлюзы» информационной свободы, а затем и политического плюрализма.

Милован Джилас родился 12 июня 1911 г. в черногорском селе Подбишче. В белградском университете изучал юриспруденцию и литературу. В 1932 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии, где присоединился к группе Иосипа Броз Тито. Избирался членом ЦК и Исполкома ЦК КПЮ. В годы оккупации он один из руководителей движения Сопротивления. В послевоенной социалистической Югославии Джилас занимает в 1945-1954 гг. высокие партийные и государственные

посты секретаря Исполнительного бюро ЦК СКЮ, вице-президента республики, председателя Союзной народной скупщины. Конфликт с руководством партии и государства возник у Джиласа после того, как он обвинил Тито и других лидеров Югославии в переходе к сталинским методам управления. Джиласа как «ревизиониста» сместили со всех постов и исключили из партии. В октябре 1956 г., когда Джилас одобрил венгерское восстание и вновь подверг критике режим Тито, он был осужден на три года тюремного заключения. К этому времени была написана его книга «Новый класс», опубликованная в 1957 г. на Западе. Югославские власти судят Джиласа повторно и приговаривают к семи годам лишения свободы. В январе 1961 г. его досрочно выпускают из тюрьмы, однако через три месяца он снова взят под стражу в связи с опубликованием книги «Беседы со Сталиным» (обвинен в «разглашении государственных тайн»). В 1969 г. выходит в свет его книга «Несовершенное общество», которая, как и другие его работы, запрещена в Югославии. С 1970 по 1986 г. Джилас был лишен права выезда за границу. 11 апреля 1995 г. Милован Джилас скончался в Югославии.

В книге «Новый класс» Джилас выступил одним из первых в странах «социалистического лагеря» с критикой тоталитарных режимов. Вопреки официальным канонам, Джилас утверждал, что реальным субъектом общественной собственности в социалистических странах выступает не народ и государство, а правящая коммунистическая партия, «причем даже не она в целом, а профессиональная партийная бюрократия». Этот «новый правящий эксплуататорский класс», монопольно распоряжающийся национальными богатствами, использует государственную машину как инструмент своей политики и как правовое ее прикрытие.

Джилас подчеркивает, что «ни одному, кроме коммунистического, тоталитарному режиму не удалось овладеть одновременно всеми тремя (власть, собственность, идеология) факторами господства над людьми». «Власть в социалистических странах, – свидетельствовал Джилас, – фактически сосредоточена в руках партийных комитетов и тайной полиции, хотя формально «руководящая роль» партии нигде не узаконена». Его мысли созвучны взглядам Хайека: по Джиласу, «не законы с правилами, а реальный и неписаный порядок отношений между властью и подданными становится всеобщим “руководством к действию”».

Власть коммунистической партии, отмечал далее Джилас, неизбежно превращается в диктатуру вождя. В острой внутрипартийной борьбе побеждает тот из вождей, кому «в данный момент удастся последовательнее других выражать и отстаивать интересы нового класса». Так, по наблюдениям Джиласа, «Сталин понял, что индустриализации не будет, если новый класс не заинтересовать в ней материально, если не дать ему по настоящему дорваться до собственности».

Джилас высказывает удивительно смелые, меткие суждения о коррумпированности власти в социалистических странах. Он пишет о самокоррупирующемся коммунистическом государстве: «При власти, отданной на откуп одной политической группе и являющейся одновременно источником всех привилегий, «радение» о “своих людях”..., назначение их на «выгодные должности» и распределение между членами партии всевозможных благ становятся нормой».

Джилас показывает, что формально прокламируемыми правами и свободами гражданам социалистических государств можно пользоваться при одном решающем условии – исключительно в интересах того социализма, который санкционирован вождями. Это ведет к крайне изощренным методам всеобъемлющего партийного контроля. С одной стороны, необходимо сохранять видимость законности (поэтому принимают «дырявые» законы, допускающие всякого рода исключения), а с другой, следует обеспечить монополию коммунистической партии на власть. Главным образом по этой причине, считает Джилас, законодательная власть не может отделиться от исполнительной. Судебная система становится также сферой привилегий членов коммунистической партии. В результате «такой суд судит исключительно исходя из общей линии партии».

Джилас убежден, что принцип разделения властей позволяет избежать превращения государства в «мяч для игры одной партии», а также организовать независимую от групповых интересов работу чиновников.

Ф. Хайек, К. Поппер Х. Арендт видели альтернативу тоталитаризму в либеральной демократии. М. Джилас, став диссидентом коммунистического режима, воспринял идеи «демократического социализма» (см. Введение).

Резюме:

– Ф. Хайек доказывает преимущество принципа верховенства закона в странах плюралистической демократии над произволом бюрократии в тоталитарных государствах. Власть монопольно правящей коммунистической или фашистской партии нельзя признать легитимной, ибо, подавляя оппозицию, она не отражает интересов всего общества.

– К. Поппер считал, что «открытое общество» способно к самосовершенствованию. Он отвергал необходимость тотального регулирования всех сфер жизни в «закрытом обществе», подавляющем свободу личности.

– Х. Арендт видит социальную основу тоталитарных движений 1920-х – 1930-х гг. в маргинальных группах. Они в стремлении к материальной стабильности и общественному порядку соглашались на ограничение гражданских и личных свобод, доверяясь и подчиняясь тоталитарному государству. Репрессивный аппарат, идеологический диктат, бдительная цензура формируют в людях конформистское сознание.

– М. Джилас утверждал, что тоталитарный социализм в восточноевропейских странах – это строй с новым эксплуататорским классом. Руководство и аппарат коммунистических партий монопольно распоряжаются общественной собственностью и контролируют всю политическую систему.

3.2. Общественно-политические концепции позднего индустриального общества (1950-1960-е гг.)

На протяжении XX в. в процессе социального развития западного мира модифицировались и теоретические установки двух основных течений западной идеологии – либерализма и консерватизма – вплоть до практического оформления неолиберально-неоконсервативного консенсуса (согласия). Эта трансформация происходила в оппозиции к марксизму и демократи-

ческому социализму. После Второй мировой войны, в 50-е – середине 70-х годов сложился первый либерально-консервативный консенсус с идеей активной регулирующей и распределительной роли государства, неолиберальной концепцией «свободы для» (развития личности), а не «свободы от» (государства). Второй либерально-консервативный консенсус установился с начала 80-х годов. Для него характерны отказ от идеи широкого государственного регулирования экономики и социальных отношений и опора на индивидуальную инициативу и самостоятельность (неоконсервативный вариант «свободы от»).

Развернувшаяся со второй половины 50-х годов XX в. в промышленных странах мира научно-техническая революция имела всеохватывающий характер и оказывала воздействие на экономику, социальные отношения, политику, идеологию, культуру, быт, психологию людей, взаимоотношения человека с природой. К 60-м годам в развитых странах Запада завершается создание зрелого индустриального общества и «государства благоденствия». Отличительной его чертой признавался высокий уровень жизни, определяемый массовым потреблением и социальной защищенностью населения. Следует вместе с тем иметь в виду, что в указанных странах значительные слои общества все еще оставались за чертой относительного благополучия. Усиление роли государства в экономике и социальной сфере вело к расширению относительной самостоятельности аппарата исполнительной власти от представительных органов.

На этой основе в политической мысли Запада формируется концепция единого индустриального общества с идеей активной регулирующей роли государства. Дополнением к ней стала теория конвергенции, а вместе обе концепции представляли собой вариант более общей историко-социологической теории модернизации.

Одним из создателей теории единого индустриального общества и конвергенции был французский философ, социолог, публицист Р. Арон.

Раймон Арон родился 14 марта 1905 г. в Париже. Окончив Высшую нормальную школу, преподавал в 1930-1933 гг. в Кельнском и Берлинском университетах. Одновременно он углубленно изучал немецкую философию. В 1934-1939 гг. Арон работал в Париже секретарем Центра общественной документации. В 1938 г. защитил две диссертации: «Введение в философию истории» и «Критическая философия истории». Участник движения Сопротивления. После войны Арон совмещал преподавательскую и научную работу (профессор социологии в Сорбонне и Коллеж де Франс) с карьерой политического обозревателя в авторитетных французских газетах и журналах. Раймон Арон скончался в Париже 17 октября 1983 г.

Теории индустриального общества посвящены работы Арона «Восемнадцать лекций об индустриальном обществе» (1962), «Демократия и тоталитаризм» (1965). Он признает значение материально-экономической сферы в прогрессе общества. Однако, с его точки зрения, для послевоенных индустриальных обществ (Запад, СССР, Япония) экономические ценности уже не являются «абсолютным благом». Прогресс в растущей степени определяется нравственным совершенствованием общества. Техноэкономические достижения ведут к сближению (конвергенции) капитализма и социализма, которые освобождаются от узкоклассовых идеологий. В современных ему индустриальных обществах Арон видит много общих черт, прежде всего в сфере экономики: государственное регулирование и связанное с этим разбухание бюрократического аппарата, рост общественных ресурсов и т. п. Различия же касаются политической системы. «Современные индустриальные общества, – отмечает Арон, – различаются прежде всего структурами государственной власти, причем следствием этих структур оказываются некоторые черты экономической системы...». Следовательно, не экономика, а политика (механизмы осуществления власти, способы назначения руководителей) больше, чем что-либо другое, влияет на жизнедеятельность общества, на отношения между людьми.

Сказанное, однако, не означает, что Арон придерживается монистической методологии. Он вполне определенно указывает, что «формулировка “в конечном счете все объясняется либо

экономикой, либо техникой, либо политикой” изначально бессмысленна...Различные стороны общественной жизни выходят на первый план в зависимости от степени интереса, который проявляет к ним исследователь». Гуманистические и либеральные убеждения Арона выражены в его максиме: «В характере власти проявляется степень человечности общественных отношений. Люди человечны лишь постольку, поскольку они подчиняются и повелевают в соответствии с критериями человечности».

Основополагающими принципами западных конституционно-плюралистических режимов Арон называет уважение законов и чувство компромисса (консенсус). Им следуют как правящая партия, так и оппозиция. Само существование широкого спектра политических свобод учит разумному использованию компромисса. Французский интеллектуал не строит иллюзий в отношении реального демократизма в странах Запада. Разумеется, пишет он, конституционно-плюралистические режимы не дают всем гражданам равных шансов занять место на вершине политической иерархии – идеал равенства возможностей не реализуется. Но, по мнению Арона, это в принципе недостижимо в силу несовершенства человека. По его оценке, конституционно-плюралистические режимы, как и все прочие, олигархичны, но в меньшей степени.

Конституционно-плюралистические режимы не гарантированы от кризисов и распада. Условиями стабильности режима Арон называет дисциплинированное прохождение ступеней бюрократической карьеры («дисциплина устремлений»), сохранение единства государства и модернизацию экономики. По его наблюдениям, устойчивость и эффективность обеспечиваются не конституционными правилами как таковыми, а гармонией этих правил и партийной системы, природой партий, их программами, политическими концепциями. Тем не менее, чувство компромисса может быть утрачено либо из-за фанатичной приверженности идеям одной из политических группировок, либо, наоборот, вследствие чрезмерного стремления к компромиссам. Осмысливая исторический опыт Четвертой республики во Франции и Веймарской республики в Германии, Арон показы-

вает, что на смену конституционно-плюралистическим режимам могут придти авторитарные или тоталитарные порядки.

В советском политическом режиме Арон выделяет в качестве существенного признака монопольное правление коммунистической партии. Однопартийный режим держится на вере и страхе. Абсолютная власть одной партии, точнее ее высшего руководства, опирающаяся на бюрократию, создает благоприятные условия для «вмешательства личности». Сторонники партии верят в ее учение. Те же, кто не верит или сомневается, должны убедиться в своем бессилии, испытывая постоянный страх перед властью. От такого режима нельзя требовать строгого соблюдения законности, уважения интересов всех групп. «Там, – писал Арон, – по другую сторону «железного занавеса» отождествление общества и государства стало почти всеобъемлющим, а потому невозможно обсуждать достоинства режима, законность правителей и даже благоразумие государственных решений». Без сомнения, Арон рассматривает феномен тоталитаризма, вычленив пять его основных признаков: 1. Монопольное право одной партии на политическую деятельность. 2. Эта партия имеет на вооружении идеологию, которой она придает статус единственного авторитета, а в дальнейшем и официальной государственной истины. 3. Государство руководит всеми средствами массовой информации. 4. Большинство видов экономической и профессиональной деятельности находится в подчинении государства и становится его частью. Почти на все виды деятельности накладывает свой отпечаток официальная идеология. 5. Поэтому любое преступление в хозяйственной или профессиональной сфере сразу же превращается в преступление идеологическое и наказуемо средствами полицейского или идеологического террора. Ссылаясь на Арендт, Арон указывает, что тоталитарные черты наиболее зримо были присущи Советскому Союзу в 1934-1938 и 1948-1952 гг., а также гитлеровской Германии. Однако французский мыслитель не разделяет тезиса о коренном родстве двух тоталитарных режимов: по его мнению, различия между ними в идеях и целях слишком очевидны.

Раймон Арон верит в здравый смысл и опыт истории и убежден в неодолимости движения человечества к демократии, где в равной степени уважаются мнение большинства и позиция меньшинства.

В конце 1950-х годов американский экономист и социолог Уолт Ростоу выдвинул свою интерпретацию теории индустриального общества как исторического этапа в модернизационной эволюции человечества.

Уолт Ростоу родился 7 октября 1916 г. в Нью-Йорке. Окончил Йельский и Оксфордский университеты. Преподавал экономическую историю в ряде высших учебных заведений США и Великобритании. В 1945-1949, 1961-1969 гг. находился на государственной службе, в частности, был главой Совета планирования политики при госдепартаменте США, специальным советником президента Л. Джонсона. Умер 13 февраля 2003 г. в г. Остин (США).

В 1960 г. Ростоу опубликовал книгу «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест». Уже подзаголовок книги указывал на то, что ее автор рассматривал свою концепцию как альтернативу марксистской теории общественно-экономических формаций. Понятие «модернизация» служило Ростоу аналитической конструкцией для объяснения единого, хотя и неравномерного («первичная и вторичная, отраженная, модернизации»), движения всех стран к обществу массового потребления. На этом пути человечество проходит пять стадий, отличающихся друг от друга уровнем развития техники, нормой накопления капитала и жизненным стандартом в пересчете на душу населения. Согласно Ростоу, большинство развитых стран достигло четвертой стадии – «зрелости», или индустриального общества. США вступили в пятую стадию – «высокого уровня массового потребления». Остальные страны, включая социалистические, движутся в этом же направлении.

Во второй половине 1960-х годов видный американский экономист и социолог Джон Гэлбрейт сформулировал свое понимание процесса конвергенции капитализма и социализма.

Джон Кеннет Гэлбрейт родился 15 октября 1908 г. в Айонштейшн (Канада). Получил образование в университетах Торонто, Беркли и Кембриджа (Великобритания). Преподавал в Калифорнийском, Принстонском, Гарвардском университетах. Во время Второй мировой войны занимал в правительстве США пост начальника управления по контролю над ценами. С 1943 по 1948 г. он один из редакторов журнала «Форчун», весьма влиятельного в кругах большого бизнеса. В 1961-1963 гг. советник президента Дж. Ф. Кеннеди, посол США в Индии. В 1984-1987 гг. являлся председателем Совета Американской академии наук и искусств. Умер 29 апреля 2006 г. в Кембридже (США).

В книге «Новое индустриальное общество» (1967) Гэлбрейт усматривал предпосылки постепенного сглаживания различий между капиталистическими и социалистическими странами в «приблизительно сходной системе планирования и хозяйственной организации, подготовки квалифицированных кадров, в регулирующей роли государства в области цен и социального обеспечения». Сходство двух экономических систем виделось также в социализации западных корпораций. Он имел в виду сращивание финансового капитала, информационного ресурса и государственной политики (поддержка научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок и другие заказы). Взаимодействие западной корпорации с политической властью описывалось как механизм «приспособления»: крупная корпорация будет принимать политическую окраску той партии, которая в данное время стоит у власти.

Гэлбрейт указывает на примат в индустриальном обществе технической рациональности. Носителем такой рациональности выступает техноструктура*. Это обширная иерархическая орга-

* Возникновение доктрин технократии связывают с именем американского экономиста и социального критика Торстейна Веблена (1859-1929). В своей книге «Инженеры и система цен» (1921) он требовал передать власть «техникам» (инженерам). Книга американского социолога Джеймса Бернхемса «Революция менеджеров» (1941) явилась заметной вехой в истории технократических доктрин. Берхем утверждал, что в результате технико-технологического прогресса менеджеры не только заняли командные посты в рамках предприятий и корпораций, но и сосредоточили в своих руках политическую власть. На основе своего «действительно ответственного положения» в государстве

низация, объединяющая людей, которые владеют специальными знаниями и участвуют в принятии решений. По словам американского ученого, техноструктура в современном мире – это «властвующая элита».

Термин «властвующая элита» до Гэлбрейта был введен в научный обиход в 1950-е годы американским социологом Р. Миллсом. В его трудах получила развитие теория элит.

Чарлз Райт Миллс родился 28 августа 1916 г. в г. Уэйкоу (штат Техас). В 1939 г. окончил Техасский университет. В 1941 г. защитил диссертацию и получил докторскую степень по социологии и антропологии. В 1945-1955 гг. заведовал лабораторией по исследованию труда в Колумбийском университете. Умер 20 марта 1962 г. в Нью-Йорке.

Концепция властвующей элиты

Фундаментальное исследование Миллса «Властвующая элита» (1957) создавалось в десятилетие американского маккартизма и либерально-консервативного согласия. Миллс в отличие от социально-психологических трактовок элиты делает акцент на ее социологическое объяснение. Он показывает, что 1) главенствующие позиции, занимаемые людьми элиты, определяют их шансы на приобретение и удержание особо ценимых жизненных благ; 2) их психология в значительной степени обуславливается ценностями, которыми они владеют, и ролью, которую они играют в ведущих социальных институтах.

Под властью Миллс понимал участие в разработке и принятии крупных решений. «Властвующая элита» – это не какая-то одна социальная группа (финансовая олигархия, «политическая бюрократия» или «военная клика»). Миллс подчеркивает соединение экономического, политического и военного могущества в рамках правящей элиты. Ее единство, не свободное от трений и

менеджеры становятся привилегированным классом, «получая машины, дома и пользуясь другими льготами и привилегиями». Монополизируя систему образования, они «воспроизводят себя как особую касту». В будущем, считал Берхем, на планете установится единое технократическое государство во главе с комитетом директоров-технократов.

конфликтов, покоится на личных и служебных связях входящих в нее лиц, на их социальной и психологической близости. Миллс останавливается на роли «джентльменских клубов», частных привилегированных школ и колледжей, в которых воспитываются будущие власть имущие.

Американский социолог невысоко оценивает духовно-интеллектуальные качества истеблишмента США. Он пишет: «“Вес”, умение судить и вершить – эти и подобные критерии играют в возвышении людей из элиты большую роль, чем духовная утонченность или сила ума». Подход Миллса к вопросу о распределении власти отличался от общепринятой в американской социологии теории плюрализма (диффузии) власти. Согласно этой теории, власть в США распределена более или менее равномерно среди многочисленных групп по интересам, которые находят себе союзников у неорганизованного населения. Эти идеи были изложены в книге Дэвида Рисмена «Одинокая толпа» (1950).

Высшее звено правящей элиты

Миллс попытался обрисовать облик сравнительно немногочисленной высшей прослойки «властвующей элиты» и не рассматривал подробно структуру и механизм политической власти в целом. Особенностью политической жизни США 50-х годов он считал появление непрофессиональных политиков. Роль этих «политических аутсайдеров» заключается в проведении точки зрения представляемых ими групп. С деятельностью новой формации политиков Миллс связывал отмеченное им ослабление законодательной ветви власти (конгресса). Новые люди в политике, по его наблюдениям, сразу получают общегосударственный пост, минуя работу в местных органах; они больше ориентируются в своей карьере на назначаемые должности, чем на выборные.

Из предпринятого Миллсом анализа следовало, что время шумпетеровской конкурентной политической борьбы уходит. «На смену политике, складывающейся в результате избирательной борьбы, приходит авторитарная политика, маневрирование

клик сменяет борьбу политических партий». Растущее влияние исполнительных органов власти социолог видит не столько в расширении бюрократических функций государства, сколько в «возвышении заправил корпораций как политической силы выдающегося значения».

Социально-политические взгляды Миллса оказали неоднозначное влияние на американское общество. Сам он так определял характер этого влияния: «На моих публичных лекциях...залы заполнены до отказа, слова встречаются громкими аплодисментами, после чего аудитория расползается по автомобилям и...ничего не происходит. Мои книги молниеносно расходятся..., читаются с захватывающим интересом тысячами людей – и снова ничего не происходит, не взрываются никакие “бомбы”». Оппоненты усматривали в понятии «властвующая элита» упрощение, которое стирает коренные различия между соревнующимися социальными группами. И все же Райт Миллс вошел в историю общественной мысли как один из самых страстных критиков элитизма. Миллса считают идейным предтечей движения «новых левых» в США.

В 50-70-е годы XX в. ряд стран Запада и «третьего мира» охватило леворадикальное антикапиталистическое идейно-политическое движение, получившее название «новых левых». Социальный костяк этого течения составила часть студенчества и интеллигенции. Пик нового общественно-политического движения пришелся на вторую половину 1960-х гг. Во Франции – это майско-июньские события 1968 г., в США – это борьба молодежи против войны во Вьетнаме. Демонстрации, митинги, столкновения с полицией происходили также в ФРГ, Великобритании, Италии, ряде стран Латинской Америки. Демократически настроенные студенты были недовольны устаревшей системой образования, но одновременно критиковали западное общество потребления. Идеологи «новых левых» дистанцировались от «старых» левых движений, противопоставляя выступления непролетарских масс рабочему классу, а свои антибуржуазные «критические» теории – марксизму коммунистических партий. Они воспринимали пролетариат как обуржуазившуюся

консервативную силу, а коммунистов, ориентировавшихся со второй половины 50-х гг. не на вооруженное восстание, а на парламентские формы борьбы за власть – «партией порядка», интегрированной в существующую политическую систему. Тактическая линия «новых левых» была отмечена радикализмом, граничившим с авантюризмом, отказом от любых компромиссов, «требованием» невозможного».

Значительное влияние на идеологию «новых левых» оказали взгляды французского писателя и философа Ж. П. Сартра, философов и социологов Франкфуртской школы – М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Э. Фромма, Г. Маркузе и др. Главный объект исследовательского внимания названной школы – «поздний капитализм». Для этого общества, по их наблюдениям, характерны доминирование «авторитарной личности» и антидемократические методы руководства. Герберта Маркузе величали на Западе «международным идейным вождем бунтующих студентов». Сам философ проявлял сдержанность в отношении «новых левых»: «Я чувствую себя солидарным с движением разгневанных студентов, но я совсем не являюсь их глашатаям. Это пресса и общественное мнение наградили меня таким титулом и сделали из меня ходкий товар».

Герберт Маркузе родился 13 июля 1898 г. в Берлине. Учился в Берлинском и Фрайбургском университетах. Будучи студентом, стал членом Социал-демократической партии Германии. В 1934 г. эмигрировал из нацистской Германии в США, где занимал профессорскую должность в ряде университетов, в том числе Калифорнийском – цитатели левого студенческого движения. Герберт Маркузе скончался 29 июля 1979 г. в Штарнберге. Наследие мыслителя включает десятки книг: «Разум и революция. Гегель и становление социальной теории», «Эрос и цивилизация», «Очерк об освобождении», «Критический анализ советского марксизма», «Критика чистой терпимости» и др. Знаменитым его сделала книга «Одномерный человек» (1964).

На взгляды Маркузе оказали большое влияние идеи Г. В. Ф. Гегеля, П. Ж. Прудона, К. Маркса, М. Вебера, З. Фрейда. У Маркса, в частности, он воспринял критическую

социальную теорию, отвергавшую капитализм, а у Фрейда – представление о том, что психическая жизнь человека определяется столкновением антагонистических инстинктов Эроса и Танатоса. Эрос у Маркузе не сводится к сексуальному влечению, но находит также проявление в любви к истине, красоте, стремлении к справедливости. Танатос – тяготение к разрушению, уничтожению жизни, проявляющееся в агрессивности, жестокости, насилии. По Маркузе, обеспечить торжество Эроса – это значит построить «эротическую цивилизацию», которая избавляла бы людей от необеспеченности, неравенства, борьбы за существование и дала бы человеку счастье в свободе, любви и в труде, приносящем радость.

«Мир тотального администрирования» и «Великий отказ»

Согласно Маркузе, развитие науки и техники позволяет господствующему классу современного капиталистического общества сформировать через механизм потребностей новый тип массового «одномерного человека» с атрофированным социально-критическим отношением к государству. В этих условиях, считает Маркузе, протестная инициатива переходит к «аутсайдерам» (люмпенам, дискриминируемым национальным меньшинствам, безработным), а также к радикальным слоям студенчества и гуманитарной интеллигенции. Маркузе рассматривает институты западной демократии как инструмент ненасильственного подавления оппозиции и выступает за «радикальный отказ» от легальных форм борьбы как «парламентской игры».

Рационально организованное массовое производство подчиняет мышление человека принципу операционализма. Складывается «мир тотального администрирования», основанный, в отличие от фашистского режима, не на прямом насилии, а на «нетеррористическом экономическо-техническом управлении, осуществляемом с помощью манипулирования потребностями». Маркузе оперирует понятием «репрессивная терпимость», имея в виду допущение в странах Запада открытой оппозиции лишь в определенных формах и рамках. Они вовлекают оппозиционные силы в

«игру» и порождают иллюзию существования реальной демократии. Из этого наблюдения Маркузе делает вывод, что всякая легальная борьба лишь способствует стабилизации общественно-политической системы. Феномен «одномерного человека» свойствен и социалистическим странам. Поэтому Маркузе призывает к «Великому отказу» и от капитализма, и от социализма.

Цель «Великого отказа» – формирование «нового человека», органически не переносящего жестокость, насилие, человека гуманного, мягкого, душевного. Его Эрос побуждал бы к бунту против существующей «жизненной среды». Маркузе выступает против организационного оформления движения левых радикалов, против руководства деятельностью масс со стороны политических партий и других организаций. Он убежден, что всякая организация представляет собой материальное воплощение бюрократизма.

Отвергая «реальный социализм» в странах Восточной Европы, Маркузе весьма неопределенно характеризует идеальное социалистическое общество. «Критическая теория общества не располагает, – пишет он, – понятиями, которые могли бы перебросить мост через пропасть между его настоящим и будущим». Обращает лишь на себя внимание сходство элитистских черт «гуманного социализма» Маркузе и платоновского идеала аристократии философов.

Резюме:

– Р. Арон относил к основополагающим принципам западных конституционно-плюралистических режимов уважение законов и чувство компромисса. Им следует как правящая партия, так и оппозиция. Однопартийный режим в СССР держался на чувстве веры и страха. Поэтому здесь не было гарантировано право на оппозицию.

– Главное положение концепции «нового индустриального общества» Дж. Гэлбрейта – идея социализации, или переплетения финансового капитала, информационных потоков и государственной политики.

– Р. Миллс считал характерной чертой «властвующей элиты» США соединение экономического, политического и военного могущества финансовой олигархии, государственной бюрократии и военно-промышленного комплекса. Он полагал также, что конкурентная политическая борьба партий уступает место соперничеству клик и кланов.

– Для Г. Маркузе новая эротическая рациональность, которая разрушит барьеры между разумом и фантазией, индивидуальным и общественным, станет основой преобразования человека и общества. Особые надежды в этом процессе гуманитарного обновления Маркузе возлагал на социальные группы, еще не интегрированные поздним индустриальным обществом.

3.3. Политические теории постиндустриального общества (1960-1990-е гг.)

В западной социологической, политологической и футурологической литературе 1960-1970-х гг. наряду с понятием «единое индустриальное общество» в обиход вошла категория «постиндустриальное, или информационное, общество». Последнее определение было введено в научный оборот одновременно в США Ф. Махлупом и в Японии Т. Умесао. Материальный базис постиндустриального общества отмечен компьютеризацией, информационной сетевой техникой, ускоренным ростом транснационализации капитала, глобализацией экономики. В развитых странах в последней четверти XX в. произошел сдвиг от промышленной индустрии к деятельности по производству информации. Обозначился переход от стандартной массовой продукции к гибкому индивидуализированному мелкосерийному выпуску товаров. В предложенных западными интеллектуалами концепциях постиндустриального общества можно выделить апологетическое и критическое направления.

Апологетическое направление

Один из ведущих теоретиков в области социальных и политических наук США **Дэниел Белл** родился 10 мая 1919 г. в Нью-Йорке. Окончил Колумбийский университет. Доктор философии. Работал сотрудником и издателем журналов «Нью лидер» и «Форчун». Преподавал в Колумбийском и Гарвардском университетах. Член Американской академии наук и искусств.

В книгах «Конец идеологии» (1960), «Становление постиндустриального общества» (1973), «Культурные противоречия капитализма» (1976) Белл вычленял в социально-политической структуре постиндустриального общества уже не классы, а ситосы (подразделения). Он называл четыре вида функциональных ситосов – научный, технологический, административный, культурный, а также пять институциональных ситосов – экономические предприятия, правительственные конторы, университеты и исследовательские центры, социальные комплексы (больницы, центры обслуживания и т. п.), военные объекты. Все эти изменения влекут за собой глубокую трансформацию политического ландшафта: традиционное доминирование экономических элит во властных структурах сменяется преобладающим влиянием технократов и политических экспертов. Общие признаки постиндустриального общества не исключали его национально-государственного своеобразия. «Такие индустриальные страны, как США, СССР, ФРГ и Япония, – писал Белл, – в политическом отношении организованы по-разному, и точно так же постиндустриальное общество может вылиться в различные политические формы».

Белл, по существу, поставил вопрос: «Должен ли процесс социально-экономической конвергенции Запада и Востока сопровождаться конструированием единой модели политической демократии?». Политические деятели и эксперты-аналитики давали на него разные ответы. Постоянный представитель США при ООН Джин Киркпатрик утверждала в статье «Диктатура и двойные стандарты» (1979), что демократия – форма политической и социальной организации, органично присущая странам

англосаксонского мира: Англии, США и странам Британского Содружества, расположенным в умеренном поясе. Бессмысленно поэтому пытаться убеждать других идти их путем.

Противоположную точку зрения обосновывал советник президента США Дж. Картера по национальной безопасности З. Бжезинский.

Збигнев Бжезинский родился 28 марта 1928 г. в Варшаве в семье дипломата. Его отец, работая в 1938-1945 гг. в Монреале в польском консульстве, отказался после окончания Второй мировой войны возвращаться с семьей в Польшу. З. Бжезинский окончил в 1949 г. университет Макгилла в Монреале, в 1953 г. – Гарвардский университет. Доктор философии. В 1958 г. получил американское гражданство. Занимал посты директора исследовательского Института по вопросам коммунизма при Колумбийском университете, члена Совета планирования политики государственного департамента США, директора Трехсторонней комиссии, консультанта по международным проблемам компании «Дин, Уиттер, Рейнолдс», старшего советника Центра стратегических и международных исследований.

По наблюдениям Бжезинского, индустриализация в экономике, либеральная демократия в политической сфере, холодный расчет и рационализм в человеческой психологии – непеременимые условия успешной модернизации всего мира. В своих книгах «Между двух эпох» (1970) и «Великий провал: зарождение и смерть коммунизма в XX столетии» (1989) он сравнивал переход к постиндустриальному («технотронному») обществу в капиталистических и социалистических странах и выделил два обстоятельства. Постиндустриальные сдвиги динамичнее протекают в странах либеральной демократии, где политическая власть ограничена. В социалистических же государствах монопольно правящие коммунистические партии в своей экономической и социальной политике цепляются за устарелую марксистско-ленинскую доктрину, которая возникла на ранних стадиях индустриальной революции.

Представитель младшего поколения американских интеллектуалов Френсис Фукуяма также не склонен противопостав-

лять «западную» и «восточную» («азиатскую») модели модернизации.

Френсис Фукуяма родился 27 октября 1952 г. в Чикаго. Окончил Корнелльский университет. Доктор политических наук. В 70-90-е годы работал в Управлении политологических исследований РЭНД-корпорации, входил в состав группы по политическому планированию Государственного департамента США, был заместителем директора отдела по проблемам Ближнего Востока и бывшего СССР. С 1996 г. – профессор политологии в университете Дж. Мэсона (г. Фэрфакс, штат Вирджиния).

Как яркий публицист и политический аналитик Фукуяма стал известен после публикации в 1989 г. статьи «Конец истории?», ставшей своего рода бестселлером. Идеи статьи получили дальнейшую разработку в двух его книгах: «Конец истории и последний человек» (1992) и «Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния» (1995).

Фукуяма полагает, что падение советской системы как последней альтернативы либерализму лишает исторический процесс политического и идеологического содержания. Отныне человечество будет решать не политические, но технологические, экономические, экологические, культурные проблемы в рамках «единого мира», или «открытого общества». В этом воплотится весь исторический опыт развития мировой цивилизации, пиком которого является западный либерально-демократический строй.

Американский политолог признает, что в современном мире сохраняется почва для национальных и религиозных войн и не снят с повестки дня терроризм. Однако он считает, что эти конфликты носят локальный характер и не грозят перерасти в глобальное столкновение.

Фукуяма исходит из идеи единства человеческой природы и дифференцирует страны и общества по степени укорененности в них доверия между людьми.

Он относит к группе «обществ с высоким уровнем доверия» такие страны, как Япония, США, Великобритания и Германия. Они отличаются развитой социальной мобильностью. Франция,

Италия, Мексика, Бразилия, Китай, Тайвань, страны Восточной Европы и республики бывшего СССР характеризуются как «общества с низким уровнем доверия». Они несут на себе печать семейной, клановой или социогрупповой замкнутости и в меньшей мере способны к стабильному и естественному развитию. Во Франции и Италии (по сравнению с США и Германией) пестрый экономический ландшафт дополняется раздробленностью и нестабильностью партийных систем. Анализируя положение дел в постсоветских государствах, Фукуяма отмечал, что в России и на Украине частные компании, как и политические партии, еще очень слабы. В России «демократы» верят в демократию и рыночную экономику на интеллектуальном уровне. При этом они не имеют навыков консолидации своих сил в единой политической организации.

Доверие находит выражение в институтах и духе самоуправления (терпимости, уважении друг к другу, готовности или привычке людей соблюдать ими же установленные законы и нормы). Для Фукуямы эти качества означают стремление человека к признанию, которое вместе с накоплением материальных благ составляет фундаментальную цель человеческой деятельности и движущую силу истории.

С критикой взглядов Фукуямы в США выступил С. Хантингтон.

Сэмюэль Хантингтон родился 18 апреля 1927 г. в Нью-Йорке. Степень доктора философии получил в 1951 г. в Гарвардском университете. С этим университетом связана большая часть его деятельности. Одновременно профессор Хантингтон занимал в 1977-1978 гг. пост координатора в области планирования при Совете национальной безопасности в администрации президента Дж. Картера. С 1989 г. он – директор Института стратегических исследований имени Дж. Олина. Избирался президентом Американской ассоциации политических наук, является членом Американской академии наук и искусств. Умер 24 декабря 2008 г. в г. Марта-Виньярд (США).

В 1993 г. Хантингтон опубликовал статью «Столкновение цивилизаций», вызвавшую оживленные дискуссии в научных кругах. В сравнении с Фукуямой он оценивает ситуацию окон-

чания «холодной войны» в более сдержанных тонах. Крах социализма не означает полного торжества либерализма. Страны бывшего советского лагеря и, особенно, страны «третьего мира» откажутся добровольно принимать либеральную систему в силу своего цивилизационного отличия от стран Запада. Хантингтон связывает дальнейшее продвижение либеральной демократии с новыми волнами межкультурных конфликтов, которые должны измотать, ослабить незападные цивилизации и в конце концов вынудить их согласиться на западную модель. Пока же Запад должен не распылять усилия, но сосредоточиться на укреплении своей собственной системы, вмешиваться в мировую политику лишь точно и всегда в своих собственных национальных интересах.

В книге «Третья волна. Демократизация в конце XX века» (1991) Хантингтон рассмотрел пять моделей перехода от авторитаризма к демократии в тридцати странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки в 1970-1980-е гг. Он раскрыл также пять фундаментальных причин такого перехода: 1) обострение проблемы легитимности авторитарных режимов вследствие военных поражений, экономических неудач и нефтяных кризисов 1973-1974, 1978-1979 гг.; 2) экономический подъем 1960-х годов, который во многих странах поднял жизненный стандарт, уровень образования и значительно увеличил городской средний класс; 3) разительные перемены в доктрине и деятельности католической церкви, выступившей против авторитаризма; 4) новая позиция Европейского Сообщества по вопросу о расширении членства в конце 1960-х гг., пропаганда (с 1974 г.) правительством США прав человека и демократии в других странах, политика «перестройки» М. С. Горбачева; 5) эффект «снежного кома», произведенный первыми переходами к демократии и усиленный средствами массовой коммуникации.

Если Хантингтон использовал понятие «третья волна» применительно к демократическим революциям и реформам 1970-1980-х гг., то американский социолог и публицист Э. Тоффлер писал о третьей цивилизационной волне в истории человечества.

Элвин Тоффлер родился 4 октября 1928 г. в Олбани (штат Нью-Йорк). В 1949 г. окончил Нью-Йоркский университет. Научное мировоззрение Тоффлера формировалось под влиянием идей А. Грамши, Дж. Бернхема, М. Фридмэна. Он работал сотрудником и был одним из издателей журнала «Форчун». Преподавал «социологию будущего» в Корнелльском университете и Новой школе социальных исследований. Приглашался в качестве эксперта и консультанта по проблемам стратегического развития в крупнейшие американские корпорации – фонд Рокфеллера, Ай Би Эм и др. Участвует в работе Фонда Рассела Сейджа и Института по изучению будущего.

В 1970-1990-е гг. Тоффлер опубликовал книги «Футуришок», «Третья волна», «Метаморфозы власти» (они составляют трилогию) и др., принесшие ему всемирную известность. В них содержится анализ трансформации индустриального общества в новую цивилизацию. Американский мыслитель делит историю человечества на три периода, или волны: 1) аграрную, начало которой положила происшедшая 10 тысяч лет назад земледельческая революция; 2) индустриальную, длившуюся около 300 лет; 3) информационную, начавшуюся во второй половине XX в. в США и охватившую затем страны Западной Европы и другие государства. Движущей силой перехода к цивилизации «третьей волны» выступает технология, а ядром совершенствования технологии является знание (информация).

В обществе «третьей волны» происходит пересмотр кода цивилизации, характерного для индустриального общества. Американский мыслитель насчитывает шесть основных признаков цивилизации «третьей волны»: 1. Отказ от стандартизации и замена ее многообразием. Отход от традиционного массового производства сопровождается индивидуализацией сбыта и потребления. В равной степени дестандартизируются идеи, политические убеждения, религиозные взгляды, типы поведения этнических меньшинств, музыкальные вкусы, мода, формы семьи. 2. Децентрализация: во всех странах наблюдается необычайная активность местных организаций, выступающих против правительственной централизации. 3. Минимизация: индустриальные гиганты, недостаточно восприимчивые к инновациям, вытесня-

ются более мобильными и гибкими мелкими предприятиями. «Возрождение мелкого бизнеса под лозунгом «Маленькое прекрасно» основано на антибюрократической информационной системе, этике и идеологии. 4. Переход от принципа синхронизации производства к скользящему графику. Индивидуализации времени способствует широкое распространение компьютеров, с развитием которых становится все меньше работников, чья производительность зависит от пунктуальности. 5. Рассредоточение вместо концентрации. 6. Полиорганизация вместо специализации.

Объяснение всему этому социокультурному сдвигу Тоффлер находит в колоссально возросшей роли знаний. В силу своих преимуществ – бесконечности, общедоступности, демократичности – знания подчинили себе силу и богатство и стали определяющим фактором функционирования общества и всех его институтов, включая власть. С помощью знаний человек в состоянии решать задачи, которые могли бы в иных случаях потребовать использования насилия и богатства.

Символический капитал – знания – имеет принципиально иную природу: он неисчерпаем, одновременно доступен бесконечному числу пользователей без ограничений. Единицей обмена становятся не деньги, а информация. В экономической системе, где доля ручного труда постоянно сокращается, «пролетариат» неуклонно вытесняется «когнитариатом» (обладателем знаний). Возникают мелкие трудовые коллективы – «гибкие фирмы» или «адаптивные корпорации». Управление такой организацией требует нового стиля руководства – личностного, антибюрократического. В качестве примера «гибких фирм» Тоффлер приводит практику «семейного бизнеса». В экономике постиндустриального общества не исчезает конкуренция. Демассификация товаров и услуг требует постоянного расширения и пересмотра стандартов, что провоцирует борьбу за контроль над информацией, определяющей стандарты. Эта борьба образует сердцевину конфликта в постиндустриальном обществе.

Под напором знаний трансформируется система представительной демократии в той форме, которую породила индустри-

альная цивилизация. Растущая социальная неоднородность общества размывает саму основу идеи представительной демократии – понятие массы. Возникающая «мозаичная» демократия в большей степени ориентируется на отдельного индивида. В связи с усложнением информации круг лиц, принимающих решения, расширяется за счет ученых и специалистов-практиков. В итоге бюрократия теряет прежнюю монополию на управление и перестает быть замкнутой «кастой».

Политическая жизнь общества «третьей волны» строится на основе трех ключевых принципов:

1. Принцип меньшинства. Вместо прежнего общества, в котором несколько крупных блоков (классы, социальные группы, партии. – А. А.) образовывали большинство, возникает «конфигуративное общество». В нем тысячи меньшинств обладают высокой социальной мобильностью.

2. Принцип «полупрямой демократии». В обществе «третьей волны» произойдет отказ от представительной демократии. Не относя себя ни к левым, ни к правым, Тоффлер полагает, что политическая ось «левые-правые» устарела, равно как и вся система политических партий. Повышение образовательного уровня и современная техника дают возможность гражданам самостоятельно вырабатывать многие политические решения.

3. Принцип «разделения ответственности в принятии решений». До сих пор, по мнению Тоффлера, слишком много решений принимается на национальном уровне и слишком мало – на местном и международном. Он предвидит перераспределение власти в пользу территориально-административных образований и наднациональных структур. Новые экономические и глобальные проблемы и новая техника коммуникаций способствуют дальнейшему ослаблению национального государства.

Тоффлер называет свою теорию праптопией – практической утопией. Тем самым он подчеркивает отличие созданной им картины мира от идеализированных утопических проектов и мрачных прогнозов антиутопий. Американский футуролог, по его словам, рисует мир «не лучший и не худший из тех, что

можно себе представить, но зато мир реализуемый и явно более привлекательный, чем тот, в котором мы жили до сих пор».

Критическое направление

Оппоненты универсалистского взгляда на модернизацию в условиях информационной революции полагают, что в современном мире все большее значение приобретают специфические особенности, которые определяются религиозными, этнонациональными, социально-психологическими факторами исторического развития. Такое мнение высказывает, например, известный американский экономист, профессор Массачусетского технологического института **Лестер Туроу** (1938 г. р.). В книге «Будущее капитализма» (1996) он рисует картину многополюсного мира, в котором не существует доминирующего центра силы. Возражая Фукуяме, он пишет, что время гражданских, национальных и межгосударственных войн не прошло. Глобализация не вытесняет сегментации.

В начале 1980-х гг. французский социолог Ален Турен акцентировал внимание общественности на кризисных явлениях западной цивилизации и противоречивом характере информационной революции.

Ален Луи Жюль Франсуа Турен родился 3 августа 1925 г. в г. Арманвиль-сюр-Мер (департамент Кальвадос). Окончил филологический факультет университета Париж-V. Доктор филологии. В 1950-1958 гг. работал в Национальном центре научных исследований в Париже, в 1966-1969 гг. – профессор университета Нантера, с 1960 г. является руководителем исследовательских программ Высшей школы социальных наук, директором Центра теоретической и прикладной социологии в Париже. Член Европейской академии, действительный член Американской академии наук и искусств.

По наблюдениям Турена, представленным в его книге «Возвращение человека действующего» (1984), технология и рационализация, обеспечивавшие прогресс индустриального общества, к концу XX в. стали преградой на пути освобождения лично-

сти. Технократический класс не только доминирует, но и подавляет все остальные социальные группы. Изначально существовавший разрыв между государством и обществом продолжает увеличиваться. Одно из проявлений этой тенденции Турен видит в падении престижа политических партий. Несомненно, констатирует он, формирующееся информационное общество выступает как более активное и мобильное. Но оно таит в себе еще большие опасности, чем индустриальная цивилизация. Постиндустриальное общество изменяет не средства, а цель производства, то есть культурные ценности. Правящим классом в новом обществе является тот, который управляет созданием культурных моделей и социальных норм («символических благ»). Конфликты в обществе касаются уже не только классов, они проникают в область «частной жизни». «Программируемое общество» отличается возросшей ролью политической власти. Поэтому Турен не разделяет оптимизма тех социальных мыслителей (Э. Тоффлера и др.), кто считает человека информационного общества свободным выбирать как цель своей жизни, так и пути ее достижения.

Спустя почти пятьдесят лет после выхода в свет своей книги **К. Поппер** (см. 3.1.) в послесловии к ее русскому изданию выдвинул программу «улучшения» западного «открытого общества». В числе предложенных им мер – укрепление личных свобод и сопряженной с ними ответственности, поддержание мира путем жесткого контроля над нераспространением ядерного и термоядерного оружия, борьба с бедностью и «демографическим взрывом». Поппер актуализировал задачу обучения детей ненасилию, привития им мысли, что «величайшим из всех грехов является жестокость».

Идеи Поппера об «открытом обществе» оказали влияние на взгляды американского финансиста Дж. Сороса и его филантропическую деятельность.

Джордж Сорос родился 12 августа 1930 г. в Будапеште. В 1947 г. эмигрировал из Венгрии в Великобританию. В 1952 г. окончил Лондонскую школу экономики. В 1956 г. переехал в США, где основал международный инвестиционный фонд. С 1979 г. занимается филантропической деятельностью, возглавляя институт «Открытое общество». Почетный доктор Оксфордского, Йельского университетов, Новой школы социальных исследований, Университета экономики в Будапеште.

Сорос, осмысливая последствия мирового финансового кризиса 1998 г., изложил свои взгляды на глобальную ситуацию в книге «Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности». Он полагает, что угроза «открытому обществу» исходит не только от «закрытых обществ», но и со стороны «рыночников-фундаменталистов» на Западе. Сорос имеет в виду апологию рыночного механизма, упование на саморегулирование капиталистического общества. По его мнению, рынок предназначен для принятия индивидуальных решений в условиях конкурентной среды. Однако «открытое общество» предполагает наряду с конкуренцией сотрудничество. В этих условиях необходимы коллективные решения, для принятия которых рыночные подходы уже недостаточны. Действительно, внутренняя и международная политика государств с «открытым обществом» испытывают сильное воздействие рыночного менталитета, что находит проявление в коррумпированности и эгоизме политиков. И все же Сорос усматривает «спасительный выход» в нравственных усилиях части политической и хозяйственной элиты. Она должна «ставить интересы общества выше эгоистических целей, даже если другие участники рынка не способны это сделать». Таким образом можно достичь «правильного баланса между политикой и рынками», между приоритетами нации, мирового сообщества и отдельного человека.

Резюме:

– В концепции Д. Белла социальную структуру постиндустриального общества образуют институциональные и функциональные слои, приходящие на смену экономическим классам. Экономические элиты, занимавшие прежде главенствующее положение в обществе, уступают место технократии и политическим экспертам.

– Ф. Фукуяма уверен, что после поражения коммунизма в «холодной войне» человечество будет решать глобальные проблемы в рамках единого либерального сообщества. Движение к нему разных стран обуславливается «уровнем доверия», или демократической культурой граждан.

– Для С. Хантингтона крах социализма не свидетельствует о полном торжестве либерализма. Различия в цивилизационном «коде» стран Запада и Востока, Севера и Юга предопределяют цепь новых конфликтов, которые постепенно ослабят западные цивилизации и вынудят их согласиться принять либерально-демократическую модель развития.

– В социально-политическом проекте Э. Тоффлера система представительной демократии сменится в информационном обществе «мозаичной демократией». Она строится на принципах меньшинства, полупрямой демократии, перераспределения ответственности в принятии решений.

– По мнению А. Турена, доминирование технократии в программируемом обществе ведет к подавлению других социальных групп и отдельной личности. Власть технократов ограничивает свободу жизненного выбора человека.

– Дж. Сорос убежден, что саморегулируемый рыночный механизм недостаточен для стабильного развития «открытого общества». Он призывает политиков и бизнесменов подняться над частными эгоистическими интересами и содействовать реализации общенациональных и глобальных проектов в интересах всего мирового сообщества.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ И САМОКОНТРОЛЯ

Макс Вебер

1. Как у М. Вебера соотносятся мотивы поведения людей и типы государственного правления?
2. Какие общие признаки связывают бюрократов?
3. Почему М. Вебер считал целесообразным переход от парламентской демократии к плебисцитарной?
4. Каковы, по Веберу, универсальные критерии отбора вождей?

Итальянская политическая мысль конца XIX – начала XX века

1. Г. Моска о «политическом классе» и динамике его обновления.
2. К чему сводится теория смены элит В. Парето?
3. Кто открыл «железный закон олигархии» и в чем его суть?
4. Какова природа вождизма?

Политическая доктрина фашизма

1. Как соотносятся идейные истоки фашистской политической доктрины и ее основополагающие принципы?
2. Как определяет Гитлер задачи фашистского государства?
3. Каково отношение Гитлера и Муссолини к парламентской системе?
4. Что составляет сердцевину тоталитарной идеологии и практики фашизма?

Иосиф Шумпетер

1. Как И. Шумпетер критикует идею народовластия?
2. Шумпетеровское определение демократии.
3. Какие четыре условия стабильного функционирования демократической системы выдвигает И. Шумпетер?
4. Что понимает австро-американский мыслитель под демократическим самоконтролем?

Эммануэль Мунье и Эдуард Бенеш

1. Каковы пути реформирования парламентской демократии, по Э. Мунье?
2. О каком новом типе политика писал Э. Бенеш?
3. Как Э. Бенеш предлагал обновить партийно-политическую систему?
4. Требования Э. Бенеша к «новой бюрократии»

Критика тоталитаризма

1. Как Ф. Хайек рассматривает проблему легитимности тоталитарного государства?
2. По каким линиям К. Поппер сопоставляет «открытое» и «закрытое» общества?
3. Каковы социальные, психологические и идеологические основы тоталитаризма, по Х. Арендт?
4. О каком «новом классе» в социалистических государствах писал М. Джилас?

Теории индустриального общества и конвергенции

1. Какие основополагающие принципы западных конституционно-плюралистических режимов выделяет Р. Арон?
2. Каковы особенности советской политической системы, по Р. Арону?

3. Как в концепции У. Ростоу соотносятся понятия «модернизация», «индустриальное общество», «стадии экономического роста»?

4. Дж. Гэлбрейт об экономических, социальных и политических аспектах конвергенции.

Критические концепции Райта Миллса и Герберта Маркузе

1. Р. Миллс о характерных признаках и путях формирования «властвующей элиты» в США.

2. Сравните анализ политической демократии у И. Шумпетера и Р. Миллса.

3. Что является философско-психологической основой политической концепции Г. Маркузе?

4. В чем суть его идеи «Великого отказа»?

Политические теории постиндустриального общества

А. 1. Д. Белл о трансформации социально-экономического и политического ландшафта постиндустриального общества.

2. Что понимает Ф. Фукуяма под «концом истории»? С чем связывает он прогресс в развитии демократии?

3. Как оценивает С. Хантингтон перспективы утверждения западной либеральной демократии во всем мире?

4. На каких принципах строится, по Э. Тоффлеру, политическая жизнь общества «третьей волны» («мозаичная» демократия)?

Б. 1. А. Турен о власти и человеке в информационном обществе.

2. К. Поппер и его программа «улучшения» современного западного «открытого общества».

3. В чем видит Дж. Сорос опасности для «открытого общества»?

4. Каковы пути «оздоровления» западной цивилизации, по Соросу?

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Веберианская и марксистская концепции бюрократии.
2. М. Вебер о плебисцитарной демократии.
3. «Железный закон олигархии» Р. Михельса и его интерпретации.
4. М. Вебер и Р. Михельс о политических партиях.
5. Концепция «правлящего класса» Г. Моски.
6. Фашистская доктрина государства.
7. И. Шумпетер о демократии и социализме.
8. Э. Мунье и Э. Бенеш о путях реформирования либеральной парламентской демократии.
9. Критика Ф. Хайеком теории и практики тоталитаризма.
10. Феномен тоталитаризма в научном наследии Х. Арендт.
11. Теория «нового класса» М. Джиласа.
12. Р. Арон о политических режимах в странах Запада и СССР.
13. Концепция «властвующей элиты» Р. Миллса.
14. Политические аспекты концепции «нового индустриального общества» Дж. Гэлбрейта.
15. Идеология «новых левых». Г. Маркузе.
16. Социально-политическая структура постиндустриального общества в трактовке Д. Белла.
17. Ф. Фукуяма и С. Хантингтон о перспективах развития либеральной демократии.
18. Проект «мозаичной демократии» Э. Тоффлера.
19. Критика современной западной цивилизации в работах А. Турена и Дж. Сороса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2. – М., 1997.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М., 1993.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1999.

Бенеш Э. Демократия сегодня и завтра // Вопросы истории. 1993. № 1, 3.

Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. – New-York, 1989.

Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.

Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Он же. Избранное. Образ общества. – М., 1994.

Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. – М., 1969.

Гитлер А. Моя борьба. – Т-ОКО, 1992.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М., 1992.

Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 1994.

Масловский М. В. Политическая социология бюрократии. – М., 1997.

Миллс Р. Властвующая элита. – М., 1959.

Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. М., 1990. № № 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 18; 1991, № 3.

Моска Г. Элементы политической науки // СОЦИС. 1994. № № 10, 12; 1995. № № 4, 5, 8.

Мунье Э. Персонализм. – М., 1992.

Муссолини Б. Диктатура фашизма // Антология мировой политической мысли. Т. 2. – М., 1997.

Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. I-II. – М., 1992.

Розенберг А. Миф XX столетия. – М., 1998.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. – М., 1999; он же. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М., 2001; он же. Шок будущего. – М., 2004; он же. Третья волна. – М., 2004.

Турен А. Возвращение человека действующего. – М., 1998.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. – М., 1995.

Хайек Ф. Дорога к рабству. – М., 1992.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003; он же. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М., 2003.

Шмитт К. Понятие политического // Новое время. 1992. № 45.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995.

2. Учебники и учебные пособия

Алексеева Т. А. Современные политические теории. – М., 2001.

Зарубежная политическая мысль: от античности до наших дней / Рук. авторского коллектива А. Г. Айрапетов. – Тамбов, 1994.

Рахимир П. Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. – Пермь, 2002.

История политических и правовых учений / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М., 2003.

3. Обязательная литература

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М., 1993.

Гаджиев К. С. Тоталитаризм, что это такое? – М., 1993; он же. Либерализм: история и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 6.

- Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рационализация. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. – М., 1991.
- Галкин А. А.* Германский фашизм. – М., 1989.
- Иноземцев В. Л.* За пределами экономического общества. – М., 1998.
- История социологии в Западной Европе и США. – М., 1993.
- Малинкин А. Н.* Теория политической элиты Р. Михельса // Социологический журнал. 1994. № 3.
- Самсонова Т. Н.* Концепция «правлящего класса» Г. Моски // СОЦИС. 1994. № 10.
- Современные зарубежные теории социального изменения и развития; вып. 2. Практопия Олвина Тоффлера. – М., 1993.
- Социально-политические воззрения И. Шумпетера. – М., 1989.

4. Дополнительная литература

- Артамошин С. В.* Идейные истоки национал-социализма. – Брянск, 2002.
- Баев В. Г.* Концепция права и политики Карла Шмитта // Человек в истории; вып. 4. – Тамбов, 2005.
- Белоусов Л. С.* Режим Муссолини и массы. – М., 2000.
- Владимиров А. В.* Итальянская школа политической социологии // СОЦИС. 1976. № 4.
- Коровин В. Ф.* Основные проблемы «новой социологии» Райта Миллса. – М., 1977.
- Майер Т.* Демократический социализм – социальная демократия. – М., 1993.
- Мушинский В. О. Х.* Арендт и ее главная книга // Свободная мысль. 1992. № 8.
- Никулин А. М.* Автобиографическая социология Чарльза Райта Миллса // Социологический журнал. 2003. № 4.
- Ожиганов Э. Н.* Политическая теория М. Вебера. – Рига, 1986.
- Россия и Германия. На пути к антитоталитарному согласию / Под ред. Л. Кюнхардта, А. Чубарьяна. – М., 2000.
- Современный либерализм. – М., 1998.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990

МОТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Социальное действие, подобно любому другому поведению, может быть: 1) *целерациональным*, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели; 2) *ценностно-рациональным*, основанным на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – *самодовлеющую* ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) *аффективным*, прежде всего *эмоциональным*, то есть обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида; 4) *традиционным*, то есть основанным на длительной привычке.

1. Чисто традиционное действие, подобно чисто реактивному подражанию..., находится на самой границе, а часто даже за пределом того, что может быть названо «осмысленно» ориентированным действием. Ведь часто это только автоматическая реакция на привычное раздражение в направлении некогда усвоенной установки. Большая часть привычного повседневного поведения людей близка данному типу, занимающему определенное место в систематизации поведения не только в качестве пограничного случая, но и потому, что верность привычке может быть здесь осознана различным образом и в различной степени...

2. Чисто аффективное действие также находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознанно ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычное раздражение. Если действие, обусловленное аффектом, находит свое выражение в *сознательной* эмоциональной разрядке, мы говорим о сублимации. В та-

ком случае этот тип уже почти всегда близок к «ценностной рационализации», или к целенаправленному поведению, или к тому и другому.

3. Ценностно-рациональная ориентация действия отличается от аффективного поведения осознанным определением своей направленности и *последовательно* планируемой ориентацией на нее. Общее их свойство заключается в том, что смысл для них состоит не в достижении (С. 628) какой-либо внешней цели, а в самом определенном по своему характеру поведении как таковом. Индивид действует под влиянием аффекта, если он стремится немедленно удовлетворить свою потребность в мести, наслаждении, преданности, блаженном созерцании или снять напряжение любых других аффектов, какими бы низменными или утонченными они ни были.

Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности «предмета» любого рода. Ценностно-рациональное действие (в рамках нашей терминологии) всегда подчинено «заповедям» или «требованиям», в повиновении которым видит свой долг данный индивид. Лишь в той мере, в какой человеческое действие ориентировано на них – что встречается достаточно редко и в очень различной, большей частью весьма незначительной степени, – можно говорить о ценностно-рациональном действии. Как станет ясно из дальнейшего изложения, значение последнего настолько серьезно, что позволяет выделить его в особый тип действия, хотя здесь и не делается попытка дать исчерпывающую в каком-либо смысле классификацию типов человеческого действия.

4. Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально *рассматривает* отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, *не* аффективно (прежде всего не эмоционально) и *не* традиционно. Выбор между конкурирующими и сталкивающимися

мися целями и следствиями может быть в свою очередь ориентирован *ценностно-рационально* – тогда поведение целерационально только по своим средствам. Индивид может также включить конкурирующие и сталкивающиеся цели – без ценностно-рациональной ориентации на «заповеди» и «требования» – просто как данные субъективные потребности в шкалу по степени их *сознательно* взвешенной необходимости, а затем ориентировать свое поведение таким образом, чтобы эти потребности по возможности удовлетворялись в установленном порядке (принцип «предельной полезности»). Ценностно-рациональная ориентация действия может, следовательно, находиться (С. 629) в различных отношениях с целерациональной ориентацией. С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда *иррациональна*, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она тем в меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий, тем безусловнее для нее *самодовлеющая ценность* поведения как такового (чистота убеждения, красота, абсолютное добро, абсолютное выполнение своего долга). Впрочем, абсолютная целерациональность действия тоже в сущности лишь пограничный случай.

5. Действие, особенно социальное, очень редко ориентировано *только* на тот *или* иной тип рациональности, и самая эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентации действия; они являют собой созданные для социологического исследования понятийно чистые типы, к которым в большей или меньшей степени приближается реальное поведение или – что встречается значительно чаще – из которых оно состоит. Для *нас* доказательством их целесообразности может служить только результат исследования (С. 630).

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990

Итак, «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение

власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает.

В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это «политический» вопрос, о министре или чиновнике: это «политический» чиновник, о некотором решении: оно «политически» обусловлено, – то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований *легитимности* (начнем с них). Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет *правов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного *дара* (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, – харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или – в области политического – избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство

в силу (С. 646) «легальности», в силу веры в обязательность легального *установления (Satzung)* и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил – господство в том виде, в каком его осуществляют современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обусловливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды – страха перед местью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение – и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана «легитимность» такой покорности, тогда, конечно, столкнешься с указанными тремя ее «чистыми» типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, чистые типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих чистых типов: это относится к проблемам «общего учения о государстве».

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто, подчиняется чисто личной «харизме» «вождя». Ибо здесь коренится мысль о *призвании (Beruf)* в его высшем выражении. Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам «вождь» живет своим делом, «жаждет свершить свой труд», если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой – избранного князя-военачальника, главаря банды,

кондотьера – вождизм как явление встречается (С. 647) во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является *политический* вождизм в образе сначала свободного «демагога», существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем – в образе парламентского «партийного вождя», выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе.

Конечно, главными фигурами в механизме политической борьбы не были одни только политики в силу их «призвания» в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род вспомогательных средств, которые находятся в их распоряжении. Как политически господствующие силы начинают утверждаться в своем государстве? Данный вопрос относится ко всякого рода господству, то есть и к политическому господству во всех его формах: к традиционному, равно как и к легальному, и к харизматическому.

Любое господство как предприятие (*Herrschaftsbetrieb*), требующее постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязающим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны, – посредством этого подчинения – в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия: личный штаб управления и вещественные (*sachlichen*) средства управления.

Штаб управления, представляющий во внешнем проявлении предприятие политического господства, как и всякое другое предприятие, прикован к властелину, конечно, не одним лишь представлением о легитимности, о котором только что шла речь. Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и социальным почетом (*Ehre*). Лены вассалов, доходные должности, наследственных чиновников, жалование современных государственных служащих, рыцарская честь (*Ritterehre*), сословные привилегии, престиж чиновников (*Beamtenehre*) образуют вознагра-

граждение, а страх потерять их последнюю решающую основу солидарности штаба управления с властелином (С. 648).

Прежде чем заняться рассмотрением таких «профессиональных политиков» более подробно, надо всесторонне и однозначно выяснить, что представляет собой их существование.

Можно заниматься «политикой» – то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них – как в качестве политика «по случаю», так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как и при экономическом ремесле. Политиками «по случаю» являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например, рукоплещем или протестуем на «политическом» собрании, произносим «политическую» речь и т. д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками «по совместительству» являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правления партийно-политических союзов, которые – по общему правилу – занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них *первоочередным* «делом жизни» ни в материальном, ни в идеальном отношении... (С. 652).

Преобразование политики в «предприятие», которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории, разделенные отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты (Fachbeamte), с другой – «политические» чиновники (С. 660).

...Предприятия берут в свои руки политики «по основной профессии», находящиеся вне парламентов. Либо это «предприниматели» – например, американский босс и английский «election agent» были, по существу, предпринимателями, – либо чиновник с постоянным окладом. Формально имеет место широкая демократизация. Уже не парламентская фракция создает основные программы и не уважаемые граждане занимаются выдвижением кандидатов на местах. Кандидатов предлагают соб-

рания организованных членов партии, избирающие делегатов на собрания более высокого уровня, причем таких уровней, завершающихся общим «партийным съездом», может быть много. Но фактически власть находится в руках тех, кто непрерывно ведет работу внутри [партийного] предприятия, или же тех, от кого его функционирование находится в финансовой или личной зависимости, например меценатов или руководителей могущественных клубов политических претендентов («Таммани-холл»). Главное здесь то, что весь этот человеческий аппарат – «машина» (как его примечательным образом называют в англосаксонских странах) – или, скорее, те, кто им руководит, в состоянии взять за горло парламентариев и в значительной мере навязать им свою волю. Данное обстоятельство имеет особое значение для отбора вождей партии. Вождем становится лишь тот, в том числе и через голову парламента, кому подчиняется машина. Иными словами, создание таких машин означает наступление плебисцитарной демократии.

Партийная свита, прежде всего партийный чиновник и предприниматель, конечно, ждут от победы своего вождя личного вознаграждения – постов или других преимуществ. От него – не от отдельных парламентариев или же не только от них; это главное. Прежде всего они рассчитывают, что демагогический эффект личности вождя обеспечит партии голоса и мандаты в предвыборной борьбе, а тем самым власть и благодаря ей в наибольшей степени расширит возможности получения ожидаемого вознаграждения для приверженцев партии. А труд с верой и личной самоотдачей человеку, не какой-то абстрактной программе какой-то партии, состоящей из посредственностей, является тут идеальным моментом – это «харизматический» элемент всякого вождизма, одна из его движущих сил (С. 675).

Моска Г. Правящий класс // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997

Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организмах, одно становится очевидно даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах (начиная со слабо развитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма (С. 118).

...Богатство создает политическую власть, точно так же, как политическая власть создает богатство. В обществе, достигшем определенной степени зрелости, где личная власть сдерживается властью общественной, власть имущие, как правило, богатые, а быть богатым – значит быть могущественным. И действительно, когда борьба с бронированным кулаком запрещена, в то время как борьба фунтов и пенсов разрешается, престижные посты неизменно достаются тем, кто лучше обеспечен денежными средствами.

Есть, безусловно, государства, достигшие высокого уровня цивилизации, основанные теоретически на таких моральных принципах, что, кажется, они препятствуют столь властной претензии со стороны богатства. Есть и множество других случаев, когда теоретические принципы могут лишь очень ограниченно применяться в реальной жизни. В Соединенных Штатах вся власть является прямым или косвенным результатом всеобщих выборов, и во всех штатах существует всеобщее избирательное право для всех мужчин и женщин. Более того, демократия не

только характеризует институты, но и влияет в определенной степени на мораль. Богачи чувствуют обычно определенную неприязнь к участию в общественной жизни, а бедняки испытывают неприязнь, выбирая богатых в выборные органы. Но это не мешает богачу быть более влиятельным по сравнению с бедняком, поскольку он может оказывать давление на политиков, контролирующих государственную администрацию. Это не мешает проводить выборы под звон долларов и не избавляет всю законодательную власть и значительное число конгрессменов от ощущения влияния мощных корпораций и крупных финансистов. [...] Во всех странах мира все прочие факторы, оказывающие социальное влияние, – личная известность, хорошее образование, специальная подготовка, высокий сан в церковной иерархии, общественное управление и армия – всегда доступнее богатым, чем бедным (С. 125).

...Все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически. Все политические силы обладают, видимо, качеством, которое в физике называют силой инерции. Они имеют тенденцию оставаться на том же месте в том же состоянии. Богатство и военная доблесть без труда поддерживаются в определенных семьях моральной традицией и наследованием. Годность для получения важного поста – привычка к нему в определенной степени способность занимать его вместе с вытекающими последствиями – все это гораздо проще достигается тем, кто привычен к этому с детства. Даже когда академические степени, научная подготовка, особые способности, выявленные в ходе проверки и конкурса, открывают доступ в государственные учреждения, тем самым отнюдь не является то особое преимущество для определенных индивидов, которое французы называют преимуществом *positions déjà prises* (уже занятого положения). Хотя экзамен и конкурс теоретически доступны для всех, на деле большинство не имеет ни средств для продолжительной подготовки, ни связей и титулов, которые быстро ставят индивида на правильную дорогу, помогают не двигаться на ощупь и избежать грубых ошибок, неизбежных в том

случае, если человек оказывается в неизвестном для него окружении без всякого руководства и поддержки.

Демократический принцип выборов, основанных на широких избирательных правах, может на первый взгляд находиться в противоречии с тенденцией к стабильности, которую, согласно нашей теории, проявляют правящие классы. Однако необходимо отметить, что кандидаты, добивающиеся успеха в демократических выборах, почти всегда те, кто обладает указанной выше политической силой, чаще всего наследственной. В английском, французском и итальянском парламентах часто можно видеть сыновей, внуков, братьев, племянников и зятёв настоящих и бывших членов парламента и депутатов (С. 128).

...Мы уже наблюдаем, что с изменением баланса политических сил, когда назревает необходимость проявления в государственном управлении новых черт, а старые способности отчасти утрачивают свою значимость или же происходят изменения в их распределении, меняется и способ формирования правящего класса. Если в обществе существует новый источник богатства, если возрастает практическая значимость знания, если находится в упадке старая или появилась новая религия, если распространяется новое идейное течение, тогда одновременно и в правящем классе происходят далеко идущие перемены. Кто-то действительно может сказать, что вся история цивилизованного человечества низводится до конфликта между стремлением доминирующих элементов монополизировать политическую власть и передать ее по наследству и стремлением расщепить старые силы и возвысить новые... Правящие классы неизбежно приходят в упадок, если перестают совершенствовать те способности, с помощью которых пришли к власти, когда не могут более выполнять привычные для них социальные функции, а их таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость (С. 131).

Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997

...Таким образом мы составим класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности, который мы назовем избранным классом, элитой (*élite*); подразумевается, что граница, отделяющая ее от остального населения, не является и не может являться точной, подобно тому как неточна граница между юностью и зрелым возрастом, что, однако, не означает, что бесполезно рассматривать эти различия.

Для исследования, которым мы занимаемся, – исследования социального равновесия – полезно также разделить этот класс на две части; выделим тех, кто прямо или косвенно играет заметную роль в управлении обществом и составляет правящую элиту; остальные образуют неуправляющую элиту.

...Итак, мы имеем две страты населения, а именно: 1) низшая страта, неэлита, относительно которой мы пока не выясняем, какую роль она может играть в управлении; 2) высшая страта, элита, делящаяся на две части: (а) правящая элита; (b) неуправляющая элита (С. 61).

...В прошлом и в правящей элите были также наследовавшие свое положение, сейчас таковыми являются лишь монархи; однако если наследование в прямом смысле исчезло, то оно все еще сохраняет свое значение косвенным образом. В ряде стран унаследовавший крупное состояние легко получает назначение сенатором или избирается депутатом, покупая избирателей и обольщая их, изображая себя, если это требуется, ярким демократом, социалистом, анархистом. Богатство, родственные связи, отношения играют роль также во многих других случаях и делают возможным получение этикетки о принадлежности к элите в целом или к правящей элите в частности тем, кто не должен был бы ее иметь (С. 62).

...Необходимо понять, каким образом смешиваются различные группы населения. Тот, кто из одной группы переходит в другую, приносит с собой, как правило, определенные склонности, чувства, предрасположенности, приобретенные в той

группе, из которой он происходит; и с этим обстоятельством следует считаться. Подобный феномен в том случае, когда рассматриваются только две группы – элита и неэлита, называется «циркуляция элит» (С. 63).

...Изменения остатков I и II (высшего и низшего. – А. А.) классов, происходящие в социальных стратах, очень важны для установления равновесия. С помощью простого наблюдения обнаружилось, что они происходят в особой форме, а именно в форме изменения чувств, называемых религиозными, в высшей страте: было замечено, что в одни времена они ослабевали, а в другие – росли и что эти волны соответствовали значительным социальным изменениям. Можно описать данный феномен более точным образом, отметив, что в высшей страте остатки (чувства, страсти, инстинкты, детерминирующие социальное поведение человека. – А. А.) II класса мало изменяются за один раз, до тех пор пока через определенные промежутки времени они не увеличиваются благодаря массовому пополнению из низшей страты (С. 64).

... В результате циркуляции элит правящая элита находится в состоянии постоянной и медленной трансформации, движется подобно реке; сегодня она уже не та, что была вчера. Время от времени происходят неожиданности и жестокие потрясения, подобные наводнениям; затем новая правящая элита вновь начинает постепенно меняться: река, вошедшая в свое русло, возобновляет обычный путь (С. 66).

Революции происходят, поскольку с замедлением циркуляции элиты или по какой-либо другой причине в высших стратах общества накапливаются деградировавшие элементы, которые более не обладают остатками, необходимыми для удержания власти, которые избегают применения силы, в то время как в низших стратах возрастает число элементов высшего качества, обладающих остатками, необходимыми для выполнения функции управления, и склонных к использованию силы.

Как правило, в революциях индивиды из низших страт возглавляются отдельными представителями высших страт, поскольку эти последние наделены интеллектуальными качества-

ми, полезными для руководства борьбой, и в то же время лишены остатков, которые как раз и несут с собой индивиды из низших страт (С. 67).

...Деятельность правительств тем более эффективна, чем лучше они умеют пользоваться существующими остатками; тем менее эффективна, чем меньше они знают о последних, и как правило, неэффективна и тщетна, когда они стремятся изменить остатки насильственным образом. Почти все рассуждения о причинах благоприятного или неблагоприятного результата определенных действий правительства основываются в конечном счете на этом принципе (С. 69).

Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997

Социологические явления, отмеченные нами в общих чертах в предыдущих главах, предоставляют, таким образом, научным противникам демократии предостаточное число аргументов. Они, кажется, ясно указывают на невозможность существования цивилизованного человечества без «господствующего», или политического, класса, обнаруживая признаки, свидетельствующие, что [...] господствующий класс, если даже по своему составу и подвержен частым или частичным переменам, представляет собой единственный фактор, имеющий непреходящее значение во всемирной истории. Правительство, или в ином случае государство, может быть, таким образом, всегда лишь организацией меньшинства, стремящегося навязать остальной части общества «правовой порядок», порожденный отношениями господства и эксплуатации [...] и никогда не может быть порождением большинства, не говоря уж о том, чтобы быть его представителем. Большинство человечества никогда, видимо, не будет способно к самоуправлению. Даже в том случае, если когда-либо недовольным массам удастся лишить господствующий класс его власти, то [...] в среде самих масс с необходимостью

появится новое организованное меньшинство, которое возьмет на себя функции господствующего класса... (С. 189).

Формула о необходимости смены одного господствующего слоя другим и вытекающий отсюда закон олигархии как предустановленной формы человеческого общежития в больших союзах ни в коей мере не опровергают материалистическое понимание истории, не подменяют его, а только дополняют. Не существует противоречия между учением, согласно которому история состоит из непрерывного ряда классовых битв, и тем учением, по которому классовая борьба приводит к созданию новой олигархии, переплетающейся со старой. Марксистское понимание политического класса неуязвимо. Последний всегда является результатом соотношения сил, борющихся в обществе за свое самовыражение. [...]

Партия не является ни социальным, ни экономическим образованием. Основой ее деятельности является программа. Теоретически выразить интересы определенного класса она, конечно, может. Но практически вступление в партию никому не заказано, независимо от того, совпадают ли его личные интересы с положениями программы или нет. Так, например, социал-демократия является идейной представительницей пролетариата, но из-за этого вовсе не классовым организмом, а, напротив, в социальном отношении скорее классовой смесью. Ибо состоит она из элементов, выполняющих в экономическом процессе вовсе не одинаковые функции. Классовое происхождение программы обуславливает между тем мнимое классовое единство. При этом все исходят из допущения (правда, не произносимого вслух), будто элементы в партии, не принадлежащие классу, приносят в жертву свои собственные интересы, противоречащие интересам тех, кто к классу принадлежит. Будто они подчиняются «идее» чуждого им класса по принципиальным мотивам. (С. 190).

Будто все социалисты теоретически без всяких различий, невзирая на их экономическое положение в частной жизни, признают абсолютное превосходство позиции определенного большого класса. Будто пролетарские и не чисто пролетарские элементы, находящиеся в нем, «учитывают историческую точку

зрения рабочего класса, признают его в качестве ведущего класса». Так обстоит дело в теории.

На практике же большое несовпадение в интересах между трудом и капиталом не может быть устранено принятием какой-либо программы. Некоторые из немногочисленных представителей высших слоев общества, перешедших на сторону политической организации рабочего класса, будут ему преданы, но они «деклассируются». Большинство из них экономически по-прежнему будет иметь противоположные интересы, независимо от внешней идейной общности с пролетариатом. Иными словами, налицо противостояние интересов. Но в балансе интересов решающим является отношение, в котором представители непролетарских слоев находятся к наипервейшим потребностям жизни... (С. 191).

Вожди, как правило, невысоко ставят массы (хотя среди них находятся и такие, кто восторгается массами и платит им за оказанное себе уважение сторицей) (С. 193). Но все-таки в большинстве случаев эта любовь не взаимна, и прежде всего потому, что в течение срока своего правления у вождя была возможность в непосредственной близости познакомиться с нищетой масс...

Фактически различия в уровне образования и компетенции, существующие среди членов партии, проявляются и при распределении обязанностей. Вожди делают ставку на безмолвие масс, когда устраняют их от дел. У них складывается мнение: партия не может быть заинтересована в том, чтобы меньшинство ее членов, наблюдающих и размышляющих за развитием ее жизни, зависело от большинства тех, у которых еще нет собственного мнения по определенным вопросам. Поэтому вожди выступают противниками референдума или не применяют его в партийной жизни. Чтобы выбрать подходящий момент для действий, надо иметь кругозор, которым обладают всего лишь немногие представители массы, в то время как большинство подчиняется сиюминутным впечатлениям и эмоциям. Ограниченный корпус чиновников и доверенных лиц, совещающихся на закрытом заседании (где они не испытывают влияния пристрастных газетных отчетов и где каждый может говорить без опа-

сения внести сумятицу в лагерь противника), являясь коллегиальным, может рассчитывать на объективное суждение о себе. Для замены прямых выборов в партии косвенными кроме политических причин ссылаются и на сложное строение партийной организации. В отношении же гораздо более сложного государственного устройства в качестве программного пункта выдвигается требование прямого законодательства народа на основе права внесения предложений и наложения вето.

Противоречие, заключенное в столь различном понимании сходных сторон партийной и государственной политики, пронизывает всю партийную жизнь.

Фактическое превосходство рабочих вождей над руководимыми ими массами и твердая воля не идти у них на поводу, а даже, наоборот, иногда отказывать им в послушании признаются порой самими вождями с откровенностью, граничащей с цинизмом... (С. 194).

Одновременно с образованием вождизма, обусловленного длительными сроками занятия постов, начинается его оформление в касту. Где ему не препятствуют явно выраженный индивидуализм и фанатичный политический догматизм, как во Франции, там старые вожди противостоят массам компактными группами, по крайней мере, до тех пор, пока массы не доходят до серьезного протеста и не угрожают их господству. Процедура делегирования регулируется вождями порой путем особых приглашений, в результате которых массы фактически отстраняются от всяких форм соучастия в принятии решений...

Нет никаких признаков того, что эта обнаруживаемая на практике власть олигархии в партийной жизни в ближайшей перспективе будет подорвана. Независимость вождей усиливается по мере их незаменимости. Влияние, которое они оказывают, и экономическая безопасность их положения все более привлекательно действуют на массы и возбуждают честолюбие самых одаренных для вступления в привилегированную бюрократию рабочего движения. А она из-за этого становится все более неспособной к тому, чтобы направить возможную скрытую оппозицию против старых вождей, опираясь на новые силы. [...]

Массы время от времени могут выступить и с сознательным протестом, но их энергия всегда укрощается вождями. Только политика господствующих классов, хватающих во внезапном ослеплении через край, способна выдвинуть партийные массы на сцену истории в качестве активных действующих лиц, свергающих власть партийной олигархии...(С. 195).

Муссолини Б. Доктрина фашизма // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997

...Фашизм противостоит всем индивидуалистическим абстракциям, основанным на материализме XVIII в. И он противостоит всем якобинским утопиям и нововведениям. Он не верит в возможность «счастья» на земле, как это было характерно для экономической литературы XVIII в., и, следовательно, он отвергает телеологическое понимание, согласно которому когда-нибудь в будущем человеческая семья получит, наконец, решение всех своих проблем. Такое понимание противоречит опыту, который учит, что жизнь – это непрерывное движение и постоянный процесс эволюции. В политике фашизм придерживается реализма, на практике он стремится иметь дело лишь с теми проблемами, которые представляют собой непосредственный продукт исторических состояний и которые находят или предлагают свои собственные решения...

Антииндивидуалистическая фашистская концепция жизни подчеркивает значение Государства и принимает индивидуальное лишь настолько, насколько его интересы совпадают с интересами Государства, которое олицетворяет совесть и универсальную волю человека как исторической сущности. Она противостоит классическому либерализму, возникшему как реакция на абсолютизм и исчерпавшему свою историческую функцию, когда Государство стало выразителем совести и воли народа. Либерализм отрицал Государство во имя индивида; фашизм подчеркивает права Государства как выразителя настоящей сущности индивида. И если свобода должна быть атрибутом живущего человека, а не абстрактной функцией, выдуманной

индивидуалистическим либерализмом, то фашизм выступает за свободу, за единственную свободу, имеющую ценность, – свободу Государства и индивида в Государстве. Фашистская концепция Государства всеобъемлюща; вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей, либо они имеют ценность значительно меньшую. Понимаемый таким образом фашизм тоталитарен, и фашистское Государство – синтез и объединение, включающее в себя все ценности, – объясняет, развивает и придает силу всей жизни народа.

Вне Государства нет индивидов или групп (политических партий, культурных объединений, экономических (С. 237) союзов, социальных классов). Поэтому фашизм противоположен социализму, которому неизвестно единство внутри Государства, сливающего классы в единую экономическую и этическую реальность, и который не видит в истории ничего, кроме классово-вой борьбы. Фашизм противоположен и тред-юнионизму как классовому оружию. Но, будучи вовлеченным в орбиту Государства, фашизм видит реальные потребности, которые дали начало социализму и тред-юнионизму и которые заняли должное место в объединенной или корпоративной системе, где противоположные интересы координируются и гармонизируются в единстве Государства.

Индивиды образуют классы в соответствии с определенными интересами. Они образуют профсоюзы на основе известной экономической деятельности; но в первую очередь они образуют Государство, которое является не просто некоей группой, суммой индивидов, составляющих большинство. Следовательно, фашизм противоположен той форме демократии, которая отождествляет нацию с большинством, сводя ее до уровня наибольшего числа; но настоящей демократией является такой строй, при котором нация рассматривается с точки зрения качества, а не количества, и как идея она наиболее сильна, поскольку наиболее этична, наиболее последовательна, наиболее правдива и выражает себя в людях, причем в сознании и воле немногих, если не вообще одного, и стремится выразить себя в сознании и воле масс, целостной группы, этнически сформированной

под влиянием природных и исторических условий в нацию, двигающуюся по тому же самому пути развития и духовного становления. Не раса, не географический регион, а народ, исторически увековечивающий себя, масса, сплоченная идеей и вдохновленная волей к жизни, волей к власти, к самосознанию себя как личности.

Будучи воплощенной в Государстве, эта высшая личность становится нацией. Это не та нация, которая образует Государство; это древняя натуралистическая теория, лежавшая в основе рекламы в XIX в. и служившая национальным правительствам. Напротив, это Государство, создающее нацию, дарующее волю и, следовательно, настоящую жизнь людям, осознавшим свое нравственное единство (С. 238).

...Нация, выраженная в Государстве, является живым, этическим бытием лишь настолько, насколько она прогрессивна. Бездеятельность есть смерть. Таким образом, Государство – не только авторитет, который управляет и придает законную форму и духовную ценность индивидуальным волям, но и власть, которая делает их волю осязаемой и уважаемой за пределами своих собственных границ, оказывая тем самым практическое содействие универсальному характеру решений, необходимых для обеспечения их развития. Это подразумевает организацию и расширение, если не сразу, то потенциально. Таким образом, Государство отождествляет себя с волей человека, развитие которой не может быть остановлено препятствиями и которая путем достижения самовыражения демонстрирует свою собственную безграничность.

Фашистское Государство как высшее и наиболее могучее выражение личности является силой, но силой духовной. Оно суммирует все проявления нравственной и интеллектуальной жизни человека. Его функции, следовательно, не могут ограничиваться лишь поддержанием порядка и сохранением мира, как это представлено в учении либерализма. Это не просто механическое устройство для определения области, внутри которой индивид может соответствующим образом реализовывать свои права. Фашистское Государство – внутренне принятый стандарт

и правило поведения, дисциплина человека как целого; оно пронизывает волю не в меньшей степени, чем интеллект. Оно стоит за принцип, ставший центральным мотивом человека как члена цивилизованного общества, глубоко погружающегося в свою личность; оно живет в сердце человека мысли и человека действия, артиста и ученого: душа души (С. 239).

...Такая концепция жизни делает фашизм полной противоположностью учению, основывающемуся на так называемом научном и марксистском социализме, материалистической концепции истории, согласно которой история человеческой цивилизации может быть объяснена просто через конфликт интересов различных социальных групп, а также изменением и развитием средств и орудий производства. То, что изменения в сфере экономики – новые открытия в области сырьевых материалов, новые методы их обработки и научные достижения – имеют огромное значение, отрицать невозможно; но то, что этих факторов достаточно для объяснения истории человечества, а остальными можно пренебречь, – абсурдная иллюзия. Фашизм всегда верил и верит сейчас в святость и героизм, т. е. в действия, не испытывающие прямого или косвенного влияния экономики, и если отбросить экономическую концепцию истории, в соответствии с которой люди есть не что иное, как марионетки, болтающиеся взад и вперед на волнах случайности, тогда как настоящие руководящие силы не контролируются ими, то следует отказаться и от существования неизменной и неоспоримой классовой войны – естественного наследия экономической концепции истории. И в конце концов фашизм отрицает, что классовая борьба может быть преобладающей (С. 243) силой в трансформации общества. Эти две фундаментальные концепции социализма, будучи таким образом опровергнутыми, не содержат в себе ничего «левого», а лишь сентиментальные вздохи – столь же древние, сколь и само человечество – об общественном договоре, который должен облегчить страдания и горести покоренных. И вновь здесь фашизм отвергает концепцию «экономического» счастья, которую призван реализовать социализм и, соответственно, в данный момент экономической эволюции гаран-

тировать каждому максимальное благосостояние. Фашизм отвергает материалистическую концепцию счастья, оставляя таковую ее собственным изобретателям – экономистам первой половины девятнадцатого века; иначе говоря, фашизм отвергает ценность тождества «благосостояние = счастье», которое может свести человека до уровня животного, стремящегося к одному – быть жирным и хорошо накормленным, – и тем самым человечество может деградировать до простого физического существования.

После социализма фашизм обрушивается на всю систему демократической идеологии и отвергает как ее теоретические предпосылки, так и практическое применение. Фашизм отрицает, что большинство может направлять человеческое общество одним лишь фактом своего большинства: отрицает, что множество может управлять путем периодической консультации, и утверждает неизменно полезное и плодотворное неравенство людей, которое не может быть до конца выравнено путем такой простой механической операции, как всеобщее избирательное право. Демократический режим можно определить как иллюзию суверенитета, время от времени даруемую людям, тогда как реальная действующая власть находится в руках других, скрытых и не несущих ответственности, сил (С. 244).

Основание фашизма – концепция Государства, его характер, его долг, его цель. Фашизм рассматривает Государство как абсолют, в сравнении с которым все индивиды или группы относительны и должны рассматриваться только по отношению к Государству. Концепция либерального Государства не является концепцией ведущей силы, направляющей игру и развитие (как материальное, так и духовное) коллективного тела, а лишь силы, ограниченной функцией фиксирования результатов. Фашистское Государство, напротив, обладает своим сознанием и имеет свою волю и индивидуальность – это может быть названо этикой Государства (С. 248).

...Фашизму нужно Государство, которое будет сильным и органичным целым и в то же время основывающимся на широкой народной поддержке. Фашистское Государство включает в себя даже экономическую деятельность нации, и через создан-

ные им корпоративные общественные и образовательные институты его влияние достигает всех явлений национальной жизни и включает в себя (в рамках соответствующих организаций) все политические, экономические и духовные силы нации. Государство, основывающееся на поддержке миллионов, признающих его власть, постоянно сознающих его силу и готовых всегда служить ему, не является старым тираническим государством средневекового господина и не имеет ничего общего с абсолютистскими правительствами до и после 1789 г. Индивидуальность в фашистском Государстве не уничтожается, а скорее умножается, так же как солдат в полку не ослабляется, а усиливается числом своих сотоварищей. Фашистское Государство организует нацию, но оставляет достаточное поле свободы для индивида; последнее лишает свободу всей ее бесполезности и, возможно, вреда, но оставляет то, что является существенным; решающей силой в этом вопросе может быть не индивид, а лишь Государство (С. 250).

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997

Другими словами, будем считать, что роль народа состоит в создании правительства или посреднического органа, который в свою очередь формирует национальный исполнительный орган или правительство. Итак, определим: демократический метод — это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей...(С. 222).

Если признание лидерства является истинной функцией голосования избирателей, доводы в пользу пропорционального представительства рушатся, поскольку его предпосылки более не действуют. Принцип демократии в таком случае означает просто, что бразды правления должны быть переданы тем, кто имеет поддержку большую, чем другие конкурирующие индивиды или группы. В свою очередь, это гарантирует статус сис-

темы большинства в рамках логики демократического метода, хотя мы можем ее критиковать с точки зрения, выходящей за пределы этой логики... (С. 226).

Никакое лидерство не является абсолютным. Политическое лидерство, которое проявляется в рамках демократического метода, еще менее абсолютно из-за элемента конкуренции, который является сутью демократии... (С. 229).

Их (избирателей.— А. А.) выбор — идеологически возданный в ранг «воли народа» — не вытекает из их инициативы, но формируется, и его формирование — важнейшая часть демократического процесса. Избиратели не принимают политических решений. Но нельзя сказать, что они непредвзято выбирают членов парламента из числа людей, имеющих право быть избранными. Во всех нормальных случаях (С. 231) инициатива принадлежит кандидату, который борется за пост члена парламента и лидерство на местном уровне, которое предполагает этот пост. Избиратели ограничиваются тем, что поддерживают эту попытку, отдавая ему предпочтение, или отказываются ее поддержать. Даже те исключительные случаи, когда кандидата *действительно* выдвигают сами избиратели, попадают в ту же категорию в силу одной из двух следующих причин. Во-первых, если кандидат уже осуществляет лидерство, ему уже не нужно за него бороться. Во-вторых, может случиться так, что местный лидер, который имеет возможность контролировать или влиять на голосование, не может или не хочет сам участвовать в выборах и назначает другого человека, который, как кажется, был избран по инициативе избирателей.

Но если инициатива избирателей, большей частью состоящая лишь в принятии одного из конкурирующих кандидатов, еще более ограничена существованием партий? Партия вопреки классической доктрине (или Эдмунду Бёрку) — это не группа людей, которая намеревается заботиться о благосостоянии народа, «исходя из некоторого принципа, по которому все ее члены пришли к согласию». Такая рационализация соблазнительна и именно поэтому опасна. Конечно, в определенное время все партии формулируют свои принципы или программы; эти прин-

ципы и программы характерны для партии, которая принимает их на вооружение как виды товаров, которые продаются в универмаге, характерны для него и важны для его успеха. Но как универмаг нельзя определить через товары, так партию нельзя определить через ее принципы. Партия – это такая группа, члены которой предполагают действовать сообща в конкурентной борьбе за политическую власть. Если бы это было не так, то различные партии не могли бы иметь почти совершенно одинаковые программы. Тем не менее, как всем известно, такое случается. Существование партий и политиков свидетельствует о том, что массы избирателей не способны на какие-либо другие действия, кроме паники. Они регулируют политическую конкуренцию точно так же, как это делают профессиональные ассоциации. Психотехника управления партией, ее рекламная кампания, лозунги и марши – это все не украшения. Это и есть суть политики. Так же как и политический лидер.

Мунье Э. Персонализм. М., 1992

Государство. Демократия. Очерк персоналистской теории власти. Политика не является конечной целью, поглощающей все другие. Тем не менее если политика далеко не все, то она присутствует во всем.

Ее первой задачей должно стать определение роли государства. Государство, повторяем мы, это не объединение по национальному признаку, ни даже необходимое условие для нормального существования нации. Одни лишь фашисты идентифицируют себя с государством. Государство – это концентрированная объективация права, которая спонтанно рождается из жизни организованных групп (Ж. Гурвич). Право же является институциональным гарантом личности. Государство служит личности, а не личность государству. Для персонализма важнейшим является вопрос о законности власти человека над человеком, что на первый взгляд, кажется, противоречит идее о межличностных отношениях. Именно так считают анархисты. Для них достаточно свободного самоутверждения индивида, чтобы в

коллективе спонтанно воцарился порядок. Власть же, какова бы ни была ее структура, напротив, несет собой разложение и угнетение. Тезисы либералов мало чем отличаются от этого. Сторонники абсолютной власти считают, что (С. 130) человек – неизлечимый эгоист и не в состоянии добровольно подчиниться закону, что ему его надо навязать принудительным образом.

Итак, на одной стороне оптимистическое видение личности и пессимистическая трактовка власти, на другой – пессимизм в отношении личности и оптимизм в отношении власти. Что касается отношения личности и коллектива, то обе стороны идеализируют это отношение, выделяя один аспект и игнорируя другой. Анархизм и либерализм забывают, что личности всецело принадлежат природе и что, принуждая вещи, нельзя не принуждать и людей. Однако, если принуждение делает власть неизбежной, оно тем не менее не является ее основанием. Основанием власти может быть только конечная судьба личности, а потому власть должна уважать личность и содействовать ее движению вперед. Из этого вытекает множество следствий.

Прежде всего, личность должна быть защищена от злоупотреблений власти, поскольку всякая неконтролируемая власть чревата ими. Такого рода защита требует закрепления общественного статуса личности и конституционного ограничения власти государства, иными словами, создания равновесия между центральной властью и местными властями, организации защиты граждан от посягательств государства, *habeas corpus*, ограничения власти полиции, независимости судебной власти.

Если личности не избежать подчинения, то она должна все-таки сохранить свой суверенитет как субъект. И это максимально ослабит неминуемое отчуждение. Это проблема *демократии*. Слово «демократия» заключает в себе много смыслов. Оно обозначает и форму правления, и режим, обеспечивающий массам людей независимое существование. В действительности оно говорит о поиске такой формы правления, которая сочетается с волеизъявлением масс, что обеспечивает субъекту реальное участие в управлении. Но если верх берет что-то одно, мы имеем в одном случае «перманентную демократию», в другом – перма-

нентное господство (С. 131) тоталитарного государства, что в равной мере является отклонением от нормы в сторону тирании.

...Инициатива народа проявляется здесь двояким образом. Косвенным образом – через максимально подлинное, целостное и эффективное представительство воли граждан: при этом предполагается особая забота об их политическом образовании. Длительное время эта функция обеспечивалась партиями, но когда они, погрязнув в конформизме и впав в идеологический склероз, превращаются в некий механизм по обезличиванию своих приверженцев и избирателей, отдающих за них голоса, они сами лишают себя этих полномочий. Принадлежащие либеральному этапу в развитии демократии, которому свойственны метания между идеологией и тактикой различных социальных классов, партии, от имени которых они так или иначе выступают, по видимому, изживают себя. Устав партии может служить лекарством от этих бед, но этого явно недостаточно. В новых социальных условиях демократия должна заботиться не о создании одной господствующей партии, лишь усиливающей собственные пороки и ведущей к формированию полицейского государства, а о новых структурах воспитания и политической деятельности, соответствующих новому общественному порядку (С. 132).

...Когда представительство извращает свою миссию, суверенитет народа осуществляется посредством прямого давления на власть: манифестации, митинги, забастовки, бойкот и, как крайняя мера, национальное восстание. Государство, рожденное силой и забывающее о своем происхождении, считает эти формы давления незаконными, однако когда оно потворствует несправедливости и угнетению, оно объявляет их глубоко законными. Нельзя забывать, что в течение последних полутора столетий (вспомним о рождении рабочего законодательства) давлением на власть было добыто больше прав, чем всеми инициативами юристов и доброй волей власть имущих.

...Права, которые дает гражданам либеральное государство, в значительной мере отчуждаются от них в социально-экономическом плане. Парламентское государство почти что изжило себя. Его механизм работает вхолостую, парламентские

речи лишь сеют ветер в ожидании грядущей бури. Политическая демократия должна быть полностью реорганизована на основе действительной экономической демократии, соответствующей современной организации производства (С. 133).

Поппер К. Открытое общество и его враги // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997

...Это понимание (марксистская концепция государства. — А. А.) носит институционалистский характер в той мере, в какой Маркс пытался установить, какие практические функции выполняют правовые институты в жизни общества. Однако оно является и эссенциалистским, поскольку Маркс вообще не исследовал разнообразия целей, которые он сам считал желательными. Вместо выдвижения требований или предложений-проектов (С. 467) по поводу функций, которые, по его ожиданиям, должны выполнять государство, правовые институты и правительство, Маркс спрашивал: «Что такое государство?» Иначе говоря, он пытался раскрыть сущностную функцию правовых институтов. Ранее было уже показано, что на такой типично эссенциалистский вопрос нельзя ответить удовлетворительным образом. И тем не менее этот вопрос, без сомнения, хорошо согласуется с предложенным Марксом эссенциалистским и метафизическим подходом, в соответствии с которым область идей и норм интерпретируется как проявление экономической реальности.

Каковы же следствия такой теории государства? Наиболее важным следствием является то, что вся политика, все правовые и политические институты, равно как и вся политическая борьба, не имеют первостепенного значения в жизни общества. Политика на самом деле бессильна. Она никогда не может коренным образом изменить экономическую реальность. Главная, если не единственная, задача любой просвещенной политической деятельности состоит в наблюдении за тем, чтобы изменения в юридическо-политической сфере шли в ногу с изменениями в социальной реальности, т. е. в средствах производства и отношениях между классами. Поэтому тех трудностей, которые

должны возникнуть, если политика плетется позади реальных экономических событий, согласно Марксу, можно избежать. Говоря другими словами, политическая деятельность либо носит поверхностный характер, она не обусловлена более глубокой реальностью социальной системы и в этом случае обречена на легковесность и никогда сможет оказать угнетенным и эксплуатируемым реальную помощь, либо она выражает изменения в экономическом базисе и классовой ситуации и в этом случае приобретает характер извержения вулкана, настоящей революции. Такую революцию можно предвидеть, поскольку она возникает из социальной системы, и первоначальную жестокость позже можно смягчить, если не сопротивляться ее вулканической мощи, но революцию нельзя ни вызвать, ни подавить политическим действием (С. 468).

Позиция, к которой мы пришли в результате нашего анализа, означает прямо противоположный взгляд на вещи. Согласно такой оппозиции, политическая власть имеет фундаментальный характер. Политическая власть с этой точки зрения может контролировать экономическую мощь. Это приводит к громадному расширению области политической деятельности (С. 471).

Таким образом, марксистский взгляд аналогичен либеральному убеждению, что все, в чем мы нуждаемся, – это «равенство возможностей». Мы безусловно нуждаемся в таком равенстве, хотя оно и не защищает тех, кто менее одарен, менее безжалостен или менее удачлив, от превращения в объекты эксплуатации со стороны тех, кто более одарен, более безжалостен или более удачлив.

Опираясь на то, что нам удалось осознать в ходе нашего анализа, мы теперь можем сказать: то, что марксисты пренебрежительно именуют «чисто формальной свободой» на самом деле есть базис всех остальных сторон социальной системы. Эта «чисто формальная свобода», т. е. демократия или право народа оценивать и отстранять свое правительство, представляет собой единственный известный нам механизм, с помощью которого мы можем пытаться защитить себя против злоупотребления политической силой. Демократия – это контроль за правителями

со стороны управляемых. И поскольку, как мы установили, политическая власть может и должна контролировать экономическую власть, политическая демократия оказывается единственным средством контроля за экономической властью со стороны управляемых. При отсутствии демократического контроля у правительства не будет ни малейшей причины, почему бы ему не использовать свою политическую и экономическую власть в целях, весьма далеких от защиты свободы своих граждан.

[...] Марксисты действительно просмотрели фундаментальную роль «формальной свободы». Они считают, что формальной демократии недостаточно, и хотели бы дополнить ее тем, что они обычно называют экономической демократией. Это двусмысленная и совершенно пустая фраза которая затемняет тот факт, что «чисто формальная свобода» является единственной гарантией демократической экономической политики (С. 472).

[...] Конечно, на практике марксисты никогда полностью не полагались на доктрину бессилия политической власти. В той мере, в какой они имели возможность действовать или планировать свою деятельность, они обычно, подобно всем остальным, предполагали, что политическую власть можно использовать для контроля за экономической властью. Однако их планы и действия никогда не основывались ни на явном отказе от их первоначальной теории бессилия политической власти, ни на каком-то тщательно разработанном взгляде на самую фундаментальную проблему всякой политики, а именно проблему контроля за контролерами, за опасной концентрацией власти в государстве. Марксисты так и не осознали всего значения демократии как единственного хорошо известного средства осуществления такого контроля. Как следствие, марксисты не смогли понять опасности, тающей в политике, ведущей к возрастанию власти (С. 473) государства. Более или менее бессознательно отказавшись от доктрины бессилия политики, они сохранили взгляд, согласно которому проблема государственной власти не является важной. Власть плоха, по их мнению, только потому, что находится в руках буржуазии. Оставаясь приверженцами своей формулы диктатуры пролетариата, марксисты так и не

поняли, что всякая власть – политическая не в меньшей мере, чем экономическая, – опасна. Действительно, марксисты не смогли осознать принципа [...], согласно которому всякая широкомасштабная политика должна быть институциональной, а не личностной. И когда они шумно требуют расширения полномочий государственной власти (в противоположность Марксову взгляду на государство), они не принимают во внимание то, что дурные личности могут завладеть этой более широкой властью. Отчасти именно это является причиной, по которой – как только марксисты все же приступали к рассмотрению вопроса о вмешательстве государства – они планировали предоставить государству практически беспредельную власть в области экономики. Они сохранили Марксово холистское и утопическое убеждение, согласно которому только совершенно новая «социальная система» может улучшить существующее положение вещей.

Я дал критику этого утопического и романтического подхода к социальной инженерии [...], но хочу добавить, что экономическое вмешательство, даже предлагаемые нами постепенные, поэтапные методы социальной инженерии могут привести к бесконтрольному возрастанию власти государства. Интервенционизм, следовательно, крайне опасен. Это, конечно, не является решающим аргументом против него, поскольку государственная власть всегда была и останется опасным, но неизбежным злом (С. 474).

Высказанные соображения возвращают нас к нашему призыву к постепенным, поэтапным методам социальной инженерии в противоположность утопическим или холистским методам, а также к нашему требованию, согласно которому следует планировать меры для борьбы против конкретного зла, а не для установления некоторого идеального добра. Государственное вмешательство должно быть ограничено в той степени, которая в действительности необходима для защиты свободы (С. 475).

Хайек Ф. Дорога к рабству // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997

... Мы до сих пор не хотим видеть, что расцвет фашизма и нацизма был не реакцией на социалистические тенденции предшествовавшего периода, а неизбежным продолжением и развитием этих тенденций. Многие не желают признавать этого факта даже после того, как сходство худших проявлений режимов в коммунистической России и фашистской Германии выявилося со всей отчетливостью (С. 417).

...Объективных факторов, делающих движение к социализму неизбежным, не было и нет. (Мы еще коснемся ниже мифа о «неизбежности» планирования.) Главный вопрос – куда приведет нас это движение.

...На протяжении двадцати пяти лет, пока призрак тоталитаризма не превратился в реальную угрозу, мы неуклонно удалялись от фундаментальных идей, на которых было построено здание европейской цивилизации. Путь развития, на который мы ступили с самыми радужными надеждами, привел нас прямо к ужасам тоталитаризма (С. 418).

...Сама природа принципов либерализма не позволяет превратить его в догматическую систему. Здесь нет (С. 420) однозначных, раз и навсегда установленных норм и правил. Основополагающий принцип заключается в том, что, организуя ту или иную область жизнедеятельности, мы должны максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению.

...Итак, социализм вытеснил либерализм и стал доктриной, которой придерживаются сегодня большинство прогрессивных деятелей. Но это произошло не потому, что были забыты предостережения великих либеральных мыслителей о последствиях коллективизма, а потому, что людей удалось убедить, что последствия будут прямо противоположными (С. 421).

...Обещание свободы стало, несомненно, одним из сильнейших орудий социалистической пропаганды, посеявшей в

людях уверенность, что социализм принесет освобождение. Тем более жестокой будет трагедия, если окажется, что обещанный нам Путь к Свободе есть в действительности Столбовая Дорога к Рабству. Именно обещание свободы не дает увидеть непримимого противоречия между фундаментальными принципами социализма и либерализма. Именно оно заставляет все большее число либералов переходить на стезю социализма и нередко позволяет социалистам присваивать себе само название старой партии свободы. В результате большая часть интеллигенции приняла социализм, так как увидела в нем продолжение либеральной традиции. Сама мысль о том, что социализм ведет к несвободе, кажется им поэтому абсурдной (С. 422).

...Для тех, кто наблюдал за эволюцией от социализма к фашизму с близкого расстояния, связь двух этих доктрин проявлялась со все большей отчетливостью. И только в демократических странах большинство людей по-прежнему считают, что можно соединить социализм и свободу. Я не сомневаюсь, что наши социалисты все чаще исповедуют либеральные идеалы и готовы будут отказаться от своих взглядов, если увидят, что осуществление их программы равносильно потере свободы. Но проблема пока сознается очень поверхностно. Многие несовместимые идеалы каким-то образом легко сосуществуют в сознании, и мы до сих пор слышим, как всерьез обсуждаются заведомо бессмысленные понятия, такие, как «индивидуалистический социализм» (С. 423).

...Демократическое устройство требует, чтобы сознательный контроль осуществлялся только там, где достигнуто подлинное согласие, в остальном мы вынуждены полагаться на волю случая – такова плата за демократию. Но в обществе, построенном на центральном планировании, такой контроль нельзя поставить в зависимость от того, найдется ли большинство, готовое за него проголосовать. В таком обществе меньшинство будет навязывать народу свою волю, потому что меньшинство окажется самой многочисленной группой в обществе, способной достичь единодушия по каждому вопросу. Демократические правительства успешно функционировали там, где их деятель-

ность ограничивалась в соответствии с господствующими убеждениями теми областями общественной жизни, в которых мнение большинства проявлялось в процессе свободной дискуссии. Великое (С. 425) достоинство либерального мировоззрения состоит в том, что оно свело весь ряд вопросов, требующих единодушного решения, к одному, по которому уж наверняка можно было достигнуть согласия в обществе свободных людей. Теперь часто слышишь, что демократия не терпит капитализма. Если «капитализм» значит существование системы свободной конкуренции, основанной на свободном владении частной собственностью, то следует хорошо уяснить, что именно и только внутри подобной системы и возможна демократия. Как только в обществе возобладают коллективистские настроения, демократии с неизбежностью придет конец.

...Демократия по сути своей – средство, утилитарное приспособление для защиты социального мира и свободы личности. Как таковая она ни безупречна, ни надежна сама по себе. Не следует забывать и того, что часто в истории расцвет культурной и духовной свободы приходился на периоды авторитарного правления, а не демократии и что правление однородного, догматичного большинства может сделать демократию более невыносимой, чем худшая из диктатур. Мы, однако, стремились доказать не то, что диктатура ведет к уничтожению свободы, а то, что планирование приводит к диктатуре, поскольку диктатура – идеальный инструмент насилия и принудительной идеологизации и с необходимостью возникает там, где проводится широкомасштабное планирование. Конфликт между демократией и планированием возникает оттого, что демократия препятствует ограничению свободы и становится, таким образом, главным камнем преткновения на пути развития плановой экономики. Однако, если демократия откажется от своей роли гаранта личной свободы, она может спокойно существовать и при тоталитарных режимах. Подлинная диктатура пролетариата, демократическая по форме, осуществляя централизованное управление экономикой, подавляет и истребляет личные свободы не менее эффективно, чем худшие автократии.

Обращать внимание на то, что демократия находится под угрозой, стало модно, и в этом таится некоторая опасность (С. 426). Отсюда происходит ошибочное и безосновательное убеждение, что, пока высшая власть в стране принадлежит воле большинства, это является верным средством от произвола. Противоположное утверждение было бы не менее ошибочно: вовсе не источник власти, а ее ограничение является надежным средством от произвола. Демократический контроль может помешать власти стать диктатурой, но для этого следует потрудиться. Если же демократия решает свои задачи и с помощью власти, не ограниченной твердо установленными правилами, она неизбежно вырождается в деспотию.

Когда правительство должно определить, сколько вырастить свиней или сколько автобусов должно ездить по дорогам страны, какие угольные шахты целесообразно оставить действующими или почему продавать в магазинах ботинки, — все такие решения нельзя вывести из формальных правил и принять раз навсегда или на длительный период. Они неизбежно зависят от обстоятельств, меняющихся очень быстро. И, принимая такого рода решения, приходится все время иметь в виду сложный баланс интересов различных индивидов и групп. В конце концов кто-то находит основания, чтобы предпочесть одни интересы другим. Эти основания становятся частью законодательства. Так рождаются привилегии, возникает неравенство, навязанное правительственным аппаратом. [...]

Государство должно ограничиться разработкой общих правил, применимых в ситуациях определенного типа, предоставив индивидам свободу во всем, что связано с обстоятельствами места и времени, ибо только индивиды могут знать в полной мере эти обстоятельства и приспосабливать к ним свои действия. А чтобы индивиды могли сознательно строить планы, у них должна быть возможность предвидеть действия правительства, способные на эти планы влиять. Но коль скоро действия государства должны быть прогнозируемыми, они неизбежно должны определяться правилами, сформулированными безотносительно к каким-либо непредсказуемым обстоятельствам. Если

же государство стремится направлять действия индивидов, предусматривая их конечные результаты, его деятельность должна строиться с учетом всех наличествующих в данный момент обстоятельств и, следовательно, является непредсказуемой (С. 427).

Граждане тоталитарного государства совершают аморальные действия из преданности идеалу. И хотя идеал этот представляется нам отвратительным, тем не менее их действия являются вполне бескорыстными. Этого, однако, нельзя сказать о руководителях такого государства. Чтобы участвовать в управлении тоталитарной системой, недостаточно просто принимать на веру благовидные объяснения неблагоприятных действий. Надо самому быть готовым преступать любые нравственные законы, если этого требуют высшие цели. И поскольку цели устанавливает лишь верховный вождь, то всякий функционер, будучи инструментом в его руках, не может иметь нравственных убеждений. Главное, что от него требуется, – это безоговорочная личная преданность вождю, а вслед за этим полная беспринципность и готовность буквально на все. Функционер не должен иметь собственных сокровенных идеалов или представлений о добре и зле, которые могли бы исказить намерения вождя. Но из этого следует, что высокие должности вряд ли привлекут людей, имеющих моральные убеждения, направлявшие в прошлом поступки европейцев. Ибо что будет наградой за все безнравственные действия, которые придется совершать, за неизбежный риск, за отказ от личной независимости и от многих радостей частной жизни, сопряженные с руководящим постом? Единственная жажда, которую можно таким образом утолить, – это жажда власти как таковой. Можно упиваться тем, что тебе повинуются и что ты – часть огромной и мощной машины, перед которой ничто не устоит (С. 428).

Арендт Х. Начала тоталитаризма // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997

Тоталитарные движения возможны везде, где имеются массы, по той или иной причине приобретшие вкус к политической

организации. Массы держит вместе не сознание общих интересов, и у них нет той отчетливой классовой структурированности, которая выражается в определенных, отраженных и достижимых целях. Термин «массы» применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых в силу либо просто их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе,— в политические партии, или органы местного самоуправления, или различные профессиональные организации и тред-юнионы. Потенциально «массы» существуют в каждой стране, образуя большинство из тех огромных количеств нейтральных, политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии и едва ли вообще ходят голосовать (С. 525).

Теперь движения сделали очевидным то, что никогда не был способен показать никакой другой орган выражения общественного мнения, а именно, что демократическое правление в такой же мере держалось на молчаливом одобрении и терпимости безразличных и бесформенных частей народа, как и на четко оформленных, дифференцированных, видных всем институтах и организациях данной страны. Поэтому, когда тоталитарные движения с их презрением к парламентарному правлению вторгались в парламент, он и они оказывались попросту несовместимыми: фактически им удавалось убедить чуть не весь народ, что парламентское большинство было поддельным... (С. 526).

...Равнодушие к общественным делам, безучастность к политическим вопросам сами по себе еще не недостаточная причина для подъема тоталитарных движений. Конкурентное и приобретательское буржуазное общество породило апатию и даже враждебность к общественной жизни не только и даже не в первую очередь в социальных слоях, которых эксплуатировали и отстраняли от активного участия в управлении страной, но прежде всего в собственном классе. За долгим периодом ложной скромности, когда по существу буржуазия была господствующим классом в обществе, не стремясь к политическому управлению, охотно предоставленному ею аристократии, последовала импе-

риалистическая эра, во время которой буржуазия все враждебнее относилась к существующим национальным институтам и начала претендовать на политическую власть и организовываться для ее исполнения. И та ранняя апатия и позднейшие притязания на монопольное, диктаторское определение направления национальной внешней политики имели корни в образе и философии жизни, столь последовательно и исключительно сосредоточенной на успехе либо крахе индивида в безжалостной конкурентной гонке, что гражданские обязанности и ответственность могли ощущаться только как ненужная растрата ограниченного времени и энергии. Эти буржуазные установки очень полезны для тех форм диктатуры, в которых «сильный человек» берет на себя бремя ответственности за ход общественных дел. Но они положительно помеха тоталитарным движениям, могущим терпеть буржуазный индивидуализм не более, чем любой другой вид индивидуализма. Зоны социального равнодушия в обществе под господством буржуазии независимо от степени их возможной нерасположенности допускать ответственность граждан составляют их личности в неприкосновенности хотя бы потому, что без них они едва ли могли бы надеяться выжить в конкурентной борьбе (С.527).

В этой атмосфере крушения классового общества развивалась психология европейских масс. Тот факт, что с монотонным и абстрактным единообразием одинаковая судьба постигала массу людей, не отвратил их от привычки судить о себе в категориях личного неуспеха или о мире с позиций обиды на особенную, личную несправедливость этой судьбы. Такая самососредоточенная горечь хотя и повторялась снова и снова в одиночестве и изоляции, не становилась, однако, объединяющей силой (несмотря на ее тяготение к стиранию индивидуальных различий), потому что она не опиралась на общий интерес, будь то экономический, или социальный, или политический. Поэтому самососредоточенность шла рука об руку с решительным ослаблением инстинкта самосохранения. Самоотречение в том смысле, что любой ничего не значит, ощущение себя преходящей вещью больше были не выражением индивидуального идеализ-

ма, но массовым явлением. Старая присказка, будто бедным и угнетенным нечего терять, кроме своих цепей, неприменима к людям массы, ибо они теряли намного больше цепей нищеты, когда теряли интерес к собственному бытию: исчезал источник всех тревог и забот, которые делают человеческую жизнь беспокойной и страдательной (С. 530).

Истина в том, что массы выросли из осколков чрезвычайно атомизированного общества, конкурентная структура которого и сопутствующее ей одиночество индивида сдерживались лишь его включенностью в класс. Главная черта человека массы не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений. При переходе от классово разделенного общества национального государства, где трещины заделывались националистическими чувствами, было только естественным, что эти массы в первой растерянности своего нового опыта тяготели к особенно неистовому национализму, которому вожди масс поддались из чисто демагогических соображений, вопреки собственным инстинктам и целям (С. 532).

Тоталитарные движения – это массовые организации атомизированных, изолированных индивидов. В сравнении со всеми другими партиями и движениями их наиболее выпуклая внешняя черта есть требование тотальной, неограниченной, безусловной и неизменной преданности от своих индивидуальных членов. Такое требование вожди тоталитарных движений выдвигают даже еще до захвата ими власти. Оно обыкновенно предшествует тотальной организации страны под их всамделишным правлением и вытекает из притязания их идеологий на то, что новая организация охватит в должное время весь род человеческий. Однако там, где тоталитарное правление не было подготовлено тоталитарным движением (а это, в отличие от нацистской Германии, как раз случай России), движение должно быть организовано после начала правления, и условия для его роста надо было создать искусственно, чтобы сделать тотальную верность и преданность – психологическую основу для тотального господства – совершенно возможной. Такой преданности можно ждать лишь от полностью изолированной челове-

ской особи, которая при отсутствии всяких других социальных привязанностей — к семье, друзьям, сослуживцам или даже к просто знакомым — черпает чувство прочности своего места в мире единственно из своей принадлежности к движению, из своего членства в партии.

Тотальная преданность возможна только тогда, когда идейная верность пуста, лишена всякого конкретного содержания, из которого могли бы естественно возникнуть перемены в умонастроении. Тоталитарные движения, каждое своим путем, сделали все возможное, чтобы избавиться от партийных программ с точно определенным, конкретным содержанием, программ, унаследованных от более ранних, еще нетоталитарных стадий развития (С. 540).

Джилас М. Новый класс // Он же. Лицо тоталитаризма. М., 1992

Для выяснения природы отношений, возникших еще при коммунистической революции и окончательно упроченных индустриализацией и коллективизацией, нужно внимательно приглядеться к роли и способам функционирования государства в коммунизме. Здесь пока будет достаточным подчеркнуть, что государственная машина в коммунизме не есть главный инструмент, формирующий отношения собственности и общественные отношения, она таковые лишь защищает. Правда, все вершится от имени государства и в согласии с его установлениями. Но над ними и за спиной любого государственного акта стоит коммунистическая партия. Причем даже не она в целом, а профессиональная партийная бюрократия. Это факты общеизвестные. Именно эта бюрократия пользуется, управляет и распоряжается в конечном итоге огосударствленным и обобществленным имуществом, как и всей жизнью общества. Бюрократию эту сама ее роль в обществе — монопольное управление и распоряжение национальным доходом и национальными богатствами — превращает в особый закрытый привилегированный слой..., использующий государственную машину как инструмент своей

политики и как правовое ее прикрытие... (С. 196). Коммунистическая революция, совершавшаяся во имя уничтожения классов, привела, не в пример прежним революциям, к сверхгосподству исключительно одного – *нового класса*... (С. 197).

Этот новый класс, бюрократия, а точнее всего сказать – политическая бюрократия, не только несет в себе все черты прежних классов из истории человеческого общества, но и выделяется определенной самобытностью, новизной. Уже само его появление, схожее, по сути, с рождением других классов, имеет свои особенности.

Другие классы в большинстве случаев также приобретали могущество и власть революционным путем, разрушая сложившиеся политические, общественные и другие отношения. Но все они, почти без исключений, добивались власти уже после того, как в старом обществе брали верх новые формы экономики. Иное дело – новый класс в коммунистических системах: к власти он приходит не за тем, чтобы завершить преобразования, а с намерением заложить фундамент новых экономических отношений и собственного господства над обществом... (С. 198).

В силу того что новый класс не вышел из недр реальных общественно-экономических процессов, его зачатки могли находиться только внутри организации особого рода, опирающейся на сверхдисциплинированность и непреложное идейно-философское единообразие в своих рядах. Свои объективно слабые позиции в экономической и других сферах жизни общества зачатки нового класса должны были на первых порах компенсировать субъективными факторами особого порядка, то есть единством сознания и железной дисциплиной... (С. 199).

Практически очень трудно, невозможно даже определить границы нового класса и назвать всех, кто к нему принадлежит. Обобщая, к новому классу можно отнести тех, кто исключительно благодаря монополии на управление получает особые привилегии и материальные преимущества.

Вместе с тем поскольку управленчество есть вещь общественно необходимая, то случается, что в одной личности сочетаются полезные и паразитические функции. Очевидно, таким об-

разом, что не каждый партиец вписывается в класс, как и буржуем не является любой ремесленник или член буржуазной партии.

В широком контурном плане можно сказать следующее: по мере укрепления нового класса, когда все отчетливее вырисовывается его физиономия, роль самой партии неуклонно убывает. Внутри нее и на ее вершине, как и в государственных политических органах, вызревает ядро и основа нового класса. Некогда инициативная, живая, компактная, партия с неизбежностью превращается для олигархов нового класса в аморфный привычный довесок, все сильнее втягивающий в свои ряды жаждущих пробиться наверх, слиться с новым классом и отторгающий тех, кто по-прежнему верит в идеалы... (С. 200).

Хотя между ними много схожего, особенно тот самый *esprit de corps*, коммунистические бюрократы не тождественны упомянутым западным. Разница вот в чем: выделяясь спонтанно в особый слой, госслужащие и иные бюрократы в некоммунистических странах не определяют тем не менее судьбу собственности, как таковой, тогда как бюрократы коммунистические именно этим и занимаются. Над теми бюрократами стоят политические правители, обычно выборные, или же непосредственно хозяева, в то время как над коммунистами, кроме них самих, ни правителей, ни хозяев нет. Там мы видим все же чиновников в современном государстве и современной капиталистической экономике, а здесь наблюдаем нечто иное, новое — новый класс... (С. 204).

Новый класс, таким образом, сознательнее и организованнее всех своих исторических предшественников. Данный вывод точен, лишь воспринятый относительно, как отношение сознания и организованности к внешнему миру, к иным партиям, классам и общественным силам. Ни один класс в истории не был столь сплоченно-единодушным в отстаивании и освоении своего объединительного начала — коллективно-монополистической собственности и тоталитарной власти... (С. 219).

Такой человек (коммунист. — А. А.)... не осознает своей принадлежности к классу собственников, поскольку оным себя не считает, невзирая ни на какие привилегии, которыми с удо-

вольствием пользуется. Правда, стоит лишь сделать попытку отделения от класса, как привилегии исчезают, словно их не было. Он понимает, конечно, что относится к группе с определенными идеями, целями, ментальностью, ролью. И только. Уяснить, что одновременно он входит и в определенную общественную категорию – класс собственников, человек не в состоянии.

Коллективность собственности, спланирующая класс, в то же время мешает ему разобраться в своей классовой сущности: каждый, кто допущен сюда, мыслит иллюзиями своей принадлежности к движению, призванному полностью покончить с классовым обществом.

Наиболее монолитный, он в большей мере готов на подвиги и жертвы. Каждый его «боец» до «последнего атома» подчинен целому – в идеале, по крайней мере, задумано так. И это действует даже тогда, когда «индивид» безудержно «гребет под себя» или бесцеремонно пробивается наверх. Безликость почти стопроцентная, но и преданность коллективу никак не меньше. Практические и иные начинания новому классу подвластны как ни одному другому до него: ничем не ограниченный материально, полностью распоряжаясь национальными ресурсами, он и собственный духовный потенциал, и все силы народа способен направить на осуществление задач, для него жизненно важных.

Новая собственность не совпадает с политической властью, но создается и используется с ее помощью владение, пользование и распоряжение собственностью – прерогатива партии и ее головных структур.

С осознанием, что власть, то есть распоряжение национальной (С. 220) собственностью, несет с собой все блага мира сего, неизбежно расцветают грубый карьеризм, двуличие, подхалимаж, завистничество...

Теоретически путь наверх открыт всем. Как когда-то у Наполеона любой солдат в ранце за спиной носил маршальский жезл, да вот получить его в руки удалось единицам. Тут от человека ждут лишь одного – неподдельной, глубокой, всемерной преданности партии (читай – новому классу). А этого-то как раз тяжелее всего достичь. (С. 221)... Для восхождения...мало воли, необхо-

дима еще способность понимать и «двигать» доктрину. Нужна решительность в борьбе с противниками, исключительная изворотливость и остроумие во внутривнутрипартийных баталиях, мастерство и даже талант при укреплении позиций класса (С. 222).

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993

Любое взаимодействие между людьми предполагает наличие власти; так вот сущность политики заключается в способе осуществления власти и в выборе правителей. Политика – главная характерная черта сообщества, ибо она определяет условия любого взаимодействия между людьми (С. 24).

Как у истоков экономической системы мы обнаружили политическую волю, точно, так же у истоков классов, у истоков классового сознания, возможности (С. 28) воздействия всего общества на социальные группы, мы находим способ осуществления власти, политический строй.

Как следует понимать такое верховенство политики? Мне хотелось бы, чтобы в этом вопросе не оставалось никакой двусмысленности... Неверно, будто уровень техники, степень развития экономических сил или распределение общественного богатства *определяют* все общество в целом; неверно и то, что все особенности общества можно вывести из организации государственной власти...

Неверно, будто при данном способе хозяйствования непременно может быть один-единственный, строго определенный политический строй. Когда производительные силы достигают определенного уровня, структура государственной власти может принимать самые различные формы. Для любой структуры государственной власти, например, парламентского строя определенного типа, невозможно предвидеть, какой окажется система или природа функционирования экономики (С. 29).

...Что же означает, учитывая все сказанное, примат политики, который я отстаиваю?

Тот, кто сейчас сравнивает разные типы индустриальных обществ, приходит к выводу: характерные черты каждого из них

зависят от политики. Таким образом, я согласен с Алексисом де Токвилем: все современные общества демократичны, то есть движутся к постепенному стиранию различий в условиях жизни или личном статусе людей; но эти общества могут иметь как деспотическую, тираническую форму, так и форму либеральную. Я сказал бы так: современные индустриальные общества, у которых много общих черт (распределение рабочей силы, рост общественных ресурсов и пр.), различаются прежде всего структурами государственной власти, причем следствием этих структур оказываются некоторые черты экономической системы и отношений между группами людей. В наш век все происходит так, будто возможные конкретные варианты индустриального общества определяет именно политика. Само совместное существование людей в обществе меняется в зависимости от различий в политике, рассматриваемой как частная система (С. 30)... Применительно к человеку политика важнее экономики, так сказать, по определению, потому что политика непосредственно затрагивает самый смысл его существования... Форма и структура власти более непосредственно влияет на образ жизни, чем какой бы то ни было иной аспект общества.

...Главенство политики, о котором я говорю, оказывается, таким образом, строго ограниченным. Ни в коем случае речь не идет о верховенстве каузальном. Многие явления в экономике могут влиять на форму, в которую облечена в том или ином обществе структура государственной власти. Не стану утверждать, что государственная власть определяет экономику, но сама экономикой не определяется. Любое представление об одностороннем воздействии, повторяю, лишено смысла. Я не стану также утверждать, что партийной борьбой или парламентской жизнью следует интересоваться больше, чем семьей или церковью. Различные стороны общественной жизни выходят на первый план в зависимости от степени интереса, который проявляет к ним исследователь (С. 31).

Мы отвергли макиавеллиевский цинизм, но это не значит, что можно автоматически раз и навсегда определить наилучший режим. Возможно даже, что сама постановка такого вопроса

лишена смысла. Для политической социологии, которую я собираюсь разрабатывать, необходимо, чтобы *множественность* режимов, ценностей и политических структур не была *хаотичной*. Для этого достаточно, чтобы все возможные политические институты рассматривались как ответ на постоянную проблему.

Неизменная политическая проблема – одновременное оправдание *власти* и *послушания*. Гоббс великолепно оправдал послушание, выделив темную сторону человеческой природы. Но не следует оправдывать любое послушание, любую власть. Можно ли одновременно оправдывать послушание и отказ от него? Власть – и пределы власти? Такова вечная проблема политического порядка. Неизменно несовершенные решения ее – вот что такое на деле все режимы (С. 45).

На Западе одновременно происходит расширение административных функций и специализация политических процедур: такое сочетание, возможно, и парадоксально. В Европе же есть режимы еще одного типа, в которых в силу решаемых государством задач отвергаются какие бы то ни было попытки поставить под сомнение роль Власти – самого режима и его проявлений. Там, по другую сторону «железного занавеса», отождествление общества и государства стало почти всеобъемлющим, а потому невозможно обсуждать достоинства режима, законность правителей и даже благоразумие государственных решений (С. 60).

Функционирование любого западного режима зависит в основном от намерений противоборствующих партий. Основная проблема западной демократии – сочетание согласия в стране с попытками оспорить само существование данного режима – более или менее разрешима, в зависимости от природы партий, от их целей и воззрений, приверженность к которым они декларируют.

Перейдем к режиму другой разновидности – однопартийному... Для таких режимов характерно предоставление *одной* партии монополии на законную политическую деятельность (С. 66).

У различных однопартийных режимов различные оправдания своей монополии... Коммунистическая партия СССР предлагает две системы оправданий: первая основана на понятии

подлинного представительства, вторая оперирует понятием исторической цели.

В принципе можно допустить, что определять законных носителей власти путем выборов невозможно из-за воздействия неких общественных сил. Чтобы обеспечить подлинность выбора, истинное представительство народа или пролетариата, необходима, как нам говорят, единая партия. В такой системе оправдания отмена выборов становится условием подлинности представительства.

Вторая система оправдания, неизменно сочетающаяся с первой, опирается на историческую цель. Коммунисты заявляют, что монопольное право партии на политическую деятельность необходимо для создания совершенно нового общества, которое только и отвечает высшим ценностям. Если уважать права оппозиции, построить однородное общество и уничтожить классы невозможно. Для основополагающих преобразований необходимо сломить сопротивление групп, мировоззрение, интересы или привилегии которых оказываются задетыми. Вот почему естественно, что партия требует монопольного права на политическую деятельность, отказывается как бы то ни было ограничивать свою роль, стремится сохранять в полном объеме свою революционную власть, если она ставит перед собой цель создать принципиально новое общество.

Когда монополия на политическую деятельность у одной партии, государство оказывается неразрывно связанным с нею. При западном многопартийном режиме государство считает своим достоинством то, что не руководствуется идеями ни одной из противоборствующих партий. Государство нейтрально – оно терпит многопартийность (С. 67).

Если вместо *государства партий* существует *партийное* государство, оно вынуждено ограничивать свободу политической дискуссии... Однопартийные режимы обращены к будущему, их высшее оправдание не в том, что было или есть, а в том, что будет. Будучи режимами революционными, они связаны с элементами насилия. Нельзя требовать от них того, что обременяет сущность многопартийных режимов, – соблюдения за-

конности и умеренности, уважения интересов и мировоззрений всех групп (С. 68).

В плюралистическом режиме принцип – это сочетание двух чувств, которые я назову *уважением законов или правил* и чувством *компромисса*. Согласно (С. 70) Монтескье, принцип демократии – добродетель, определяемая соблюдением законов и заботой о равенстве. Я изменяю концепцию Монтескье в связи с новыми тенденциями представительства и межпартийного соперничества. В самом деле, изначальный принцип демократии – именно соблюдение правил и законов, поскольку, как мы уже видели, сущность западной демократии – законность в соперничестве, в отправлении власти. Здоровая демократия – та, где граждане соблюдают не только Конституцию, регламентирующую условия политической борьбы, но и все законы, формирующие условия, в которых разворачивается деятельность отдельных лиц. Соблюдения правил и законов мало. Требуется еще нечто – не кодифицируемое и потому не связанное напрямую с соблюдением законов: *чувство компромисса*...

Недостаточно сказать, что принцип демократии – одновременно и соблюдение законов, и сохранение чувства компромисса: компромисс может быть использован и во благо, и во зло. Трагедия западных режимов в том, что компромисс в иных областях приводит к катастрофам (С. 71).

В чем принцип однопартийного режима?

Очевидно, он не может заключаться в уважении к закону или в духе компромисса. Вероятно, такому режиму угрожала бы гибель, будь он заражен, разложен демократическим духом компромисса. Принцип режима с партией-монополистом противоположен демократическому.

В поисках ответа, который мог бы дать некий последователь Монтескье на вопрос о принципе, лежащем в основе однопартийного режима, я пришел – без особой уверенности – к выводу: им могло бы стать сочетание двух чувств. Веры и *страха* (С. 72).

В чем же сильна революционная партия, как не верой своих членов? Мы знаем, что свою монополию она оправдывает великими планами, великой целью, к которой стремится. Чтобы за

революционной партией следовали и ее члены, и беспартийные, они должны верить в ее учение, в провозглашаемые ею идеи. Но этой партии, пока общество не однородно, противостоят подлинные или возможные противники, предатели, контрреволюционеры, зарубежные агенты (не важно, как они называются) – все, кто не приемлет провозглашаемые партией идеи. Устойчивость режима должна противостоять неверию или враждебности тех, кто не стоит полностью на позициях монополизировавшей власть партии. Каким должно быть наиболее благоприятное для безопасности государства состояние духа таких диссидентов? Страх. Те, кто не верит официальному учению государства, должны убедиться в своем бессилии... Для прочности режимов, основанных на партийном монополизме, нужны не только вера и энтузиазм верующих, но и непременно – сознание своего бессилия неверующими (С. 73).

В обоих случаях выявляется одно из условий, необходимых для функционирования конституционно-плюралистического режима: *дисциплина устремлений*. Вот почему в британском, равно как и в американском режимах, есть «карьеря почестей» – этапы, которые надо пройти шаг за шагом. Число лиц, которые стремятся занять высшее положение, ограничено (С. 125).

При конституционно-плюралистических режимах граждане обязаны: соблюдать законы, и в первую очередь Конституцию, коль скоро она одновременно регламентирует правила конфликтов в обществе и определяет основы единства;

воодушевлять режим, бороться с сонным однообразием жизни, выступая с требованиями (я готов был сказать – гореть страстями, порожденными различными группировками общества), но при этом сохранять способность к компромиссу.

Бесспорно, существует опасность, что при чрезмерной приверженности идеям будет утрачено чувство компромисса. Когда страсти разгораются, люди теряют уважение к законам и Конституции. Режимы всегда будут испытывать такую угрозу из-за чрезмерной приверженности идеям тех или иных группировок или же, наоборот, из-за избыточного стремления к компромиссам (С. 144).

Что представляет собой феномен тоталитаризма? Как и все социальные явления, он, в зависимости от точки зрения наблюдателя, может получить много различных определений. Вот какими мне видятся пять его основных признаков:

1. Тоталитаризм возникает в режиме, предоставляющем какой-то одной партии монопольное право на политическую деятельность.

2. Эта партия имеет на вооружении (или в качестве знамени) идеологию, которой она придает статус единственного авторитета, а в дальнейшем – и официальной государственной истины.

3. Для распространения официальной истины государство наделяет себя исключительным правом на силовое воздействие и на средства убеждения. Государство и его представители руководят всеми средствами массовой информации – радио, телевидением, печатью.

4. Большинство видов экономической и профессиональной деятельности находится в подчинении государства и становится его частью. Поскольку государство неотделимо от своей идеологии, то почти на (С. 230) все виды деятельности накладывает свой отпечаток официальная истина.

5. В связи с тем, что любая деятельность стала государственной и подчиненной идеологии, любое прегрешение в хозяйственной или профессиональной сфере сразу же превращается в прегрешение идеологическое. Результат – политизация, идеологизация всех возможных прегрешений отдельного человека и, как заключительный аккорд, террор, одновременно полицейский и идеологический.

Определяя тоталитаризм, можно, разумеется, считать главным исключительное положение партии, или огосударствливание хозяйственной деятельности, или идеологический террор. Но само явление получает законченный вид только тогда, когда все эти черты объединены и полностью выражены.

Все пять перечисленных признаков были взаимосвязаны в 1934–1938 годах; так же обстояло дело и в 1948–1952 годах. Понятно, каким образом осуществлялась взаимосвязь. В советском режиме исключительное положение партии и идеологии связано

с самой сутью большевизма, его революционной устремленностью. Централизация средств силового воздействия и средств убеждения связана с идеей исключительного положения партии в государстве. Огосударствливание хозяйственной деятельности есть прямое выражение коммунистического учения. Связи между перечисленными признаками легко видны. Что касается завершения – идеологического террора, он становится логичным как раз благодаря исключительному положению партии, идеологии, средств убеждения и огосударствливанию видов индивидуальной деятельности (С. 231).

Во всех индустриальных обществах есть хозяйственники, управляющие коллективным трудом, собственники или директора заводов. И везде они отчасти похожи друг на друга, поскольку решают сходные проблемы, а условия их жизни и деятельности вполне сопоставимы. Не так обстоит дело с политиками. Конечно, иные проблемы универсальны: как удержаться у власти, как править страной, как уладить конфликт. Но решают их по-разному. Политики могут конституировать единую партию, с особым характером соперничества в ней. Однопартийность дает значительные преимущества. Партия постоянно может оправдывать себя идеологией, провозглашающей законность установленной власти и правомерность действий властителей, может не признавать официально существование конфликтов. В таком обществе царит принципиальная однородность. Легко понять, что политики, привыкшие к однопартийному режиму, стремятся эту структуру сохранить. Предсказуемые перемены, связанные с развитием промышленности, повышением уровня жизни, не приведут к устранению однопартийности наряду с идеологической ортодоксальностью, не связаны они и с исчезновением бюрократической иерархии, равно присущей обществу и государству (С. 268).

Существуют четыре момента противопоставления конституционно-плюралистического и единовластного режимов: *конкуренция и монополия, конституция и революция, плюрализм социальных групп и бюрократический абсолютизм, государство партий и государство, основанное на господстве единственной*

партии (последнюю антитезу можно выразить еще и так: государство светское – государство идеологическое) (С. 273).

Было бы неразумно утверждать, что один режим хорош, а другой плох, один воплощает добро, а другое – зло. Оба несовершенны, хотя и по-разному. Несовершенство конституционно-плюралистических режимов проявляется в каких-то частностях, что же касается режима с единовластной партией, то речь идет о сути (С. 277).

Конституционно-плюралистические режимы несовершенны по причине избытка либо олигархии, либо демагогии – и почти всегда отличаются ограниченной эффективностью.

Избыток олигархии – когда за действиями партий скрывается всемогущество некоего меньшинства. Избыток демагогии – когда группы в условиях партийной борьбы забывают о нуждах всего социума и о смысле общего блага. Ограничения же эффективности обусловлены тем, что режим, где у каждой группы есть право защищать свои интересы, часто не в состоянии принимать радикальные меры.

Несовершенство режима с одной партией проявляется иначе и затрагивает саму его сущность. Единовластие партии ничем не обосновано, если общество идеологически однородно, если в нем нет конфликтов между группами и оно существует в условиях плановой экономики с общественной собственностью на средства производства. Но если мнения не могут высказываться свободно, если сохраняется ортодоксальность, значит, общество не однородно. В этом случае группа, утверждающая свою власть насилием, возможно, и действует ради заслуживающей восхищения идеи, но нельзя сказать, что таким образом устанавливается демократия (С. 278).

Что касается другого тезиса, в соответствии с которым nasledницей единовластной партии станет конституционность, то он исходит из необыкновенно оптимистического предположения: одна и та же политическая надстройка должна быть присущей всем индустриальным обществам, и в условиях индустриальной цивилизации ей соответствует один – и только один – режим. Я считаю этот тезис необоснованным. У политических

режимов индустриальных обществ будут какие-то общие черты: расширение административной сферы, рост бюрократии, – но чего ради все индустриальные общества должны выбирать между крайней бюрократической централизацией советского типа – и крайним плюрализмом автономных сил западного типа? (С. 289).

Миллс Р. Властвующая элита. М, 1959

Властвующая элита объединяет в себе людей, подвигающихся в разных сферах: политической, экономической и военной. При таком, однако, составе в ней зачастую возникают трения; она выступает сплоченно лишь в некоторых областях, где позиции этих кругов смыкаются, и только лишь при известных «кризисных» ситуациях. На протяжении длительного периода мира, существовавшего в XIX в., военщина не была представлена в высших государственных органах и не входила в состав политического руководства. Не было там и лидеров капиталистической экономики, – они вторгались в сферу деятельности государственной власти, но не входили в состав официального политического руководства. В 30-х годах нашего века ведущая роль в государственной жизни принадлежала политикам. В наши дни главенствующие позиции в этой области занимают военные и представители корпораций (С. 380).

...Ядро властвующей элиты состоит прежде всего из тех людей, которые свободно переходят от командных ролей в верхах одной из господствующих иерархий к подобным же ролям в другой иерархии: это, скажем, адмирал, являющийся также банкиром и юристом и возглавляющий вдобавок некую важную федеральную комиссию; это руководитель корпорации, являвшейся во время войны одним из двух или трех крупнейших производителей военных материалов, занимающий ныне пост министра обороны; это генерал военного времени, сменивший после войны мундир на штатский костюм, чтобы войти в состав официальных руководителей государства, а затем ставший членом совета директоров одной из ведущих корпораций.

Руководитель корпорации, превратившийся в генерала, генерал, превратившийся в государственного деятеля, государственный деятель, превратившийся в банкира,— все они, несомненно, обладают гораздо более широким кругозором, чем рядовые люди, вращающиеся в своем обычном окружении; и все же стремления и чаяния даже таких людей нередко бывают привязаны к главной сфере их жизнедеятельности. Однако сама их карьера складывается так, что они попеременно действуют во всех трех больших иерархиях и, таким образом, легко переступают пределы особых интересов каждой из них (С. 397).

...Наше понимание природы властвующей элиты и ее единства покоится на констатации факта однотипного развития и совпадения интересов экономических, политических и военных учреждений. Оно покоится также на фактах, говорящих о сходстве происхождения и взглядов людей из верхушечных звеньев каждой из этих главенствующих иерархий и об их тесных личных и светских связях. Это сочетание объективных и психологических факторов сказывается, далее, в интенсивном перемещении личного состава внутри каждого из этих трех основных иерархий и между ними и в росте числа посредничающих элементов, вроде лоббистов, действующих в высших сферах. Наше понимание властвующей элиты (С. 402) не основывается, следовательно, на предположении, что историю США с момента возникновения второй мировой войны следует рассматривать как историю некоего зазора или крупного тайного сговора между членами этой элиты. Наша концепция покоится на анализе действия совершенно безличных факторов.

Но вместе с тем не приходится особенно сомневаться, что американская властвующая элита, числящая в своем составе ряд людей, о которых говорят, что они являются «крупнейшими в мире организаторами», занималась также и тем, что строила свои планы и заговоры. Возникновение элиты, как мы уже выяснили, не явилось и не могло явиться результатом какого-то заговора, и вопрос о состоятельности нашей концепции не сводится к вопросу о том, имеем ли мы в действительности некую тайную или некую гласную организацию. Но коль скоро сочета-

ние структурных тенденций и личной воли к использованию последних породило властвующую элиту, ее представители должны же вынашивать какие-то планы и программы; и в самом деле, не проникнув в замыслы властвующей элиты, мы не в состоянии будем разобцаться во многих событиях и государственных мероприятиях...(С. 403).

...Говоря о безыдейности и умственной посредственности власть имущих, я, конечно, не намерен отрицать, что среди них попадаются иногда и умные люди (хотя это отнюдь не обязательное явление). Однако занимающий нас вопрос – это не вопрос о распределении «ума», понимаемого как нечто однородное, как нечто такое, что может быть представлено большим или меньшим количеством. Речь идет скорее об особом роде и качестве ума, формируемом и отбираемом в мире власть имущих. Речь идет о том, какое значение придается всепроникающим элементам интеллигентности – этой главной ценности в жизни, характере и поведении человека. Именно этого мерила мы не находим у американской властвующей элиты. Вместо него мы находим у нее такие критерии, как «вес» и «умение судить и вершить», – и подобные критерии играют в прославленном возвышении людей из элиты гораздо большую роль, чем духовная утонченность или сила ума.

Власть имущего человека, преисполненного сознанием своего веса и значения, окружают со всех сторон его технические помощники в делах управления, призванные воплощать знание, которого он не имеет, и даже ораторское искусство, которым он не обладает... Наряду с увеличением вспомогательных средств для разработки политических решений среди официальных руководителей Соединенных Штатов наблюдается катастрофический недостаток людей, способных к самостоятельному мышлению, и потому в верхах нередко наблюдаются колебания и нерешительность. Одним из вредных последствий недостатка знаний у людей из элиты является возвышение экспертов...(С. 474).

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997

Никогда прежде общество не располагало таким богатством интеллектуальных и материальных ресурсов и соответственно никогда прежде не знало такого объема господства общества над индивидом. Отличие современного общества в том, что оно усмиряет центробежные силы скорее с помощью Техники, чем Террора, опираясь одновременно на сокрушительную эффективность и повышающийся жизненный стандарт. [...]

Технический прогресс, охвативший всю систему господства и координирования, создает формы жизни (и власти), которые по видимости применяют противостоящие системе силы, а на деле сметают или опровергают всякий протест во имя исторической перспективы свободы от тягостного труда и господства. Очевидно, что современное общество обладает способностью сдерживать качественные социальные перемены, вследствие которых могли бы утвердиться существенно новые институты, новое направление продуктивного процесса и новые формы человеческого существования. В этой способности, вероятно, в наибольшей степени заключается исключительное достижение развитого индустриального общества; общее одобрение Национальной цели, двухпартийная политика, упадок плюрализма, сговор между Бизнесом и Трудом в рамках крепкого Государства свидетельствуют о слиянии противоположностей, что является как результатом, так и предпосылкой этого достижения (С. 386).

Права и свободы, игравшие роль жизненно важных факторов на ранних этапах индустриального общества, сдают свои позиции при переходе этого общества на более высокую ступень, утрачивая свое традиционное рациональное основание и содержание. Свобода мысли, слова и совести – как и свободное предпринимательство, защите и развитию которого они служили, – выступали первоначально как критические по своему существу идеи, предназначенные для вытеснения устаревшей материальной и интеллектуальной культуры более продуктивной и

рациональной. Но, претерпев индустриализацию, они разделили судьбу обществ и стали его составной частью. Результат уничтожил предпосылки.

В той степени, в которой свобода от нужды как конкретной сущности всякой свободы становится реальной возможностью, права и свободы, связанные с государством, обладающие более низкой производительностью, утрачивают свое прежнее содержание. Независимость мысли, автономия и право на политическую оппозиционность лишаются своей фундаментальной критической функции в обществе, которое, как очевидно, становится все более способным удовлетворить потребности индивидов благодаря соответствующему способу их организации. Такое государство вправе требовать понятия своих принципов и институтов и стремиться свести оппозицию к обсуждению и развитию альтернативных направлений в политике в пределах *status quo*. В этом отношении, по-видимому, вполне безразлично, чем обеспечивается возрастающее удовлетворение потребностей: авторитарной или неавторитарной системой. В условиях повышающегося уровня жизни неподчинение системе кажется; социально бессмысленным, и тем более в том случае, когда это сулит ощутимые экономические и политические невыгоды и угрожает бесперебойной деятельности целого. Разумеется, по меньшей мере в том, что касается первых жизненных потребностей, не видно причины, по которой производство и распределение товаров и услуг должно осуществляться через согласование индивидуальных свобод путем конкуренции. [...]

В настоящее время политическая власть утверждает себя через власть над процессом машинного производства и над технической организацией аппарата. Правительство развитого и развивающегося индустриального общества (С. 388) может удерживать свое положение только путем мобилизации,

...Тот грубый факт, что физическая (только ли физическая?) сила машины превосходит силу индивида или любой группы индивидов, делает машину самым эффективным политическим инструментом в любом обществе, в основе своей организованного как механический процесс. Но эта политическая тенденция

не необратима; в сущности сила машины – это накопленная воплощенная сила человека. И в той степени, в которой в основе *мира труда* лежит идея машины, он становится потенциальной основой новой человеческой свободы (С. 389).

...На стадии наивысшего развития капитализма общество является системой подавляемого плюрализма, в которой институты состязаются в укреплении власти целого над индивидом. Тем не менее для управляемого индивида плюралистское администрирование гораздо предпочтительнее тотального. Один институт может стать для него защитой от другого; одна организация – смягчить воздействие другой, а возможности бегства и компенсации можно просчитать. Все-таки власть закона, пусть ограниченная, бесконечно надежнее власти, возвышающейся над законом или им пренебрегающей. [...]

Тоталитарные тенденции одномерного общества делают традиционные пути и средства протеста неэффективными и, может быть, даже опасными, поскольку они сохраняют иллюзию верховенства народа. В этой иллюзии есть доля правды: «народ», бывший ранее катализатором общественных сдвигов, «поднялся» до роли катализатора общественного сплывания. В гораздо большей степени в этом, а не в перераспределении богатств и уравнивании классов, состоит новая стратификация развитого индустриального общества (С. 396).

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969

...Этот переход власти оказался замаскированным, поскольку позиции капитала, как это в свое время было и с землей, кажутся непоколебимыми. Мысль о том, что власть может принадлежать не капиталу, а кому-либо еще, кажется неправдоподобной, а те, кто высказывает ее, считаются людьми, занятыми несерьезным оригинальничанием. Он оказался замаскированным еще и потому, что власть не перешла к какому-либо из признанных факторов производства, как они изображаются в обычной педагогической литературе по экономике. Она не перешла к труду. Рабочий класс завоевал ограниченный контроль над за-

работной платой и условиями труда, но не приобрел никакой власти над предприятием...

... Не перешла власть и к классическому предпринимателю – лицу, которое использовало некогда свою возможность распоряжаться капиталом для того, чтобы соединить его с другими факторами производства. В индустриальной системе это исчезающая фигура. Помимо возможности распоряжаться капиталом, его отличительными качествами были воображение, способность принимать ответственные решения и готовность рисковать деньгами, и нередко собственными. Ни одно из этих качеств не имеет существенного значения для организации знаний или эффективной конкуренции с ними.

В действительности власть перешла к новому фактору производства, как его с полным основанием могли бы назвать те, кто ищет во всем нечто новое.

Это совокупность людей, обладающих разнообразными техническими знаниями, опытом и способностями, в которых (С. 98) нуждается современная промышленная технология и планирование. Она охватывает многочисленный круг лиц – от руководителей современного промышленного предприятия почти до основной массы рабочей силы – и включает в себя тех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями (С. 99).

... С развитием современной корпорации и появлением организации, которая подчиняется требованиям современной техники и планирования, а также в связи с отделением функции собственности на капитал от функции контроля над предприятием предприниматель в развитом промышленном предприятии уже не выступает как индивидуальное лицо... Вместо предпринимателя направляющей силой предприятия считается администрация. Она представляет собой некую коллективную единицу, с трудом поддающуюся точному определению. В крупной корпорации в состав администрации входят председатель совета директоров, президент, те вице-президенты, которые выполняют (С. 112) существенно важные обязанности по общедирективному руководству или руководству отделами, а также лица, занимающие другие ответственные административ-

ные посты, и, возможно, другие руководители отделений и отделов. Сюда включается, однако, лишь небольшая часть тех, кто участвует в работе над информацией, используемой для принятия группового решения. Эта последняя группа лиц весьма многочисленна – от самых высокопоставленных служащих корпорации до работников в белых и синих воротничках, обязанность которых состоит в том, чтобы более или менее механически подчиняться распоряжениям и заведенному порядку. Она охватывает всех, кто обладает специальными знаниями, способностями или опытом группового принятия решений. Именно эта группа людей, а не администрация направляет деятельность предприятия, является его мозгом. Не существует специального термина для обозначения всех, кто участвует в процессе принятия решений группой или в организации, которую они составляют. Я предлагаю называть эту организацию техноструктурой (С. 113).

...Техноструктуре принадлежит власть везде, где развитие техники и планирование становятся характерными чертами производственного процесса. Власть техноструктуры – это явление, присущее не только тому строю, который на языке идеологии называется системой свободного предпринимательства, или капитализмом. Если вмешательство частной власти в лице собственников должно быть устранено в частной фирме, то подобным же образом следует устранить вмешательство государственной власти в государственной фирме (С. 142).

...Независимо от того, идет ли речь о государственной или о частной собственности, техноструктура обладает сходными полномочиями и использует одинаковые групповые методы для принятия решений. Не удивительно поэтому, что она во многом схожа (С. 144).

...Нельзя понимать конвергенцию советской и западной систем как возвращение первой системы к рынку. Обе системы переросли рынок. Наблюдается явная конвергенция в направлении одинаковых форм планирования (С. 153).

...Существует значительное и бесспорное различие в той роли, которую играют в этих двух системах политические (С. 388) деятели, писатели, работники искусства и ученые.

Нельзя недооценивать различие, обусловленное первой поправкой к конституции США. Но едва ли можно с уверенностью утверждать, что различие в системах управления экономикой столь же велико. Обе системы подчиняются жестким требованиям, предъявляемым индустриализацией. Для обеих систем это означает необходимость планирования. И хотя каждая из них применяет свои особые методы обращения с человеческой личностью, планирование во всех случаях означает замену рыночного механизма контролем над ценами и экономическим поведением человека. Обе страны, разумеется, стремятся внушить веру в то, что способствует достижению целей индустриального механизма. Более очевидной является, таким образом, экономическая тенденция к конвергенции, а не различие, ведущее к немиримому конфликту (С. 389).

...Но роль государства по отношению к сфере художественной деятельности не исчерпывается одной защитой: оно не только ограждает, но и утверждает. Несмотря на то, что производство искусства является формой самовыражения отдельной личности, важные отрасли искусства могут процветать только в рамках некоего организующего начала. Это условие должно обеспечиваться государством. Говоря конкретнее, живопись, скульптура и музыка, которые не находятся в сфере внимания индустриальной системы, чувствуют себя довольно хорошо под покровительством, которое им оказывает государство (С. 407).

...Мы имеем в виду конвергенцию, обусловленную приблизительно сходной системой планирования и организации. Об этом стоит сказать несколько дополнительных слов. Конвергенция связана прежде всего с крупными масштабами современного производства, с большими вложениями капитала, совершенной техникой и со сложной организацией как важнейшим следствием названных факторов. Все это требует контроля над ценами и, насколько возможно, контроля над тем, что покупается по этим ценам. Другими словами, рынок должен быть заменен планированием. В экономических системах советского типа контроль над ценами является функцией государства. В США это управление потребительским спросом осуществляется менее

формальным образом корпорациями, их рекламными отделами и агентами по сбыту, оптовыми и розничными торговцами. Но разница, очевидно, заключается скорее в применяемых методах, чем в преследуемой цели...

Индустриальной системе внутренне не присуща способность регулировать совокупный спрос – способность обеспечить покупательную силу, достаточную для поглощения всего, что она производит. Поэтому она полагается в этой области на государство. При полной занятости не существует механизма, позволяющего стабилизировать цены и заработную плату. Эта стабилизация тоже является функцией государства. В экономических системах советского типа также ведутся тщательные подсчеты соотношения между объемом получаемых доходов и стоимостью товарной массы, предоставляемой покупателям (С. 453).

...И наконец, индустриальной системе приходится полагаться на государство в деле обеспечения обученными и образованными кадрами, которые стали в наше время решающим фактором производства. То же имеет место и в социалистических индустриальных странах...

Понимание того факта, что в ходе своего развития обе индустриальные системы сближаются, будет содействовать, надо полагать, установлению согласия относительно общей опасности, таящейся в гонке вооружений, и необходимости покончить с ней или же начать соперничать в более благотворных областях (С. 454).

Тоффлер О. Эра смещения власти // Философия истории. Антология. М., 1995

Но смещение власти происходит не только на высшем уровне управленческих структур. Как руководитель предприятия, так и цеховой мастер отмечают, что рабочие уже не склонны беспрекословно выполнять приказы. Они требуют их объяснения и обоснования. Аналогичное поведение наблюдают армейские офицеры у солдат, начальники полиции у рядовых полицейских и особенно – преподаватели у студентов.

Отторжение прежних форм авторитета и власти как в деловой жизни, так и в быту стимулируется распадом глобальных властных структур.

Со времен второй мировой войны две сверхдержавы, подобно двум колоссам, утвердились в мире, фактически поделив его между собой. Каждая имела своих сторонников, союзников и сочувствующих. Строго соблюдалось равновесие сил – ракета против ракеты, танк против танка, разведчик против разведчика. Сегодня этому сбалансированному противостоянию пришел конец.

В результате в мировой системе возникли «черные дыры» – впитывающие власть вакуумные зоны (к примеру, Восточная Европа), которые постараются вовлечь нации и народы в новые, а может быть, в уже отжившие союзы и противоречия. Смещение власти происходит настолько интенсивно, что мировые лидеры скорее подчиняются событиям, чем управляют ими. Множество признаков позволяет прогнозировать дальнейшее усиление и распространение факторов, вызывающих потрясения власти на всех уровнях человеческого общества.

В недрах этого мощного переструктурирования властных взаимосвязей, подобного смещению и разрушению тектонических пластов во время землетрясения, зарождается один из наиболее редких феноменов человеческой истории – кардинальное изменение самой природы власти. «Смещение власти» означает не перемещение власти, а ее трансформацию (С. 333).

...Причинная зависимость изменений в знании и смещения власти наполнена глубоким смыслом. Наиболее существенным шагом в экономическом развитии нашей эпохи стало возникновение новой системы создания богатства, основанной не на физической силе человека, а на его умственных способностях. В условиях развитой экономики труд, целью которого являлось создание «вещей», превращается в процесс воздействия людей друг на друга или на информацию и обратного воздействия информации на людей...

Еще в 1970-е годы, когда лидеры американских деловых кругов считали свой индустриальный мир стабильным и прочным, японский деловой мир и широкая общественность оказа-

лись под натиском книг, статей и телепередач, возвещавших наступление «информационной эры» и обращенных в XXI век. В то время как понятие «конец индустриализма» было с пренебрежением отвергнуто в США, в Японии ему охотно вняли и восприняли руководители деловых кругов, политики и средства массовой информации. Они почувствовали, что знания станут ключом к экономическому росту в будущем веке. Можно только удивляться, как скоро Япония, начавшая компьютеризацию позже США, заменила устаревшие технологии второй волны интеллектуальными технологиями третьей волны (С. 337).

...Распространение новой экономики с ведущей ролью знания явилось взрывной силой, свергнувшей развитые экономические системы в жесткое глобальное соперничество, продемонстрировавшей социалистическим государствам их безнадежную отсталость, заставившей многие «развивающиеся страны» отказаться от традиционных экономических стратегий. В настоящее время эта сила обуславливает глубинные трансформации властных отношений как в частной, так и в общественной сферах.

...Распространение принципиально новой системы создания богатства неизбежно провоцирует межличностные, политические и международные конфликты. Попытки изменить систему вызывают противодействие тех сил, чьи интересы и власть связаны со старой системой. Еще яростнее столкновение за право определять будущее.

...300 лет тому назад промышленная революция также породила новый способ производства. Индустриальный пейзаж сменил картины сельскохозяйственного труда. Развивалась фабрично-заводская промышленность. Эти «темные дьявольские изобретения» повлекли за собой установление нового образа жизни и новой властной системы (С. 338).

...Массовому производству, массовому распределению, массовому образованию, массовым коммуникациям сопутствовала массовая демократия или диктатура, выдающая себя за демократию.

Внутренним изменениям соответствовали гигантские смещения глобальной власти по мере того, как индустриальные

страны колонизировали, завоевывали или подчиняли большую часть остального мира, создавая иерархию мировой власти, до сих пор сохранившуюся в некоторых регионах.

В целом, возникновение новой системы создания богатства подтачивало опоры старой властной системы, полностью трансформируя структуры власти в семье, бизнесе, политике, а также на государственном и глобальном уровнях.

Силы, боровшиеся за контроль над будущим, использовали в своих целях насилие, деньги и знания. Сегодня начался подобный, но более стремительный процесс. Изменения, которые мы могли наблюдать в последнее время в бизнесе, экономике, политике, а также на глобальном уровне, являются, по сути, только первыми столкновениями в борьбе за власть гораздо большего масштаба, ибо мы стоим на рубеже сильнейшего смещения власти в человечества (С. 339).

Турен А. Что означает демократия сегодня? // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997

...Давайте предположим, что демократия есть свободный выбор правителей управляемыми, что подразумевает свободные выборы, возможность существования партий, профсоюзов и проведения пропагандистских кампаний благодаря свободам ассоциаций, собраний и слова. Не будем понапрасну тратить время, называя демократическими правительства, которые выступают во имя народа, но не уважают свободы выбора тех, кем управляют...

Поле политической свободы выбора не может существовать, если не признается существование общественной сферы и в более широком смысле политического общества... Личностная изоляция, фрагментация общества, слабость коммуникации между социальными категориями являются почти непреодолимым препятствием для демократии. Это совершенно очевидно, когда некоторые граждане лишены своих гражданских прав. Нет смысла говорить о демократии там, где бытует рабство или укоренился апартеид. [...]

Эта потребность в существовании политического общества или устройства правления... подразумевает, что оно должно быть независимым от государства или даже быть превыше государства – различие, которое нам иногда трудно признать. Но как можем мы отрицать, что политическое общество составляет важный аспект функционирования общества вообще, тогда как государство является прежде всего представителем для управления «внешними» отношениями данного общества как с другими государствами, так и, что наиболее важно, с его прошлым и будущим? Государство никогда не изолировано в социальном вакууме; оно обладает своей собственной внутренней логикой. Всякий раз, когда мы говорим о «развитии» страны, мы фактически говорим о ее государстве, связано ли это с национальной или иностранной буржуазией, революционной партией или националистическим движением, династией или национальной технократией. Давайте признаем, что всякий раз, когда мы говорим об обществе в плане развития, мы обращаемся к логике, которая не является логикой демократий (С. 732).

Собственной сферой демократии является политическая система. К ней примыкает, с одной стороны, частный мир, с другой – мир государства. Не может быть демократии, если гражданское состояние, занимающее среднее положение, не втягивает в себя частные интересы и убеждения, с одной стороны, и приверженность государству – с другой. Определенно не может быть демократии, если частные убеждения и национальная приверженность смыкаются напрямую, избавляясь от среднего положения гражданского состояния. Но демократия слаба и почти бессмысленна, если не допускает существования этих двух миров на обеих сторонах, если стремится отождествляться со всей в целом, личной и общественной, жизнью. Демократия является постоянным усилием по созиданию сферы гражданского состояния обеспечению того, чтобы частные убеждения и групповая принадлежность могли сойтись и соединиться в ней в атмосфере взаимного уважения. Демократия слаба и тогда, когда способность к посредничеству неадекватна и когда силы, между которыми она играет роль посредника, слабы или, наобо-

рот, замкнуты в самих себе. Те, кто придерживается чисто институционального взгляда на демократию, впадают в серьезное заблуждение. Они не задаются вопросом, какие будут мобилизованы силы и какие жертвы будут приемлемы для защиты демократии... Ужасающая идея, которая должна направлять наш поиск: защита свобод и предотвращение захвата власти антидемократически настроенными людьми или группами, недостаточна для защиты демократии. Она может выжить только тогда, когда основана на убеждении, вере в политическую свободу и на том, что Монтескье первым назвал нравственностью (С. 733).

Можно ли вообще даже думать о демократии, если не быть убежденным в необходимости защиты меньшинств от господствующего большинства, «маленьких людей» от крупных деятелей или рабочего класса от капиталистических боссов? Какую бы формулу ни употребляли, все равно стоит проблема оспаривания господствующих социальных отношений, и именно эта борьба против господства дает демократии ту силу мобилизации, для обеспечения которой недостаточно лишь существования свободных институтов. Но это всегда должно относиться к оспариванию внешнего социального господства. Если взять случай, когда народ или страна защищаются от вторгающейся или оккупирующей иностранной державы, то эта борьба может определенно ассоциироваться с борьбой в защиту демократии, но то и другое не следует смешивать. Национально-освободительное движение само по себе не является ни благосклонным, ни враждебным по отношению к демократии. Здесь мы возвращаемся к нашему отправному пункту. Мы больше не можем в наше время признавать, что демократия должна быть выражением всеобщей воли. Мы даже испытываем страх перед тем, что призыв к единодушию мог бы привести к устранению меньшинств и установлению бесконтрольной и неограниченной абсолютной власти. [...]

Чем более группы интересов становятся разнообразными и специализированными, тем менее они способны заниматься общими проблемами общества и в результате тем больше хиреет демократия. Подвергаясь угрозе, с одной стороны, принуди-

тельного утверждения единства общества и нежелания допускать наличия разнообразия интересов, демократия также подвергается угрозе со стороны многообразия групп давления, чьи действия напоминают действия экономических групп на рынке. Демократия не является ни сообществом, ни политическим рынком.

Нам следует сейчас пойти дальше представления, что демократия является сочетанием индивидуальных интересов и общего интереса. Такое сочетание невозможно, если нет убеждения, что все люди *равны*, несмотря на различия в талантах и судьбе, которые разделяют их (С. 734).

...Наше столетие является веком огромных систем, многонациональных корпораций, рекламно-пропагандистских кампаний и тоталитарных государств. Вот почему демократия оказывается крепко связанной со свободой, со способностью противостоять угнетению и бюрократии, с массовым потреблением и средствами информации, но огромное большинство мира все более склоняется к дефиниции демократии, основанной на личных, а необщинных соображениях (С. 735).

...Нам следует определять демократию более усложненно и реалистически – как *свободный выбор правления, представляющего интересы большинства и уважающего фундаментальное право всех людей жить в соответствии со своими убеждениями и основными интересами* (С. 736).

Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М., 1995

Триумф Запада, западной *идеи* очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив. В последнее десятилетие изменилась интеллектуальная атмосфера крупнейших коммунистических стран, в них начались важные реформы (С. 290).

...То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эво-

люции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет и страницы ежегодных обзоров «Форин Аффера» по международным отношениям будут пустовать, – ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот идеальный мир и определит *в конечном счете* мир материальный (С. 291).

Действительно ли мы подошли к концу истории? Другими словами, существуют ли какие-то фундаментальные «противоречия» (С. 297), разрешить которые современный либерализм бессилён, но которые разрешались бы в рамках некоего альтернативного политико-экономического устройства? Поскольку мы исходим из идеалистических посылок, то должны искать ответ в сфере идеологии и сознания. Мы не будем разбирать все вызовы либерализму, исходящие в том числе и от всяких чокнутых мессий; нас будет интересовать лишь то, что воплощено в значимых социальных и политических силах и движениях и является частью мировой истории...

В уходящем столетии либерализму были брошены два главных вызова – фашизм и коммунизм. Согласно первому, политическая слабость Запада, его материализм, моральное разложение, потеря единства суть фундаментальные противоречия либеральных обществ; разрешить их могли бы, с его точки зрения, только сильное государство и «новый человек», опирающиеся на идею национальной исключительности. Как жизнеспособная идеология фашизм был сокрушен второй мировой войной...

Гораздо более серьезным был идеологический вызов, брошенный либерализму второй великой альтернативой, коммунизмом (С. 298).

...Поскольку классовый вопрос отошел на второй план, привлекательность коммунизма в западном мире – это можно утверждать смело – сегодня находится на самом низком уровне со времен окончания Первой мировой войны. Судить об этом можно по чему угодно: по сокращающейся численности членов

и избирателей главных европейских коммунистических партий и их открытым ревизионистским программам, по успеху на выборах консервативных партий в Великобритании и ФРГ, Соединенных Штатах и Японии, выступающих за рынок и против этатизма; по интеллектуальному климату, наиболее «продвинутые» представители которого уже не верят, что буржуазное общество должно быть наконец преодолено. Это не значит, что в ряде отношений взгляды прогрессивных интеллектуалов в западных странах не являются глубоко патологичными. Однако те, кто считает, что будущее за социализмом, слишком старые или слишком маргинальны для реального политического сознания своих обществ (С. 299).

...В настоящее время Советский Союз никак не может считаться либеральной или демократической страной; и вряд ли перестройка будет столь успешной, чтобы в каком-либо обозримом будущем к этой стране можно было применить подобную характеристику. Однако *в конце истории* нет никакой необходимости, чтобы либеральными были все общества, достаточно, чтобы были забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития (С. 304).

...Допустим на мгновение, что фашизма и коммунизма не существует: остаются ли у либерализма еще какие-нибудь идеологические конкуренты? Или иначе: имеются ли в либеральном обществе какие-то неразрешимые в его рамках противоречия? Напрашиваются две возможности: религия и национализм.

Все отмечают в последнее время подъем религиозного фундаментализма в рамках христианской и мусульманской традиций. Некоторые склонны полагать, что оживление религии свидетельствует о том, что люди глубоко несчастны от безличия и духовной пустоты либеральных потребительских обществ. Однако хотя пустота и имеется и это, конечно, идеологический дефект либерализма, из этого не следует, что нашей перспективой становится религия. Вовсе не очевидно и то, что этот дефект устраним политическими средствами. Ведь сам либерализм появился тогда, когда основанные на религии общества, не столкнувшись по вопросу о благой жизни, обнаружили свою неспо-

способность обеспечить даже минимальные условия для мира и стабильности. Теократическое государство в качестве политической альтернативы либерализму и коммунизму предлагается сегодня только исламом. Однако эта доктрина малопривлекательна для немусульман, и трудно себе представить, чтобы это движение получило какое-либо распространение. Другие, менее организованные религиозные импульсы с успехом удовлетворяются в сфере частной жизни, допускаемой либеральным обществом.

Еще одно «противоречие», потенциально неразрешимое в рамках либерализма, – это национализм и иные формы расового и этнического сознания. И действительно, значительное число конфликтов со времени битвы при Йене было вызвано национализмом. Две чудовищные мировые войны в этом столетии порождены национализмом в различных его обликах; и если эти страсти были до какой-то степени погашены в послевоенной Европе, то они все еще чрезвычайно сильны в «третьем мире». Национализм представлял опасность для либерализма в Германии, и он продолжает грозить ему в таких изолированных частях «постисторической» Европы, как Северная Ирландия.

Неясно, однако, действительно ли национализм является неразрешимым для либерализма противоречием. Во-первых, национализм неоднороден, это не одно, а несколько различных явлений – от умеренной культурной ностальгии до высокоорганизованного и (С. 305) тщательно разработанного национал-социализма. Только систематические национализмы последнего рода могут формально считаться идеологиями, сопоставимыми с либерализмом или коммунизмом. Подавляющее большинство националистических движений в мире не имеет политической программы и сводится к стремлению обрести независимость *от* какой-то группы или народа, не предлагая при этом сколь-нибудь продуманных проектов социально-экономической организации. Как таковые, они совместимы с доктринами и идеологиями, в которых подобные проекты имеются. Хотя они и могут представлять собой источник конфликта для либеральных обществ, этот конфликт вытекает не из либерализма, а скорее из

того факта, что этот либерализм осуществлен не полностью. Конечно, в значительной мере этническую и националистическую напряженность можно объяснить тем, что народы вынуждены жить в недемократических политических системах, которых сами не выбирали...

Что означает конец истории для сферы международных отношений? Ясно, что большая часть третьего мира будет оставаться на задворках истории и в течение многих лет служить ареной конфликта. Но мы сосредоточим сейчас внимание на более крупных и развитых странах, ответственных за большую часть мировой политики. Россия и Китай в обозримом будущем вряд ли присоединятся к развитым нациям Запада; но представьте на минуту, что марксизм-ленинизм перестает быть фактором, движущим внешнюю политику этих стран, – вариант, если еще не превратившийся в реальность, однако ставший в последнее время вполне возможным. Чем тогда деидеологизированный мир в сумме своих характеристик будет отличаться от того мира, в котором мы живем? (С. 306).

...Таким образом, Советский Союз находится на распутье: либо он вступит на дорогу, которую сорок пять лет назад избрала Западная (С. 309) Европа и по которой последовало большинство азиатских стран, либо, уверенный, в собственной уникальности, застрянет на месте. Сделанный выбор будет иметь для нас огромное значение, ведь, если учесть территорию и военную мощь Союза, он по-прежнему будет поглощать наше внимание, мешая осознанию того, что мы находимся уже по ту сторону истории...

Это ни в коем случае не означает, что международные конфликты вообще исчезнут. Ибо и в это время мир будет разделен на две части: одна будет принадлежать истории, другая – постистории. Конфликт между государствами, принадлежащими вышеупомянутым частям мира, будет по-прежнему возможен. Сохранится высокий и даже все возрастающий уровень насилия на этнической и националистической почве, поскольку эти импульсы не исчерпают себя и в постисторическом мире. Палестинцы и курды, сикхи и тамилы, ирландские католики и вал-

лийцы, армяне и азербайджанцы будут копить и лелеять свои обиды. Из этого следует, что на повестке дня останутся и терроризм, и национально-освободительные войны. Однако для серьезного конфликта нужны крупные государства, все еще находящиеся *в рамках истории*; а они-то как раз и уходят с исторической сцены.

Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, — вместо всего этого — экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Я ощущаю в самом себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала. Какое-то время эта ностальгия все еще будет питать соперничество и конфликт. Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее североатлантической и азиатской ветвями. Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт? (С. 310)

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999

Мой критический взгляд на систему мирового капитализма основывается на двух моментах. Один из них касается недостатков рыночных механизмов. Здесь я имею в виду в основном неустойчивость, присущую финансовым рынкам. Другой момент связан с недостатками того, что я вынужден назвать, в силу отсутствия лучшего названия, нерыночным сектором...Здесь я имею в виду прежде всего несостоятельность политики нравственных ценностей как на национальном, так и на международном уровнях (С. XIX).

...Мы должны научиться проводить разграничение между принятием индивидуальных решений, что выражается в рыночном поведении, и коллективным принятием решений, что выражается в общественном поведении в целом и в политике – в частности. В обоих случаях нами руководит своекорыстие, но в случае коллективного принятия решений мы должны ставить общие интересы выше эгоистических, даже если другие участники рынка не способны это сделать. Это – единственный способ облегчить преобладание общих интересов (С. XXIV).

...Для стабилизации и подлинного регулирования мировой экономики нам нужна некая мировая система принятия политических решений. Иными словами, нам необходимо новое мировое сообщество для поддержания мировой экономики. Мировое сообщество не означает мирового государства. Отмена государства не является (С. XXV) ни реальной, ни желательной; но вплоть до настоящего момента, поскольку существуют общие интересы, выходящие за рамки государственных границ, суверенитет государств должен быть подчинен международному праву и международным институтам (С. XXVI).

...Ценности Просвещения можно сделать значимыми для нашего времени путем замещения разума ошибочностью и замены «обремененной личности» необремененной личностью философов Просвещения. Под «обремененными личностями» я имею в виду людей, нуждающихся в обществе, – людей, которые не могут существовать в прекрасной изоляции, но все же лишенных чувства принадлежности, которое было настолько огромной частью жизни людей во времена Просвещения, что они даже не осознавали этого. Мышление «обремененных личностей» формируется их общественным окружением, их семьей и другими связями, культурой, в которой они воспитывались. Они не занимают вневременную, лишенную перспективы позицию. Они не наделены совершенным знанием, они не лишены корысти. Они готовы бороться за выживание, они не изолированы; неважно, насколько хорошо они будут бороться, но они не выживут, поскольку они не бессмертны. Им необходимо принадлежать чему-то большему и более длительно существующе-

му, хотя, будучи подверженными ошибкам, они могут не признавать этой своей потребности. Другими словами, это – настоящие люди, мыслящие агенты, мышление которых не свободно от ошибок, а не персонификации абстрактного разума.

Выдвигая идею «обремененной личности», я, безусловно, занимаюсь тем же абстрактным мышлением, что и философы эпохи (С. 104) Просвещения. Я предлагаю еще одну абстракцию, основанную на нашем опыте, но с их формулировкой. Реальность всегда сложнее, чем наше толкование. Диапазон людей, живущих на земле, может варьировать в бесконечно широких пределах: от тех, кто приблизился к идеалам Просвещения, до тех, про кого едва ли можно сказать, что они живут как личности, – при этом кривая распределения явно отклоняется в сторону последних.

Идея, которую я хочу донести, заключается в том, что мировое сообщество никогда не может удовлетворить потребность людей в адекватной принадлежности. Оно никогда не сможет стать сообществом. Оно – такое большое и пестрое, в нем присутствует так много различных культур и традиций. Те, кто хочет принадлежать общности, должны искать ее где-то еще. Мировое сообщество должно всегда оставаться чем-то абстрактным – некой универсальной идеей. Оно должно уважать потребности «обремененной личности», признать, что эти потребности не удовлетворяются, но оно не должно стремиться удовлетворить их полностью, потому что никакая форма общественной организации не может удовлетворить их раз и навсегда.

Мировое сообщество должно осознавать свою ограниченность. Это – универсальная идея, а универсальные идеи могут стать очень опасными, если они заводят слишком далеко. И именно мировое государство завело бы идею мирового сообщества слишком далеко. Все, что может дать универсальная идея, так это – послужить основанием для правил и институтов, необходимых для сосуществования множества обществ, составляющих мировое сообщество. Оно не может дать сообщество, которое удовлетворило бы потребность людей в принадлежности. Но тем не менее идея мирового сообщества должна пред-

ставлять нечто большее, чем агломерацию рыночных сил и экономических операций.

Принципы открытого общества

Как «обремененная личность» может быть связана с открытым обществом или, выражаясь менее абстрактно, как может (С. 105) мир, состоящий из «обремененных личностей», способствовать созданию открытого мирового сообщества? Необходимо признание нашей ошибочности, но одного этого – явно недостаточно. Нужно дополнительное звено.

Ошибочность устанавливает сдерживающие факторы, которые необходимо учитывать при коллективном принятии решений, чтобы защитить свободу личности, но ошибочность должна также сопровождаться позитивным импульсом к сотрудничеству. Вера в открытое общество как в желаемую форму общественной организации могла бы предоставить такую возможность. В сегодняшней ситуации, когда мы уже тесным образом взаимосвязаны с мировой экономикой, эта возможность должна существовать уже в мировом масштабе. Нетрудно идентифицировать ценности, разделяемые всеми. Избежать разрушающих вооруженных конфликтов, особенно ядерной войны, защитить окружающую среду, сохранить мировую финансовую и торговую системы – мало кто откажется от этих целей. Сложность заключается в определении того, что именно должно быть сделано, и в создании механизма для осуществления того, что должно быть сделано... Стремиться к удовлетворению общих интересов необходимо с большой осторожностью – методом проб и ошибок. Претендовать на знание общих интересов так же ошибочно, как и отрицать их существование (С. 106).

Демократия среди участников и рыночная экономика являются важнейшими элементами открытого общества, как и механизм регулирования рынков, особенно финансовых, наряду с определенными мерами, направленными на защиту мира, закона и сохранение правопорядка в мировом масштабе. Нельзя точно определить формы этих мероприятий исходя из первых принци-

пов. Перестройка реальности сверху донизу нарушила бы принципы открытого общества. В этом ошибочность и отличается от рациональности. Ошибочность означает, что никто не владеет монополией на истину. Фактически принципы открытого общества великолепно изложены в Декларации независимости. Все, что мы должны сделать, так это заменить в первом предложении слова «эти истины, как считается, не требуют доказательств» на слова «мы согласились принять эти принципы как истины, не требующие доказательств». Это означает, что мы не следуем велению разума, но делаем сознательный выбор. На самом деле истины Декларации независимости не являются истинами, не требующими доказательств, это – рефлексивные истины в том смысле, в котором все положения – рефлексивны.

Существуют другие причины, почему я верю, что ошибочность и «обремененная личность» составляют лучшую основу для создания открытого мирового сообщества. Чистый разум и моральный кодекс, основанный на ценности личности, являются изобретениями западной культуры; они почти не имеют резонанса в других культурах. Например, конфуцианская этика основана на семье и отношениях, которые не очень стыкуются с универсальными концепциями, принятыми на Западе. Ошибочность допускает огромное культурное разнообразие. Западная интеллектуальная традиция не должна навязываться без разбора всему миру во имя универсальных ценностей. Западная форма представительной демократии может являться отнюдь не единственной формой правления, совместимой с открытым обществом.

Тем не менее должны существовать некоторые универсальные ценности, которые станут общепризнанными. Открытое общество – согласно самой концепции – должно быть плюралистическим (С. 107), но в стремлении к плюрализму оно не должно заходить настолько далеко, чтобы перестать различать, что такое хорошо и что такое плохо (С. 108).

Учебное издание

Айрапетов Арутюн Гургенович

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В XX ВЕКЕ
(либерализм, консерватизм, фашизм)**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

На обложке представлены портреты (слева направо):

Х. Арендт, Д. Белл, М. Вебер, А. Гитлер, Дж. Гэлбрейт,
Р. Миллс, Г. Моска, Э. Мунье, В. Парето, Б. Муссолини,
К. Поппер, Дж. Сорос, У. Ростоу, А. Розенберг, Э. Тоффлер,
Ф. Хайек, А. Турен, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, И. Шумпетер

Компьютерная верстка *Н. В. Поповой*

ISBN 978-5-89016-555-8

Подписано в печать 16.02.2010 г. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 9,48. Уч.-изд. л. 8,53. Тираж 1000 экз. Заказ 3017.

Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г